НЁМАН

8/2017
АВГУСТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Заместитель директора – главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

Адрес редакции

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 325-85-25, заместителя главного редактора — 319-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 304-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Подписные индексы:

*74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.*

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Директор – главный редактор
Павел Яковлевич СУХОРУКОВ

Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Староверова*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

Подписано в печать 14.08.2017. Формат 70 ×108 $^1/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,80. Уч.-изд. л. 18,03. Тираж 1464. Заказ

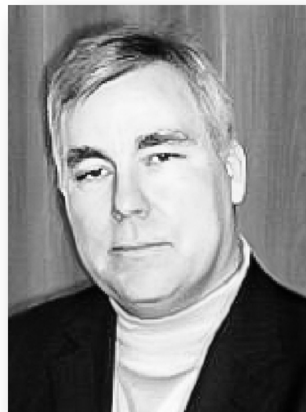
Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

*Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.*

16 +

Сергей ТЕЛЕВНОЙ
При участии Дениса Логинова, моего внука.

Я — не заморыш![*]

Повесть

Увидеть Пермь и обалдеть: фонтаны, театры, небоскребы!

Короче, мечта-фантазия моя покружила над Волгой, далее — над Камой и угомонилась. Поезду «пыхтеть» еще, наверное, сутки. Никаких особых приключений за это время не случилось. Компания с Маленькой Эротикой тоже притихла, песен не пела, пивасик, видно, закончился. Учебники тихо лежали под подушкой нераскрытыми. Попутчики с соседних полок поменялись — даже не запомнились. СМСки мне перестали приходить — батарейка в телефоне совсем разрядилась.

Поезд прибыл на станцию Пермь-II.

— А почему на Пермь вторую, а не на первую? — спросил я у мамы. — Мы что, второй сорт? — У меня возникла дурацкая мысль, что сюда привозят не самых, так сказать, знатных пассажиров. Типа мигрантов-гастарбайтеров и жителей поселков, которые «ни к селу ни к городу». То, что мысль дурацкая, подтвердила мама.

— Дурачок, какой же второй сорт? Здесь целый Транссиб проходит!

Я что-то об этом слышал, из телика, что ли? Спросил у мамы:

— А что такое Транссиб?

— Великий Сибирский Путь! Самая длинная железная дорога в мире! — как-то с пафосом сказала мама и добавила: — Через всю Европу, через Урал и Сибирь, аж до Тихого океана.

— Самая длинная в мире? Ничего себе! — Я слегка загордился. Конечно, из пассажиров второго сорта — прямо к мировым масштабам. — Это что, мы великие путешественники?

— Ну, прям уж великие… Давай продвигайся к выходу.

Мы вышли последними, потому что нас никто не встречал. Меня покачивало от трехсуточной езды в поезде.

Я вспомнил слова тети Гали: это, мол, край зэков и ментов. Ни тех, ни других я не видел, кроме дежурных полицейских, степенно прохаживавшихся по вокзалу. Меня мама оставила в зале ожидания с сумками, а сама куда-то побежала. Мой отцветающий зеленоватый фингал, все еще выплывающий из-за черных очков, полицейских не привлек. Хотя, если честно, когда они проходили мимо, я почувствовал себя заморышем, съежился и потянулся в карман за паспортом. Он, мне казалось, прикрывал мою грудь, как бронежилет.

Потом я видел, как к полицейским подошла мать, что-то спрашивала, записывала, они старательно объясняли.

---

[*] Окончание. Начало в № 7 за 2017 г.

Честно говоря, мне нравилось, что мать у меня такая смелая, — подошла прямо к полицейским, не побоялась. Мне вспомнилось недавнее — как мы с ней в ментовке у нашего участкового были. Может, информация про нас, про семью хулиганов, уже сюда пришла? У них это быстро. Хотя участковый нашему делу обещал не давать хода. Говорил при Завмаге, при всех. А там кто его знает… Подошла мама:

— Ты что такой озабоченный?

— Мам, ну ты такая деловая, — не стал я рассказывать ей о причине своей озабоченности. — Тебе не страшно в таком большом городе? Народу тьма…

— Нам нельзя народа бояться, мы сюда приехали не за этим, — улыбалась и в то же время волновалась мама. — В мегаполисе другой ритм жизни.

— Мегаполис! — с придыханием произнес я. Конечно, мне приходилось слышать это слово, и его значение было в принципе понятно. Но вот так, чтобы ты сам в мегаполисе — это супер! Я опять загордился собой: Транссиб, мегаполис! Мне также нравилась мамина уверенность, которая передалась мне.

— Пошли, сначала нам надо на трамвай, — скомандовала она.

Ехал в трамвае я первый раз в жизни — ощущение, как на маленьком поезде☺ За окном медленно плыли картины города. Ну, это по сравнению с нашим поселком Лесостепным, который «ни к селу ни к городу», — просто космос! Потом своим расскажу. Например, Дениске рыжему или Маришке, может, Ленке. Хотя нет, ей не буду.

…Плыл я в трамвае, покачиваясь, и понимал: ту лужу безденежья, которая еще с раннего моего детства чавкает у нас в поселке под ногами и рисовалась в стиле фэнтези, надо… замостить тротуарной плиткой, как в Перми. Вот и все — очень просто!

Трамвай постукивал на стыках, за окнами возникали фантастические картины мегаполиса: театр, фонтаны, памятники, зеркальные небоскребы. Для меня все, что выше третьего этажа, — уже небоскреб. Супер! Короче, меня этот город покорил — Пермь Великая!

Я взглянул на маму, пытаясь найти понимание. Она была поглощена чем-то своим и прислушивалась к названиям остановок. Ну да, конечно, она же не просто катается в трамвае, а едет к тяжелобольному моему отцу. И меня мысли вернули к отцу.

Да… Его этот огромный город не баловал. Скорее наоборот — постоянные проблемы с работой, с жильем, со здоровьем. Я почему-то подумал: вот если бы у меня родился младший брат, если б родители не разошлись, мы бы вчетвером жили в Перми. И аварии с отцом, скорее всего, не случилось. Вообще у нас бы судьба — другая — не когтистая злая тетка. А так имеем, что имеем. Каждый — по отдельности…

Я не то чтобы обиделся на мегаполис за отца, но удивился: почему все так несправедливо? Кто-то в роскошных иномарках и в небоскребах, а кто-то совсем безлошадный и в общагах да съемных каморках? И тут мне стало как-то обидно за мой маленький несуразный поселок Лесостепной. Там и леса-то нет, кроме выгоревшей лесополосы, и степь сильно уж суховейная, и всего несколько трехэтажек… Какое-то несправедливое распределение. Это что же, я его, мой поселок, выходит, предаю? Что, измена родине? Хотя Пермь, конечно, супер!

— Константинович, выходи, — толкнула меня мама. — Сейчас надо пересесть на автобус.

Мы попали в час пик — все ехали с работы. Народу тьма. Много очень красивых девчонок. В голове закрутилось дурацкое:

Девочки и мальчики,
Дуры и обманщики…

Пока ждали автобус, я пытался этих девчонок сравнивать с Ленкой, Маленькой Эротикой (из нашего вагона) и Маришкой. Мысленно становился радом с каждой. А что, при моих ста восьмидесяти сам вполне… Ну, синяк, который еще не сошел, не в счет. Я быстро запутался с этими девчонками, потому что они, заразы, все разные, и каждая мне нравилась. Наверное, я гиперозабоченный. Я же и по рождению — гиперактивный кесаренок.

Толпа занесла нас с несуразными баулами в автобус. Езда быстро утрясла пассажиров, прижав меня к окну. Я чуть не потерял черные очки, пришлось снять. Переезжали через Каму, которая впадает… в Каспийское море. Я улыбнулся своим тайным знаниям. А за окном взметнулся нереальный лес — сосновый бор, как я понял из разговоров местных. Тут вспомнились мне посаженные в ящике на нашем подоконнике грецкие орехи. Интересно, будет с них толк? Про «рощу Кирилла», глядя на сосновый бор, мне даже смешно было думать. Смешно и обидно, почему-то…

Еще препятствие перед встречей с отцом

Приехали в больницу, которая почему-то называется медсанчасть, уже к вечеру. Охранник на проходной, весь в черном, как какой-то супергерой, строго объяснил, что доступ посетителям закрыт, начальство ушло. Есть только дежурные врачи.

— Но мы три тысячи километров добирались сюда! Нам надо увидеть больного!

— Завтра все решите, — сказал охранник, отвернулся и начал есть из какой-то мисочки лапшу быстрого приготовления. По-нашему — бич-пакеты. Как-то он со своей лапшой перестал казаться мне супергероем.

— А как же нам быть? — не отставала мама. — Как связаться с дежурным врачом?

— Это не ко мне… Я же не служба спасения.

Я злился на охранника и думал: как прорваться через проходную? Просто перепрыгнуть через турникет и рвануть к больничному корпусу? Может, плеснуть ему лапшой в физиономию? Дурацкие, конечно, мысли. Или попробовать что-то подипломатичнее?

— Дяденька, — обратился я к охраннику, — у вас отец есть?

— Ну, допустим…— перестал жевать охранник и настороженно посмотрел на меня.

— А если б он лежал тяжелобольным, вы бы как поступили?

Я сам не ожидал от себя такой наглости, но вопрос был задан. Охранник встал, повернулся всем корпусом ко мне, очень внимательно изучил мою физиономию и сказал:

— С таким фингалом к отцу я бы не пошел. — И пояснил: — Потому что еще бы получил от него.

— За что? — удивился я.

— Мой отец так рассуждал: если не можешь постоять за себя, значит, ходи с вечными синяками...

Мне стало обидно за себя, и я выпалил:

— Мы с Амбалом махались! Он такой бык! — Но на «бич-пакет», как я окрестил охранника, это не произвело впечатления. Он продолжил хлебать лапшу.

Мама присела на стул и прислонилась головой к стенке. Устала.

— Что нам делать-то?

— А вы, когда ехали сюда на ночь глядя, что думали? — оторвался от еды охранник.

— Так мы ж с поезда…

— С поезда, с поезда… Что вы все едете и едете в город. Кто вас тут ждет?

— Вы же понимаете, мы вынужденно сюда приехали. Отец его весь в гипсе…

— Здесь все в гипсе или на костылях. Кто сильно к родственникам хочет попасть, тот находит способ.

Мама поняла это по-своему. Взяла сто рублей, вложила в паспорт и протянула охраннику.

— Слушай, подруга, — это он к маме обратился, — я же не это имел в виду. Вы, я вижу, и так народ небогатый. Так что забери.

Мама воспользовалась добротой супергероя:

— Телефон на зарядку можно поставить?

— Ну, давай, — позволил охранник и обратился ко мне: — С такими длинными ногами перемахнуть через забор — раз плюнуть.

— Что, правда? Можно через забор?

— Как хочешь, так и понимай. Мое дело тебя потом изловить, — басовито засмеялся супергерой в черной форме, уже не казавшийся мне бич-пакетом.

Я вышел из проходной и пошел вдоль забора, примеряясь к нему. Оказалось, высоко. Сначала надо было забраться на дерево, что я и сделал.

Перепрыгнул с ветки на забор и перевалился через него, как мешок с… Ну, понятно, с чем. Рухнул в кустарник, разодрал физиономию и подвернул ногу: «Е-пэ-рэ-сэ-тэ!..»

Неожиданно для меня самого из глаз хлынули слезы. Стоп! Чего расквасился? ☹ Мужчина должен терпеть боль! Я сидел в кустах, вытирал разодранную щеку и слезы. Короче, развел целую лужу. Нет, я не плакал, слезы сами, блин, текли. Было не так больно, как обидно.

Отец так близко, а я с синяком, разодранной щекой и весь в соплях сижу здесь в кустах. Это какой-то трындец! Решил отсидеться в кустах, подождать, пока слезы позорные не высохнут.

Надо мной неожиданно возник охранник в черном. Оказывается, он видел в камеру видеонаблюдения, как я бестолково свалился с забора в кусты, и поспешил ко мне.

— Что с тобой? Все нормально? Тогда чего расселся? — оценил он мою исцарапанную физиономию. — Не плачь, все пройдет!

— Я не плачу, — огрызнулся и просто возненавидел себя: блин, какой я лох, вечный неудачник и заморыш! Постоянно у меня все не так, как у людей…

— Вставай, пошли, — беззлобно и как-то устало сказал охранник.

— Вы меня что, задержали? — вспомнил я его недавние слова про то, что он должен меня изловить. — Это что, была подстава? — возмутился я и стал думать о нем как о «бич-пакете».

— Дурачок ты еще, — сказал охранник. — Насмотрелся мультиков да боевиков и все в войнушку играешь.

— Я мультики не смотрю, — пробовал я возразить. — Мы куда идем?

— Сначала умыться надо, а потом будет видно, — охранник довел меня до пропускного пункта и легонько подпихнул в подсобку, а сам занял свой пост у амбразуры окна. Через приоткрытую дверь подсобки я видел маму в углу на стульчике — такую поникшую, усталую. Она меня не заметила. Умылся, слезы исчезли, только физиономия по-прежнему была опухшей и разодранной. Ладно, до свадьбы заживет, как говорила мама. В связи со свадьбой вспомнилась Звездная Звезда Ленка, Маленькая Эротика из вагона и Маришка. Все сразу! Или я такой озабоченный, или у меня сильно мягкое сердце — не могу вычеркнуть ни одну. Что это я про любовь, тут отец к постели прикован. М-да… Видели бы девчонки меня сейчас!

Думая о них, я вдруг понял, что оттягиваю встречу с отцом. И хочется видеть его, и как-то тревожно, даже боязно.

— Ну что, все? — заглянул в подсобку охранник.

— Вроде да, — неуверенно сказал я, рассматривая себя в зеркале над умывальником.

— Ничего! Мужчину шрамы украшают! — это я уже неоднократно слышал.

— А кто там у вас? — всполошилась мама на своем стульчике в углу. — Кирилл, ты, что ли? — она заглянула в амбразуру.

Скрываться было нечего:

— Ну, я…

— Что с тобой? — вскрикнула мать, когда я появился.

— Нечаянно упал с забора.

— Господи, горе ты мое! — и расплакалась. — Ничего не сломал?

— Так, подруга! Ты меня начинаешь доставать! — зарычал охранник на мою мать и обратился ко мне: — А ты или выметайся отсюда и держись за мамкину юбку, или дуй быстрее в палату к отцу.

— А там пустят? — засомневался я, ощущая себя заморышем.

— Да что ты как размазня, — сказал охранник с интонацией дядьки Мишки-зоотехника. — Пустят!

И какого фига мне именно сейчас вспомнился этот скотовод из Лесостепного? А вдруг он станет моим отчимом?

Как я столкнулся с… мертвецом и судном

Ковыляя на подвернутой ноге, я добрался до корпуса. В больничном коридоре было пустынно. Я с опаской продвигался, всматриваясь в номера палат. В конце коридора копошилась санитарка.

— Стой, ты куда! — санитарка, опершись на швабру, внимательно осмотрела меня. — Ты откуда такой чумазый? И драный весь…

— К отцу я… Мы только что с поезда. Приехали из Лесостепного.

— Откуда?.. — снова оценила взглядом меня санитарка. — Хорошо хоть не из Мухосранска, — расплылась она в улыбке, довольная своей шуткой, и продолжила в том же духе: — Кишлак, что ли, какой-то?

— Вообще-то поселок городского типа, — с некоторой обидой сказал я. — У нас там нет кишлаков, только хутора, села, поселки… И города, — добавил я веско.

— Ну надо же! — с деланым восхищением произнесла санитарка.

— Мне бы в травматологию… В триста восьмую палату. Вы не подскажете? — заискивающе спросил я, ненавидя себя за робость.

— Так время посещения больных закончилось. Как ты туда пройдешь? Все закрыто. Тебе ж на третий этаж надо. Это только на служебном лифте. Да и бахилы надо купить, и халат накинуть…

— А где их купить?

— Перед медсанчастью аптека. Но она закрыта…

— А что ж мне делать?

— Ну, есть у меня для таких, как ты, — с укоризной сказала санитарка и безапелляционно добавила: — Давай 50 рэ.

У меня оставались карманные деньги, которые я у дядьки Мишки-зоотехника на его «авгиевых конюшнях» заработал.

Без слов отдал ей полтинник, она так же молча протянула мне халат и бахилы. Санитарка указала, где лифт. Немного постоял, подождал, обдумывая, как встречусь с отцом. Лифт опустился, с шумом распахнулась дверь, и оттуда мне навстречу выкатились санитарные колесные носилки, на которых под простыней лежал… мертвец!

Блин!.. Я аж отшатнулся. Санитар, который опустился вместе с мертвецом, не удостоив меня взглядом, деловито развернул колесные носилки и покатил в узкий кафельный коридор. Наверное, в морг.

Я, конечно, в фильмах видел всякие страшилки, трупы и все такое… Тогда мне не боязно было, а скорее прикольно. Но тут — в реале на тебя едет мертвец на коляске! Лифт оставался открытым. Если честно, мне страшно было туда входить. Нет, я не такой уж трус. Вон, против Амбала пошел один на один! А тут… ☹ Где мой бойцовский характер?

— Ты что остолбенел? — крикнула из глубины коридора санитарка. — Мертвецов, что ли, боишься?

— Да не боюсь я ничего, — промямлил ей в ответ. Про себя подумал: мне, между прочим, только 14 лет, я еще практически ребенок. Все дети балдеют от встречи с мертвецами. Так я мысленно оправдывался перед санитаркой.

Она подошла, устало посмотрела на меня и легонько подтолкнула в лифт:

— Надо живых людей бояться, а не мертвых. — И добавила: — Две минуты, и ты на третьем этаже. Я отсюда нажму кнопку. Не бойся.

За моей спиной двери угрожающе закрылись. Я оказался один внутри лифта. Только что здесь был мертвец. Ужас! А вдруг это был отец? Не успел я развить страшные мысли, как лифт остановился и распахнулся. Я вылетел из его утробы — даже забыл про боль в ноге, которую недавно подвернул.

— Фу… Слава Богу! — произнес я вслух, осторожно и неумело перекрестившись. Этого за мной раньше не замечалось. Тут я почему-то вспомнил про Троицкую церковь, которая в нашем поселке строится, про то, что денег нам на дорогу выделил батюшка.

М-да… Еще четыре дня назад я и не представлял, что буду за три тысячи километров от нашего Лесостепного, который «ни к селу ни к городу». Вроде и люди в нашем поселке простые и не особо добрые — не сказочные герои и не телевизионные благотворители. А ведь помогали нам с мамой добраться сюда: и Завмаг, и дядька Мишка-зоотехник, и классная моя, и участковый, и тетя Галя. И Дениски рыжего мать — она за меня вступилась перед классной. А Маришка — реально моя спасительница! Нет, она точно в меня влюбилась ☺ А вот Звездная Звезда Ленка, посмеивалась надо мной. Я для нее — ореховую аллею, а она с Амбалом...

Вот мама моя, конечно, «декабристка»! Взяла и сорвалась со мной за тысячи километров. Может, она, и правда, батю моего еще любит? Все эти скомканные мысли молниеносно пронеслись в моей черепушке.

И вот я здесь и сейчас увижу отца.

Он буквально рядом, на этом этаже, в палате № 308. Странно, с одной стороны, я очень хотел увидеть отца, с другой — боялся встречи с ним. Как он там? Может, он и не захочет меня видеть. Я, например, если бы лежал трупом, в гипсе, точно не захотел, чтоб кто-то меня такого видел. Например, Ленка.

— Давай, Кирилл, смело пошел, — сказал я в приказном тоне сам себе вслух в пустом коридоре.

Прихрамывая, двинулся вдоль стены, как бы таясь. Так, это — четная сторона: триста вторая палата, триста четвертая, триста шестая… Я что-то откуда-то помню про палату № 6. Там вроде шизики обитали. Но мне не сюда, тем более — это палата 306, а не 6.

Вот палата № 308! У меня бешено заколотилось сердце.

Вдруг дверь распахнулась, на пороге появилась и чуть не столкнулась со мной санитарка с судном в руках. Судно, понятно, не то, которое плавает по Каме или Волге. М-да… Я что-то и не задумывался, что больные, как бы это литературно сказать, ходят по-маленькому и по-большому. Такая вот встреча… Я отвел от судна глаза и нос.

— Это что за чудо в перьях? — спросила меня санитарка настолько искренне, что я невольно обернулся в поисках этого самого чуда. — Ты кто такой и откуда?

— Я Кирилл из Лесостепного. Из поселка городского типа, — уточнил я, чтобы и эта санитарка не подумала, что из какого-то там кишлака. Они, санитарки из мегаполисов, как я понял, городами считают только миллионники. Для них все, что меньше, — кишлак.

— Мне фиолетово, какого типа.

— Я к отцу. Константин его зовут, — уточнил я. — Травматология, после аварии, палата № 308.

— Ну, есть такой… Нуждается в круглосуточном уходе.

— Вот мы и приехали, чтоб ухаживать. Я и моя мама.

— Что-то вы не спешили, родственнички, — пробурчала санитарка, — Выноси тут дерьмо за вашими… — Она удалилась с колышущимся судном.

Ну вот мы и встретились с отцом!

Я остался перед открытой дверью. Ну!.. Помню, когда был маленьким, бежал навстречу отцу, возвращавшемуся с работы, и бесстрашно бросался ему на руки. Он головокружительно подбрасывает меня вверх — аж дух захватывало! Вот и сейчас было такое состояние.

Я нерешительно переступил через порог. И — не увидел отца.

Четыре кровати со странными конструкциями в виде тросиков, колесиков и штанг стояли в два ряда. Все были заняты. А где отец?

— Пап, ты где? — тихо окликнул я. На всех четырех кроватях отметилось шевеление.

— А к кому пришел? — проскрипел стариковский голос с первой кровати. Это явно не папа.

— Кирилка, это ты? Откуда? — Кровать отца оказалась в дальнем от меня углу, возле окна. Над одеялом торчала загипсованная нога. Батя, подтягива-

ясь на руках, с трудом оторвал голову от подушки. Его голос был слабый, но узнаваемый. В нем слышалось скорее удивление, чем радость. Глаза и щеки провалились, волосы спутались. Но это — отец!

Я в нерешительности подошел. Не знал, как себя вести, — это в детстве я бросался ему на шею! А сейчас? Я подал руку для рукопожатия:

— Привет, па! Как ты?

В ответ батя притянул меня и обнял плетью руки. У меня брызнули позорные слезы. «Птфу, блин!.. Сопли распустил», — разозлился я на себя.

— Сынок, как ты здесь оказался? — у отца повлажнели впавшие глаза.

— Мы с мамой приехали.

— Как? И она с тобой? — мне послышалась в его голосе тревога.

— Мы сюда прямо с поезда. Она внизу, на проходной, — торопливо рассказывал я. — Мать, как узнала, что ты попал в аварию, так все бросила, и вот мы приехали.

Я не стал вдаваться в подробности. Отец как-то заволновался, засуетился. Пытался поправить свои всклокоченные волосы, тер небритые щеки.

— Так она здесь? Надо же… Что ж она не идет? А, ну да… Надо дежурному врачу сказать. — И вдруг ко мне: — А как ты-то сам сюда проник? Сейчас же приема посетителей нет, да и вообще здесь строго…

— Да так и проник… Потом расскажу.

— Ну конечно, у нас времени навалом, — уверенно сказал отец. — А у тебя, вообще, как со школой?

— Да нормально, пап, все путем, — отмахнулся я от неудобной темы. — Давай лучше с мамой решим. Что надо сделать, чтоб ее пустили?

— Сейчас позову санитарку, — отец нажал на звонок. Через некоторое время она появилась:

— Это ты, дед, опять звонишь? — обратилась санитарка к лежавшему у двери старичку.

— Звонил я, — обозначился отец. — Дежурный врач нужен.

— Зачем он тебе?

— Мы с мамой к отцу приехали, — ответил я, уловив, что отец чуть замешкался с ответом: наверное, решал, моя мама жена ему или не жена.

— Да знаю я про тебя, из городского типа, — хмыкнула она.

— Из поселка городского типа, — уточнил я.

— Да мне фиолетово, из какого типа, — и пошла за врачом, как потом выяснилось.

Я видел, что отец волновался. Повисла какая-то нехорошая пауза. Я так много хотел сказать отцу: про жизнь мою пацанскую, про Завмага, про мерседес, который он ремонтировал. Может, про Дениску рыжего, другана моего рассказать, про Маришку, которая не мышка-норушка и, может, в меня влюбилась. Но что-то мои «домашние заготовки» улетучились. Такое ощущение было, будто классная вызвала к доске, а я все забыл. Только про Амбала помнил, потому что отец, как мне показалось, изучал мой синяк.

Я отреагировал на опережение, небрежно проведя рукой по отцветающему фингалу, как бы смахивая его:

— А… Это чепуха, мы с Амбалом махались.

— Амбал, он что, действительно амбал? — участливо спросил отец.

— А то! Шкаф целый, на два года старше, — я хотел уточнить, что Амбал мог бы быть его приемным сыном, но понял, что это будет полнейшая глупость с моей стороны.

Вошел дежурный врач:

— В чем проблема, больной?
— Ну, вы говорили, что нужен постоянный уход, — начал отец.
— ...Вот мы с мамой приехали, — тут же обозначился я.
— Да, действительно, за вами нужен круглосуточный уход. Но это делается не так, не по-партизански. Пусть родственники обратятся завтра к главному врачу, решат все формальности. — Он глянул на меня и спросил: — А собственно вы, молодой человек, как сюда проникли? Кто вас в неурочное время пустил на территорию лечебного учреждения, да еще в палату к тяжелобольным?
Повисла пауза, я не знал, что сказать. Папа виновато раскинул плети своих рук:
— Ну, доктор… Сын за три тысячи километров приехал.
— С матерью, — подсказал я.
— Доктор, да надо радоваться, что еще есть такая молодежь, — вступился за меня скрипучий старик. — Вот ко мне никто не ходит, ни сын, ни внуки. Хоть бы кто сигарету прикурил. А так со мной проблема только для санитарки.
Я не к месту захотел покурить, но понимал, что здесь это нереально, а доктор продолжал:
— Есть режим лечебного заведения, есть время для посещения… Возможно, другим больным вы, молодой человек, мешаете своим присутствием, — обратился ко мне врач, детально изучая мою поцарапанную физиономию с фингалом.
— Да ничего он нам не мешает, — отозвались с других кроватей мужики, на которых я как-то особо не смотрел.
— Так что, доктор, можно, жена моя сюда зайдет? — спросил отец, а у меня аж сердце от радости запрыгало: батя назвал ее, мою мамку, женой.
— И жена за три тысячи километров?.. Ну, пусть только проведает, не более пятнадцати минут.
— Спасибо доктор!
— Пап, я сейчас за мамой! Я знаю, как теперь сюда попасть, — и рванулся из палаты, не обращая внимания на ноющую боль в подвернутой ноге.

А потом мы мыли… «мешок с костями»

На проходной мама уже была наготове, оказывается, дежурный врач позвонил охраннику, чтоб тот ее пропустил.
— Мам, давай за мной!
— Сумки ваши пусть здесь стоят, сохранность гарантирую, — как-то весело отрапортовал супергерой-охранник, бывший «бич-пакет».
Мы повторили с мамой мой недавний путь до палаты № 308. Санитарка с первого этажа, которая думала, что я из кишлака, бахилы дала матери бесплатно. Лифт оказался без покойника. Санитарка с третьего этажа встретила, извиняюсь, без судна в руках.
Вот и палата № 308.
— Мам, да ты не волнуйся, — успокоил я ее.
— Я и не волнуюсь, — судорожно поправляла она волосы, зачем-то внимательно изучила свои руки, посмотрела на меня как-то даже беспомощно и… шагнула в палату.
Я не знаю, что они, мои родители, чувствовали, но сдержанно сказали друг другу «привет».

— Как ты?..

— Да вот…

Мама села возле кровати.

— Мы сейчас без гостинцев… Там, на проходной, все наши сумки.

— Да ладно, здесь нормально кормят.

— Привет тебе от поселковых.

— Спасибо…

Беседа что-то не клеилась, да и отцу, видимо, было трудно говорить. Потом родители молча взялись за руки. У мамы текли слезы, у отца тоже повлажнели глаза.

Я вспомнил картинку из детства, когда они, молодые, стояли, обнявшись посреди улицы. Папа вытирал маме слезы ее зеленым сарафаном. А я, малыш, стоял рядом и тоже ревел. Потом эта картинка много раз возникала в моих снах.

У меня к горлу подкатил комок. Нет! Только не слезы, приказал я сам себе. Нельзя показывать слабость — мужчины не должны плакать. Но противная влага как-то все-таки просочилась. Отец силился улыбаться. Ну, мама — женщина, тут понятно. Слезы ручьем.

Старичок со скрипучим голосом сказал, глядя на нас:

— Слезы радости!..

Вошла санитарка с тазом, полотенцем и какой-то резиновой штукой.

— Вот сейчас и помоем этот «мешок с костями», — сказала она буднично. — А как вы хотели?

— Уже не «мешок», — пытался шутить отец.

— А таблетки почему не пьешь? — строго спросила санитарка, увидев в шкафу тумбочки лекарство. — Вот доктор не видит!..

— Я по схеме, — ответил отец. — Уже наглотался, как наркоман стал…

Мне вдруг вспомнилось про таблетки «лирики», которые глотали некоторые детдомовцы и Амбал. Участковый говорил, что они станут «наркомами», и я испугался за отца.

Мысли про «лирику» перебила санитарка, с шумом задернула шторку, отделявшую батину кровать. Я хотел выйти, а она мне:

— Оставайся здесь и смотри… Теперь будешь матери помогать.

Мне было не по себе, но я остался. Санитарка, надев резиновые перчатки, ловко и как-то бесцеремонно приподняла верхнюю часть туловища отца — насколько позволяла торчащая в гипсе нога. Мама тоже присоединилась к ней. Отец пытался как-то помочь общему делу.

Начали обтирать его тело. Да, это был окончательный скелет, аж страшно. Как будто поняв мои чувства, санитарка сказала:

— Смотри и учись. Тут нет ни страха, ни стыда, — она орудовала мокрым полотенцем, обтирая тело отца. Мама повторяла то же самое, зайдя с другой стороны кровати.

Отец молчал, хотя ему явно было больно от манипуляций с его телом.

— Главное, чтоб пролежней не было, — грубовато поясняла санитарка.

— Да я знаю, я понимаю, — соглашалась мама. — Особенно в области седалищной кости, крестца и копчика.

— Грамотная… — вроде с недовольством сказала санитарка.

— А то!.. — натянуто улыбнулась мама.

Я хотел вставить неуместное, что мама институт закончила, но санитарка мне буркнула:

— Ты не стой без дела, поменяй воду.

Я это сделал — раковина с горячей водой была здесь же, в палате.

— Ну, вот сейчас голову твоему предку помоем и все. Будет жених-женихом!

— Да мне хватит уже женихаться, — подал голос батя.

— Все вы такие, когда лежите трупом, а как оклемаетесь, так…

Санитарка подложила отцу под голову какую-то штуку типа резиновой подушки. Я поливал водой из ковша, мама мылила волосы, санитарка давала указания.

Мне доверили брить батину недельную щетину. Отец пытался помогать, но обессиленно опускал руки. Я, хотя и сам еще никогда не брился, с задачей справился.

— Вот, теперь как юбилейный трояк сияет! — сказала санитарка.

— Как червонец, — слабо улыбнулся отец, несогласный с такой низкой оценкой. Вроде и мама стала веселее. Правда, после бритья щеки отца казались совсем прозрачными.

Я почему-то подумал, что мне и самому надо побриться. А то пушок какой-то несерьезный развелся под носом. Вот царапины сегодняшние заживут, и побреюсь, решил я по-мужски.

Повисла неловкая пауза.

— Ну так, вроде на человека стал похож, а не на мешок с костями, — одобрительно сказала санитарка. — Выкарабкается, бедолага…

— Конечно, папа худой, но жилистый, — сказал я, убеждая всех.

Санитарка не ответила, забрала таз с ковшом и полотенцами, удалилась.

— Спасибо вам!.. — сказала мама вслед ей.

Когда санитарка скрылась за дверями, голос подал скрипучий старичок:

— Спасибо в карман не положишь… Я вот всегда ей мятую сую в карман.

— Да?.. — растерялась мать. — А я думала, что у вас здесь не принято.

— Принято, принято. Дашь хоть полтинник, так примут…

Речь о деньгах озадачила маму. Нет, конечно, она знала, что на лекарства там, на усиленное питание… На первое время деньги имелись.

Кое-какие финансы были и у меня, остались от тех, что дядька Мишка-зоотехник заплатил за навоз. Я, естественно, готов был пожертвовать. Не зря же мама меня называла кормильцем.

Подал слабый голос отец:

— У меня на карточке немного есть. Но где эта карточка, не знаю, — сокрушался он, явно чувствуя себя неловко.

Думаю, он, как и мы с мамой, помнил, что не особо помогал мне финансово. Честное слово, в мою голову приходили и раньше мысли об этом — об алиментах, посылках. И сейчас стало обидно за отца. Не за себя и не за маму, а именно за батю.

Как ему сейчас скверно, не только физически, но и совесть, наверное, грызет. Сыну, то есть мне, 14 лет, а вырос без помощи отца. Впрочем, это я за батю так думал, а что у него в мыслях, не знал. Отец прикрыл глаза, о сберкарте больше не говорил, про аварию не рассказывал.

Мы переглянулись с мамой:

— Пошли, сын?

— Да, мам, пошли…

На меня навалилась усталость — за день столько всего произошло! И главное, встреча с отцом! Я, конечно, рад! Но ожидалось чего-то другого… Хотя что, собственно, должно было случиться?

— Костя, ну, мы пошли, — сказала мама отцу.

— Ну, ладно, спасибо… — Потом отец вдруг спохватился: — А вы где остановились?

— Где? Пока — на проходной, — сказала мама. — Сейчас определимся, не волнуйся.

— Пап, ну, до завтра!

Момент неловкости прошел, я просто радовался, что у меня есть родители, не то что у детдомовских.

Глава V

Ночью к нам ломились — я пустил в ход битые бутылки

Мы вышли из больницы. Я чувствовал убойную усталость и ощущал себя заморышем. Сразу замерз — на дворе май, а тут такая холодрыга! Морось, ветер…

— Мам, где будем ночевать?

— Охранник вот дал записку, в соседнем общежитии договоримся.

Мы долго преодолевали двести метров от корпуса больницы до проходной. Я чувствовал опустошение. Ну, вот встретил отца. Поздоровались, обнялись. Но даже не поговорили толком. С досадой я вспомнил слезы на глазах и снова возненавидел себя.

— Рад, что встретил отца-то? — как бы подслушав мои мысли, спросила мама.

— Конечно, — ответил я без энтузиазма. — Но какой-то папка потухший.

— Наоборот, он взбодрился, когда тебя увидел.

— А может, тебя…

Мы как бы успокаивали друг друга, не очень уверенные, что отец нам был сильно рад. На проходной восстал, как памятник, охранник:

— Проведали отца?

— Проведали…

— Все нормально?

— Нормально.

— Вот видишь, пацан! Если захочешь цели достичь, преград нет, кроме кустов, — засмеялся он и дурашливым жестом показал на мое исцарапанное лицо. Мне, конечно, это не понравилось. И то, что именно он маме дал записку в общежитие на ночлег, тоже меня злило. А мать ему сказала:

— Ну, спасибо, что помогли…

— Да ладно… Я сутки через двое дежурю. Если что, обращайтесь.

Мы взяли наши баулы и потащились в сторону общежития.

Холод и промокшие ноги заставляли нас двигаться быстрее, превозмогая собачью усталость. Я вспомнил, что родился гиперактивным.

Вот и общага. Это, конечно, не небоскреб, какие я видел в центре Перми, но все же пять этажей. А в нашей общаге в Лесостепном — лишь три.

Нас впустили в фойе, мама по записке, которую дал охранник из медсанчасти, нашла какую-то тетку, комендантшу. Она неуловимо напоминала мать Амбала. Мне это не очень понравилось. Особенно — воспоминание про Амбала. И так еще синяк от него не сошел. В связи с этим у меня перед глазами пролетели картинки из недавней моей поселковой жизни: Маришка,

которую я вспомнил первой, Ленка, которая сама бесцеремонно вторглась в мое воображение, Дениска рыжий (туго ему сейчас с Амбалом). Ну и другие вспомнились: Завмаг Артемович, дядька Мишка-зоотехник, участковый...

Комендантша провела нас по мрачному коридору, где тяжело ворочались запахи сырости. Поднялись на второй этаж.

— Вот здесь две кровати… Душ, туалет в коридоре. Деньги вперед. Кавалеров не водить…

— Да вы что, — поперхнулась мама. — Какие кавалеры?!

— Ну-ну… — тетка равнодушно обвела взглядом маму, получила плату за двое суток вперед и, уходя, посоветовала: — Закрывайтесь изнутри на засов. Тут народ всякий обитает, — и показательно лязгнула тяжелой металлической дверью.

— Ну вот, слава богу, теперь отдохнем!.. Сходи в душ, а я пока что-нибудь приготовлю перекусить.

— Ты первая иди, — сказал я, прилег на неразобранную постель и отрубился.

Сквозь сон я едва услышал, как вернулась мама. Она попыталась меня растормошить:

— Вставай, Кирилка, в душ сходи... Или хоть перекуси…

Бесполезно. Не знаю, сколько прошло времени, но сквозь сон послышался страшный грохот: «Ты-джах! Ты-джах!»

— Открой! Открой, я сказал! Это моя комната…

Я вскочил, ошарашенный. Мама в накинутом на ночнушку халате прильнула к дверному глазку:

— Вы кто? Мы с комендантшей договорились…

— Открой, бляха муха! Ты что сюда приперлась? — нетрезво орал за дверью мужик.

— Нас комендантша сюда вселила!

— Какая, нафиг, комендантша!? Выметайся…

— Куда мы ночью?

— Мне пофигу, куда! Ты в чужую комнату приперлась, еще что-то там вякаешь.

Я окончательно проснулся, меня, если честно, колотило от страха. При тусклой лампочке я видел, как по маминым щекам текут слезы.

— Господи, ну приехали в эту Пермь, а тут… Ну кто тут нас ждет?.. — мама уже рыдала. — Кому мы нужны…

— Давай, коза драная, открывай! — гудел утробный голос за дверью. — Будем договариваться… Ха-ха-ха! — Мама отшатнулась от двери и прижалась спиной к стене.

Меня переклинило! Я забыл о страхе и схватил со стола бутылку с минералкой:

— Ах ты, шакал! Я тебя сейчас взорву! А-а-а!!! — и что было мочи запустил бутылкой в металлическую дверь! Грохот был страшным, фонтан стекла и брызг обдал всю комнату. За дверями — тишина!

— Заходи, дрянь! — орал я. — Заходи! В руках у меня оказалась вторая бутылка. Ринулся к двери, под ногами звенели осколки стекла — я был в одних носках. В бешенстве откинул засов на двери, распахнул ее ударом ноги. В метрах трех стоял мужичонка непонятного возраста и весь такой удивленный.

Я жахнул бутылкой о дверной косяк, в руке осталось горлышко — «розочка». Мужик шуганул от меня:

— Звезданутый, что ли? — он метнулся на лестничную клетку. Уже оттуда: — Сейчас тебя менты повяжут… Жди, сопля маринованная!

— Мразь! — крикнул я в ответ на маринованную соплю. — Убью!..

— Кирюша, сынок, успокойся! — это мама меня взяла за локоть. — Вот, тапочки надень.

Обувка плюхнулась передо мной на крошево из стекла и воды. Мама осторожно вынула из моей руки горлышко разбитой бутылки.

— Мам, все нормально, — успокоил я ее, хотя со мной было что-то ненормальное — меня всего колотило.

— Пойдем, сынок, не волнуйся…

Мама закрыла дверь, замела стекла, протерла пол.

Я почувствовал дикую усталость и… голод. А еще — обиду: почему Пермь, такой красивый город с пафосным званием мегаполис, принимает нас так некрасиво, непафосно? Почему? Мне хотелось плакать. Но нет, только не слезы-сопли! Нет!

Я яростно накинулся на еду — смел все, что было на столе. Думал: если в ментовку заберут, когда еще там накормят? Было около двенадцати ночи. За окном не очень и темно.

— Почему так светло? — спросил у мамы.

— Скоро наступят белые ночи…

— Что, и в Перми есть белые ночи?

— Все знают только о белых ночах в Питере, но и в Перми они тоже наступают, — пояснила мама. — Эти города почти на одной широте находятся…

— Ясно, — сказал я, хотя про широту и долготу из географии ничего не помнил. Но сам факт белых ночей меня радовал. Хоть что-то светлое…

Полицейские за мной что-то не приезжали. Маленькие ранки на ступнях противно саднили — я все-таки порезался о стекло разбитой бутылки.

— А может, лучше бы к Денискиному деду на квартиру попроситься? — предложил я матери. — Ну, который елочки в Троицкой церкви посадил.

— Ты что, сын! Он живет в Соликамске, это километров двести, а может, и триста от Перми. И потом, кто мы такие?

— Земляки!

— Этого мало…

— Земляки — это много! — не соглашался я. — Это почти что родня.

— У тебя здесь есть родня ближе некуда. Отец родной.

— Это да. Вот если бы мы вместе жили…

— Кирилл, прекрати! Сходи лучше в душ, с дороги не мылся.

— Пойду...

Я принял душ, затем… отмутузил всех негодяев

Я стоял под душем. Теплые струи смывали с меня шелуху прежней, допермской, доотцовской жизни. Я верил: с завтрашнего дня все будет нормально. Пермь примет нас. Под теплым душем я ощутил себя защищенным.

С отцом тоже все будет хорошо. Это я так прямо с рекламной интонацией и сказал. Надо завтра отнести бате гостинцы: мед, орехи, которые передал дядька Мишка-зоотехник.

Интересно, как там орехи, которые мы с мамой посадили в ящике на кухне? Может, и правда вырастет целая роща, ну или аллея. Аллея Кирилла — ха-ха!.. И по этой аллее я буду гулять со Звездной Звездой. Хотя, пожалуй,

нет, не с ней. Ленка постоянно надо мной смеялась. Вспомнилось ее обидное: «…А он своими макаронинами машет, машет — баранов разгоняет!»

Хотя она, Ленка, права. Я протер запотевшее зеркало, висевшее на двери душевой. М-да… Конечно, она права: на меня уныло смотрел тощий, длинный заморыш (глистом я не стал себя называть). Действительно макаронины, а не руки, — даже признаков бицепсов нет, как я ни пыжился. И физиономия поцарапанная, и фингал не сошел. Не хотел бы я, чтоб меня Ленка сейчас видела. Да и Маришка, и Маленькая Эротика из нашего вагона… Что это я про девчонок думаю среди ночи, как озабоченный? Нафиг они мне. В голове снова взникло:

Девочки и мальчики,
дуры и обманщики….

Я еще раз осмотрел в зеркале как бы чужую физиономию. Попробовал себя успокоить: синяки мужчину украшают, то есть, шрамы. Да, жаль, я Амбала в тот раз скалкой слабо долбанул. Если бы его отрубил сразу, не было б у меня синяка.

Я одевался и думал: скалка — это все-таки не по-мужски. Да и бутылка — тоже. С бутылкой я и в вагоне набросился на кудлатого певца, и сегодня — на этого мужичка. А если он и правда ментов вызовет? Хотя я этого не боялся, как мне казалось. Во-первых, наверное, стал смелее — смелость, показалось, прямо распирала мне грудную клетку. Во-вторых, пьяный мужик вряд ли пойдет жаловаться в полицию на пацана (хотя какой я пацан — метр восемьдесят ростом!). В-третьих, полицейские здесь, как хотелось думать, справедливые — на вокзале нас не тронули, все рассказали, показали. Даже паспорт не спросили. На мыслях об этом документе, которым я втайне гордился, послышался осторожный стук в дверь душа:

— Сынок, все нормально?

— Да, мам…

— Уже второй час ночи.

Я вышел из душа, одеваясь на ходу. Мама стояла в коридоре, ждала меня. Я огляделся — полицейских нет.

— Мам, что ты стоишь на холоде?

— Ты так долго был в душе, я начала беспокоиться.

— Что я, ребенок?

— Да взрослый, взрослый. Иди уж, — она легонько подтолкнула меня в комнату.

Мама попыталась незаметно вынуть из кармана халата… пустую бутылку.

— Это что?

— Для самообороны, — пояснила она. — Это у нас семейное оружие.

Мы оба рассмеялись.

— Как там твои ласты, йог?

— Почему йог? — не понял я.

— Ну, по стеклу ходишь…

— А… Нормально, — сказал я, не слишком обращая внимания на саднящие ранки.

Мама, однако, обработала мелкие порезы йодом, заклеила пластырем.

— До свадьбы заживет, — оптимистично сказала она.

— Мам, завтра мы что делаем? — я как бы не услышал про свадьбу, но мне, озабоченному и гиперактивному, вспомнились девчонки — сразу все вместе: Маринка, Ленка и Маленькая Эротика.

— Отоспимся, потом надо к начальству больничному сходить…

— Сначала к папе…

— Сначала ты возьмешься за учебники, потом — к отцу.

— Мам, ты среди ночи про учебу говоришь — это извращение.

— Не выражаться при матери! — нарочито сердито сказала она. — Ты вообще запустил школу.

— Не надо о грустном. Давай спать.

Во сне, который был не в стиле фэнтези, а очень реальный, я дрался! Крутыш, накачанный, ловкий, гиперактивный. И конечно, справедливый... Дрался я за маму, потому что ее несправедливо уволили с работы. Кажется, с директором их производственно-технической конторы. Не мог же я драться с теткой, трескавшей лопушистые пирожки.

Потом я дрался за отца — с бандюками, которые покалечили папу, разбили его уазик и отжимают дачный домик с землей. С этими было очень трудно, но я справился.

Даже за деда Кирилла, которого я при жизни не знал, пришлось махаться. На этот раз — с заведующим МТФ Трофимовичем, который довел моего деда до разрыва сердца, а колхоз — до банкротства. Этот завфермой был настоящий боров! Огромный, толстый. Кулак, как моя голова! Но я классно уходил от молота завМТФ. А он мне раз за разом подставлял свою челюсть. Короче, я его завалил.

Главное, вся эта махаловка происходила прямо на автобусной остановке в Перми, напротив Верховного здания, где заседали депутаты и министры. Они, я знал, смотрели с высоты своих положений на этот захватывающий кинобоевик. Среди них был министр спорта. Он, скорее всего, распорядился, чтобы со мной начал работать самый лучший в Перми тренер по рукопашному бою — скоро надо будет защищать честь целого края. А тут такой самородок возник из поселка Лесостепного.

В толпе, которая смотрела, как я круто расправляюсь с негодяями, был и Амбал! Он больше всех радовался моим победам и кричал: «Давай, Кир, мочи их! Покажи, какие мы — лесостепные!» Амбал, наверное, понимал, кто будет следующий, и всячески показывал мне, что он мой лучший друг, а не только земляк.

— Тише ты, не ори! — цыкнул на него наш участковый товарищ майор. — Что раздухарился? Это тебе не Лесостепной. Здесь надо соблюдать порядок.

Я краем глаза заметил, что нашему участковому помогают соблюдать порядок молоденькие полицейские с пермского вокзала. Они сдерживали толпу болеющих за меня. Я не видел, но точно знал, что здесь и Маришка, и мой верный друг рыжий Дениска, и Звездная Звезда Ленка. Теперь она убедилась, что у меня руки не макаронины, а настоящие рычаги.

— Константинович, хватит! — послышался голос мамы. Она меня по отчеству называла в особых случаях. Мама тоже была здесь — с отцом. Тот опирался на костыли, но готов был броситься на мою защиту. Хотя это было лишним.

— Пап, все нормально… Я сам! — крикнул я ему и тут же пропустил удар. Точнее, не удар, а пощечину.

— Давай, вставай, Константинович! — легонько хлопала меня по щекам мама. — Целый день спишь.

— Мам, ну что ты пристала… Не дала такой сон досмотреть. — Я нехотя возвращался в реальность. О, каким я крутышом был, как я всех раскидал! Жаль, это было во сне.

— Умывайся, одевайся, — скомандовала мама. — Сейчас идем к отцу в больницу.

Вот пришли к отцу: я и… две его жены

На проходной в медсанчасти был уже другой охранник. Он не обратил на нас ни малейшего внимания. А мне хотелось, чтобы он спросил:

— К кому?

— К отцу! — с гордостью ответил бы я и показал свой паспорт. Но напарник вчерашнего супергероя не взглянул на мою поцарапанную физиономию с фингалом.

Отец нас встретил с улыбкой. Мы принесли лесостепновские гостинцы: грецкие орехи, мед. Еще мама сварила фасоль. Оказывается, все это вместе полезно при переломах.

Я, конечно, не стал пояснять, что орехи и мед от дядьки Мишки. «С чего это вдруг от него подарки?» — задался бы вопросом отец. А я-то знаю: потому что зоотехник к маме неравнодушен. Мне это конкретно не нравилось, и бате не понравилось бы. Может, он и не стал бы есть мед с орехами от дядьки Мишки. А ему сейчас нужны всякие витамины, микроэлементы, что там еще?..

К поеданию этой полезнятины присоединился и старичок с соседней койки. Он нахваливал маму и заодно — меня.

— Молодцы, что приехали поддержать отца, — и тут же добавлял с уверенностью: — Мои тоже должны в выходные приехать.

Я помнил, что к деду никто не ходит, он сам говорил.

— Должны, конечно, и сын, и внук, — подбадривал батя. — Вот мои за три тысячи километров примчались.

Отец с теплотой посмотрел на нас с мамой. Мне показалось, что глаза у него повлажнели, — я испугался за батин авторитет.

— Где остановились? — спросил отец у мамы.

— В общежитии.

— Хорошо отдохнули?

— Нормально! — поспешил я ответить вместо мамы. Хотя меня так и распирало рассказать отцу, как я зашугал пьяненького мужичка. Конечно, можно было бы и про крутой сон рассказать, где я всех негодяев нашей жизни отметелил. Ну, ладно.

— Опачки! Картина маслом! — в проеме дверей появилась круглолицая девица. — Встреча блудной семейки!

— Жанна, ты? — отец несколько опешил. — Ты что здесь делаешь?

— Я-то мужа пришла проведать! — подбоченилась она и скривила в ухмылке жирно накрашенные губы. — А вот что эти здесь делают?

— Жанна, прекрати…

— Мы не «эти», — мама излучала спокойствие. — Законный сын-первенец приехал проведать отца. А я на твоего мужа не претендую, успокойся.

— Жанна, давай не сейчас, — отец пытался как-то разрулить ситуацию.

— Нет, сейчас… Что, наследство прибежали делить? — вытаращилась на меня набитая дура Жанка.

— Я приехал к отцу! И не собираюсь ничего делить. Он живой! — заорал я и, тоже зло вытаращив глаза (насколько позволял синяк), попер буром на Жанку.

— Ты что, неадекват? — опешила она и поспешила зайти за спинку кровати. — Уйми его, Константин… Этого бешеного глиста.

— Кирилка, ну давай по-нормальному, — голос отца, кажется, дрогнул.

— Хорошо, пап. Не волнуйся! — взял я себя в руки. — Но я не глист, понятно! Не глист и… — у меня чуть не вырвалось «и не заморыш». Но понял, что это лишнее, — тут меня заморышем никто не называл.

— Сынок, пошли…— Мама меня взяла за руку и повела из палаты. — У них тут семейное…

— Да вы приходите, — вставил свои пять копеек дедок с соседней кровати. — Милые бранятся, только тешатся.

— Кирилл, я тебя жду завтра, — подтвердил отец. — Все будет нормально!

Мне не понравилось, что отец обращался только ко мне.

— Хорошо, пап! Мы завтра с мамой придем! За тобой же уход нужен…

— Давай, давай! — выметающим жестом показала Жанка на дверь.

— Папка, ну почему ты мамку на такую дуру променял? — сорвалось у меня на выходе из палаты.

— Кирилл! Прекрати! — это мама на меня прикрикнула и вытолкнула в коридор.

— Давай, давай, — твердила Жанка свое.

— Жанна, зачем же ты так? — примиряюще сказал отец своей дуре. Это я слышал из коридора.

Навстречу нам шел вчерашний врач, но без халата. Потому мы его с трудом узнали.

— Здравствуйте, — не очень уверенно сказала мама.

— Добрый день… Вот хорошо, что я вас встретил, — доктор остановился. — Меня зовут Виктор Ильич, я лечащий врач Константина.

— Очень приятно. Я — Ирина Кирилловна, — достойно так ответила мама.

— Пройдемте в ординаторскую, там поговорим… Понимаю, встреча жен, бывшей и настоящей, малоприятная ситуация.

— А вы откуда знаете?

— Сейчас поясню! — Мы вошли в ординаторскую. — Честно скажу вам, вчера был озадачен, когда вы появились. Да еще из такого неоднозначного региона прибыли. Навел справки о семье больного. Медсестра позвонила на телефон официальной жены, чтобы прояснить ситуацию.

— Понятно, — вздохнула мама.

— Вот, прояснили… Слышал ваш крик, понял, что надо вмешаться.

— Это не наш крик, — с достоинством подчеркнула мама.

— Ну, как же… — доктор хитро взглянул на меня. — Но сейчас не об этом. Константину придется еще долго лечиться. За ним нужен уход.

— Мы за этим сюда и приехали…

— Да, конечно. Но тут эта женщина. Судя по всему, барышня употребляет. С такими иметь дело, знаете ли… — и резко перевел разговор: — Как вы обустроились? Надолго ли в Пермь?

— Обустроились нормально. Надолго ли? Время покажет.

— Вы не рассматриваете вариант поработать у нас санитаркой? — Врач поспешил объяснить: — За Константином, я говорил, надо постоянно ухаживать… А санитарок у нас хроническая нехватка. Завотделением будет только за.

— Я не готова ответить.

— Мама инженер, у нее высшее образование, — уточнил я.

— Понимаю… Но это временно, до выздоровления. А там, если в Перми задержитесь, подыщете работу по специальности. У нас много предприятий, хотя сейчас и кризис.

— А эта психичка, что, тоже будет сюда приходить? — со злобой спросил я про папкину нынешнюю женку.

— Ну… Мы не можем запретить официальной жене, — развел руками врач. — А ты, кстати, со школой определился?

— Все нормально, — с некоторым вызовом сказал я, помня, что наша классная, да и директриса Лесостепновской школы сделают «все как надо».

— У меня жена работает в вечерней школе, — обратился он уже к маме. — Вам бы устроить парнишку туда.

— Пожалуй, это вариант, — согласилась мать.

— Запишите адрес и телефон. Людмила Васильевна жену зовут, русский и литературу преподает, — уточнил Виктор Ильич. — А насчет санитарки подумайте.

— Хорошо. Ну, мы пошли?..

— Да, конечно. Вам лучше на служебном лифте. Я вас провожу.

Лифт распахнулся. Я сразу вспомнил, что вчера здесь столкнулся с мертвецом. Перед глазами пронеслась эта же картинка, но в стиле фэнтези. Мне даже интересно стало, а вчера я реально испугался, что это мог быть отец. А он вот — живой и со своей… как это помягче сказать.

Лифт нас с мамой поглотил и отправил на первый этаж.

Через Каму — к Параскеве и в вечерку

Мы вышли из больницы молча. Я был злой и растерянный.

— Мам, куда мы сейчас?

— Не знаю, — сказала она отрешенно, потом устало добавила: — Ты ведешь себя безобразно. Бросаешься на людей, орешь…

— Мам, а чего она приперлась? Чего обзывает глистом? — ответил я, хотя понимал, что меня «заносит на поворотах». Или моя гиперактивность так проявляется?

— Ты рассуждаешь, как ребенок, — сердилась мать. — У отца своя семья.

— Мы к нему через полстраны мчались!

— Да, но мы — бывшая семья… Отцу сейчас непросто. Не забывай, он прикован к постели.

— Это мой отец, а я его сын. А он — с этой прошмандовкой…

— Кирилл, что за слова!? Ты вообще потерял берега. Так, — решительно сказала она, — сейчас едем в вечернюю школу.

— Зачем спешить?..

— Сам-то за учебники разве возьмешься?

Мы пошли на остановку, я все переваривал ситуацию. Врач вызвал папкину непонятную женку. Зачем, спрашивается? Мать ведет себя как-то не так. А как она должна была поступить? Наброситься на Жанку? Еще эта школа, нафиг она сдалась…

К вечерке, как нам объяснили, надо было добираться через КамГЭС. Желающих ехать по этому маршруту оказалось много. Автобус подошел уже набитым. Толпа нас буквально внесла внутрь.

— Мам, ты здесь? — с тревогой почти прокричал я.

— Да, здесь, Кирилл, едем!.. — Я слышал мамин голос, но ее не видел. Масса пассажиров на очередном повороте надавила на меня так, что я почувствовал себя окончательным заморышем — едва дышал. Мне пришлось

поработать локтями и пробиться к окну. Здесь вдохнул полной грудью. Как раз проезжали по мосту через плотину КамГЭС. Я офигел! Бушующая масса, шипучая пена, дикие водовороты! Это было круто и страшновато — вдруг автобус туда сорвется! Вот она, Кама, которая впадает в Волгу! Или прямо в Каспийское море?

— Мам, ты как там? — окликнул я ее, оторвав взгляд от завораживающего водопада.

— Нормально, Кирилл, — ответила она. — Нам бы остановку не прозевать, — и обратилась к пассажирам: — Не подскажете, как лучше до вечерней школы добраться?

— Еще далеко.

Я, если честно, хотел, чтобы мы не доехали до этой школы или проехали… В общем, чтобы ее не нашли.

Но мы доехали до нужной остановки. Шли через березовую рощу. Мама вдруг стала тихонько напевать:

Ты, река ли моя, чиста реченька,
Серебром ключевым ты питаешься.
От истоков струишься отеческих,
Меж камней-валунов извиваешься.

— Это на тебя Кама подействовала? — спросил я с улыбкой.

— А ты не подслушивай, — улыбнулась мама. — Вон, смотри, красота какая! Аж дух захватывает и кружится голова.

— Может, это от йододефицита?

— Нет, от красоты…

Я вспомнил о своей будущей ореховой аллее, которая не только для красоты, но и от йододефицита… Конечно, если сравнивать березовую рощу и мою будущую ореховую аллею, то сравнение не в мою пользу. В связи с аллеей возник образ Маришки. Правда, тут же появилась самозванка Звездная Звезда, а потом Маленькая Эротика. Ну, блин, какой-то я озабоченный. Мне стало стыдно — отец лежит прикованный к постели, а мне девчата мерещатся. На этом фоне я как бы простил батю за его придурковатую Жанку и предпринял последнюю попытку не пойти в школу.

— Мам, а какой смысл в вечерку идти? Три недели до конца учебного года. В Лесостепновской школе в девятый класс меня и так переведут.

— Думаю, мы в Перми задержимся. Так что не восьмой класс здесь будем заканчивать, а готовиться в девятый. Ты же мечтал в военный институт поступить, стать офицером.

— Ну, мечтал, — признался я, уже готовый отказаться от мысли стать военным, лишь бы сейчас не идти в школу. Мне и учиться не хотелось, и в новый коллектив, если честно, я побаивался идти. В вечерке всяких хватает — типа нашего Амбала.

— Надо, чтоб отец поднялся на ноги, — продолжала мать. — Исполним свой долг, а там будет видно.

Я знал, как мать будет исполнять долг. Это — не допустить на батином костлявом теле пролежней, выносить судно из-под него и все такое. Я мамкой в душе гордился, не каждая бывшая жена — вот так…

Мы миновали рощу, и перед нами возникла… церквушка. Небольшая, ладная такая, из желтого кирпича.

Мама неумело, но как-то утверждающе-размашисто перекрестилась.

— Церковь Па-рас-кевы-великомученицы, — с трудом прочитал я. — Кто такая эта Па-рас-кева?

— Не знаю… Но понятно, что великомученица.

— Наш поп из Троицкой церкви, наверное, знает, — предположил я.

— Не поп, а батюшка…

— Ну да… Вообще он крутой мужик, говорят, в «горячих точках» бывал. — Я вспомнил, как мы с рыжим Денискойработали на Троицкой церкви. — Наша-то церковь намного больше!

— Не в размерах дело, — сказала мама. — Хотя тут, я слышала, есть огромный храм — Белогорский монастырь. Не сравнить с Троицкой церковью.

— А, да!.. Дедушка рыжего Дениски оттуда елочки привозил в нашу Троицкую церковь.

— Ну вот, видишь… Может, когда-нибудь туда съездим. Все утрясется…

— Интересно посмотреть.

Мы нашли школу. В коридоре нас встретила миловидная женщина:

— Здравствуйте! Я Людмила Васильевна. Муж звонил по вашему поводу.

— Мы только узнать, как и что…

— Пусть вас не смущает, что школа вечерняя. У нас даются достаточно глубокие знания.

— Да мы, честно говоря, звезд не хватаем, — выложила мама обо мне правду.

— Ничего страшного. Здесь контингент, конечно, отличается от обычной школы. Люди разные. Но многие к учебе относятся серьезно.

— Нам бы восьмой класс окончить.

— Конечно окончите! И восемь, и девятый, и одиннадцать, — с энтузиазмом пообещала учительница. — Кстати, буквально сегодня утром мы с мужем поехали на мебельную фабрику, диван присмотреть. А там начальник цеха наш выпускник. Владимир Сергеевич, фамилия такая замысловатая. Он, кстати, из вашего неоднозначного региона.

— Наш регион однозначный, — с улыбкой уточнила мама.

— Да, конечно. Я вот о чем. Паренек этот работал простым грузчиком на заводе «Камкабель». Помнится, пришел с ночной смены и сразу — на экзамены! Писал и засыпал! Но ведь сдал ЕГЭ! Потом поступил в сельхозакадемию. Вот теперь начальник цеха…

— А что, в сельхозакадемии учат диваны выпускать? — съязвил я и тут же угас. Людмила Васильевна ласково так посмотрела на мою исцарапанную физиономию с фингалом и сказала:

— Это приличный государственный вуз, где даются базовые знания. А уж как там сложится жизнь…

— Кирилл, не умничай, — одернула меня мать. — Когда ему в школу?

— Завтра пусть и приходит, не надо откладывать. Я классный руководитель в восьмом классе. А вы параллельно собирайте документы: заявление, копию паспорта, медсправку…

Мы вышли из здания школы, я — расстроенный: заканчивается моя свобода.

— Ну, сын, теперь в общежитие.

— А ты помнишь ночного гостя?

— Еще бы… Только он не гость, а хозяин. Нужно разобраться с ночлегом. Да и с жильем на лето, по крайней мере.

Так значит, мама согласилась поработать в медсанчасти санитаркой, сделал я вывод. Ночной визит пьяненького хозяина, разбитые бутылки и придурковатая папкина женка Жанка остаются за кадром. Пошли они нафиг!

Мы неожиданно стали… землевладельцами

Возвращались из вечерки поздно. Автобус был полупустым. Плотина КамГЭС, залитая огнями, была похожа на морской лайнер.

— Как «Титаник», — сравнил я.

— Почему «Титаник»?

— Мощно и красиво! Как будто сейчас развернется и поплывет по Каме.

— Фантазер! «Титаник» плохо закончил…

По фильму я помнил, что лайнер затонул, но другие названия кораблей на ум мне не приходили.

— А ты знаешь, что Ди Каприо по происхождению пермяк? — спросила мама.

— Это который в «Титанике» снимался?

— Ну да. Бабушка у него пермячка.

— Вот… Все корабли плывут из Перми, — сумничал я. — Лично мне этот Ди Каприо не нравится. Мелкий какой-то, как фантик. — Я невольно распрямил плечи и с высоты своих ста восьмидесяти сантиметров посмотрел на воображаемого Ди Каприо. На его фоне я казался вовсе не заморышем! Представил себя накачанным, гиперактивным суперменом из голливудского боевика. Тут у мамы зазвонил телефон.

— Галя, ты, что ли? Привет! Быстро говори, я в роуминге. Электронку, говоришь, проверить? Хорошо. Все, пока!

— Мам, это теть Галя?

— Да, какое-то важное письмо прислала. Как бы электронную почту посмотреть?

— Зайдем в интернет-кафе? — Автобус как раз остановился недалеко от него.

— Ну да! Еще мы с тобой по злачным местам не ходили…

— Там можно и перекусить, — я как всегда хотел есть.

Кофе и соки в интернет-кафе оказались безобразно дорогими, а посетители, в основном мои сверстники, какими-то зомбированными. Все рубились в стратегии и танчики. Мы взяли просто воду. У меня аппетит только разыгрался — с утра не ели, считай…

Мама быстро зашла на свою электронную почту, начала читать письмо от тети Гали.

«Ирина, привет! Как обустроились, как Константин? У нас новость. Помнишь, Мишка-зоотехник и еще там бывшие колхозники судились с Трофимовичем? Он же обанкротил колхоз и землю присвоил. А новый губернатор сказал: земля должна принадлежать тем, кто на ней работает. Так вот, суд эти ребята у Трофимовича выиграли. Теперь все, кто в колхозе работал, получают свои паи. В зависимости от стажа. Я видела список. Ты там есть. За отца своего — дядю Кирилла получаешь надел земли, даже Косте что-то положено. Он же работал раньше трактористом в колхозе. Нам, медикам из амбулатории, и учителям из школы, тоже выделяют паи. Теперь вы землевладельцы☺ Вчера было собрание пайщиков. Мишку избрали председателем сельхозкооператива. Вот такие новости. Маришка передает привет Кирилке. Он что-то не отвечает на СМСки. Пока!»

— Ну, ты понял, сын? — обратилась ко мне мать.

— Не совсем…

— Читай еще.

Я перечитал:

— Ну, как бы да, понял. Дядька Мишка-скотовод становится председателем вместо Трофимовича.

— Дядь Миша — зоотехник, — поправила она. — Да, но это не главное. Нам пай земли выделили. Это твой дедушка о нас заботится. Уже нет в живых его столько лет, а заботится. — Мама заплакала.

— Мам, ну перестань…

Мы вышли из интернет-кафе, в магазине купили хлеб и майонез.

— Давай, сын, здесь перекусим. Непонятно, будем мы в общаге сегодня ночевать или нет. Да, — вздохнула мать, — надо было все-таки сначала с ночлегом уладить, а потом в твою вечерку.

— Конечно! В школу мы успели бы, — с удовлетворением согласился я. — Это ты, мам, придумала: типа целую неделю учебники в руки не брал…

— Ну да, если б неделю. Ты их месяцами не раскрывал.

— Ма, опять начинаешь. Давай лучше похаваем.

— Кирилл, следи за речью!

Мы расположились прямо в скверике перед общежитием на сырой скамейке. К ней подступала лужа, похожая на лужу безденежья из моего детства. Поели. Мама стеснялась, смотрела по сторонам и явно не ощущала себя землевладелицей. А я трескал с аппетитом и не шугался — нас никто здесь не знает.

Пошли в общагу. Комендантша высунулась из амбразуры своей берлоги:

— А я вас жду…

— Здравствуйте, — сказала настороженно мама, я промолчал.

— Ну что, ночь бурная была? — угрюмо хихикнула комендантша. — Кто ж знал, что этот придурок из своей деревни так рано вернется. Запои у него по неделе длятся, а тут…

— А я завязал с этим делом. Теперь только пиво! — неожиданно возник возле нас ночной визитер. — Посмотрим еще, кто придурок!

— О!.. Ты, Васька? Явился-не запылился, — недовольно сказала комендантша.

Васька, мужичок лет под сорок, был трезвым. Мы встретились взглядами, я понял, что даже при моем росте, если что, с ним не справлюсь. А под рукой у меня ничего увесистого не было. Я напряг свою волю, которая все так же виделась мне наподобие бомжа. Волнение не проходило, я почувствовал себя спутанным пуповиной по рукам и ногам — это был страх. Я ненавидел себя за это☹

— Давайте решим вопрос спокойно, — предложила мама.

— Я как раз хотел еще ночью его спокойно решить, — сказал Васька. — Это же вы в мою комнату пришли, а не я к вам.

— Васька, ты права не качай… Не такая она уж и твоя, эта комната, — уточнила комендантша. — Лучше порешаем, где женщине с ребенком переночевать.

— Я с дамами всегда вопросы решаю взаимовыгодно, — расплылся в противной улыбке Васька.

— Ой, решала несчастный, — пренебрежительно махнула рукой комендантша. — Ты видишь, у нее сын какой! Знаю уже про ночные приключения. Тоже мне, решала…

— Ну, ты не особо… Срубила бабки с людей, а теперь выкручиваешься.

— Ладно, давайте определимся, — спокойно сказала мама. — Если ночуем здесь, мы пошли, а вы разбирайтесь сами. Если нет, мы собираем вещи — и до свидания. Только деньги верните.

— Там тех денег… Только и разговора. Вася, ну будь мужчиной. Пусть люди переночуют. Потом с тобой разберемся.

— Я всегда готов решить вопрос. Найду, где ночь перекантоваться.

— Вот, Вася, и правильно. Как раз помиритесь со своей лахудрой. Иди к ней.

— Это не твоего ума дело, — огрызнулся Вася и пошел в другое крыло общежития.

«О, лахудра. Именно так я буду звать Жанку, батину женку, — решил я. — Пусть отец хоть обижается, хоть нет».

Мы с мамой отправились по гнусному коридору к своему ночлегу. Через окно на лестничной клетке я увидел залитую огнями КамГЭС, уже не похожую на «Титаник».

Васька пришел… с полицейским: мы из «неоднозначного региона»

Отомкнули Васькину комнату. Мне показалось, что здесь уже похозяйничали.

— Наверное, Васька, — предположил я.

— Это ж его комната, ключ-то есть.

— Ничего не пропало?

— А чему у нас пропадать?

— Ну да, мы как бомжи, украсть нечего.

— Вот завтра надо и решать что-то с временной регистрацией, с работой, с твоей школой…

— Вечерка еще не моя, — парировал я и мысленно унесся именно в свою школу — Лесостепновскую. Ее я, честно говоря, не любил. Но интересно, как там сейчас? Что говорят? Может, все еще про то, как мы с Амбалом схлестнулись? Я осторожно нащупал синяк под глазом.

— Скоро сойдет, не волнуйся! — успокоила мама.

— А я не волнуюсь… Мне пофиг, — сказал я нарочито басом. Хотя, конечно, с синяком, даже отцветающим, было не по кайфу. — Мам, завтра мне симку купим? А то я как лох последний… Сто лет телефон не работает.

— Купим. Вон Галина написала, что Маришка тебе СМСки шлет.

— При чем тут Маришка? Я с пацанами не могу переписываться. Как там Дениска? Может, Амбал на него наезжает.

— А чем ты можешь помочь? Тут, думаю, надо будет с местными Амбалами разбираться.

Как раз в этот момент вежливо, но настойчиво постучали. Мы с мамой притихли. Еще стук.

— Откройте! Это я — Василий.

Мы молчим. Василий попытался засунуть в замочную скважину ключ. Но мама предусмотрительно оставила в дверях свой ключ изнутри.

— Откройте, я же знаю, вы здесь! — Василий стал стучать в дверь настойчивее.

— Что вам надо? Мы уже легли спать.

— Это делу не помешает.

— Идите с богом, Василий.

Мать подошла к двери, механически обследовала пальцами вмятину от бутылки, которую я запустил прошедшей ночью, отпугивая незваного гостя. Сейчас я понимал, что возможности повторить свой ночной «подвиг» нет. Бутылки под рукой не было, к тому же, оказывается, мы поселились в комнате Василия. Да и у меня что-то запал исчез, вот опять заморышем себя почувствовал, воля моя сдулась, смелость скукожилась. Вдруг подумалось: был бы у меня брат, пусть на год младше, мы бы с Васькой влегкую справились.

Мама глянула на меня, наверное, я имел очень жалкий вид, потому что она заплакала:

— Господи, ну что за напасть такая? Когда же это все закончится?

— Да не реви, дура! — мирно сказал Василий. — Я за простынями чистыми пришел. Там, в шкафу лежат.

— Точно?

— Да точно, точно…

— Василий, давайте я вам их в окно выброшу. В пакете.

— Ну что за бред!

— Ладно, сейчас, — согласилась мама.

Я взялся за спинку стула так, чтобы при необходимости применить его как орудие самообороны. Воля моя встрепенулась, сердце вроде как стальным стало. Или это нервы стальные? Мама глянула на меня с надеждой и повернула ключ. В проеме двери возник… полицейский! За ним был Василий. Мы с мамой отшатнулись!

Полицейский как-то представился. Я не расслышал, меня колотил мандраж, но стальное сердце противилось этим вибрациям.

— Ваши документы! — пока мама искала свой паспорт, Василий покопался в шкафу и действительно извлек оттуда белье.

— Я же говорил, мне простынь чистая нужна. Видишь, я из-за вас по чужим углам скитаюсь. А там принимают со своим харчем и со своим бельем.

— Так, а твои документы? — обратился ко мне полицейский. Я вынул спасительный, как мне казалось, паспорт. Участковый изучил его, потом мой фейс. — Что с лицом?

— Пчела укусила…

— А я думал, дрова рубил.

Мама дала свой паспорт:

— Вот, пожалуйста… А с сыном так случилось, товарищ лейтенант, — потерянным голосом сказала мама.

— Ну, я пошел, — сказал Василий и удалился с бельем.

— Понимаете, сейчас отовсюду мигранты едут, — объяснял полицейский. — Мы обязаны отслеживать процесс, паспортный режим. Вы вот из неоднозначного региона…

— Да из однозначного региона мы, товарищ лейтенант. Я сегодня уже третий раз слышу — неоднозначный регион. У нас там все нормально.

— А цель приезда?

— Отец его в больнице лежит. Не встает пока, в аварию попал. Приехали проведать и поухаживать.

— Отец его? — полицейский показал взглядом на меня. — А вы — мать? Как это?

— Просто… Его отец — мой бывший муж.

— А, понятно… И вы, бывшая жена, приехали за ним ухаживать?

— Ну да. Мы разошлись давно, но все равно он близкий человек. Отец моего сына.

— Бывает же, — удивился лейтенант. — Бывшая жена и вот так… — Потом, спохватившись, добавил строго: — Вам надо временно зарегистрироваться. Есть у кого?

— Да, есть, — поспешил я. — Начальник мебельного цеха наш земляк. Он нас у себя пропишет.

Мама вопросительно на меня смотрела.

— А как зовут его? — спросил лейтенант.

— Владимир Сергеевич.

— Проконтролируем… Вы понимаете, что вас в чужую комнату заселили?

— Да, конечно, мы завтра же съедем отсюда, — заверила мама, еще не знавшая, куда нам утром податься.

— Проконтролируем, а то ведь нарушение паспортного режима! — Полицейский ушел.

— Все, спать! — скомандовала мама. — Завтра трудный день.

Я не знаю, на нервной ли почве, или по устоявшейся привычке, но я страшно захотел жрать.

— Мам, там у нас перекусить ничего не осталось?

— Кирилка, на ночь глядя…

— Растущему организму надо.

— Вот, немного орехов осталось, которые отцу передавали.

— Это дядь-Мишкины, — как-то неуверенно сказал я.

— И что с того?

— Теперь он председатель колхоза, — произнес я со скрытой завистью.

— Ну, точнее, кооператива… Ты это к чему?

— Он же замуж тебя звал.

— Время нашел о моем замужестве говорить, — нахмурилась мать.

Я расколол орех, жевал и думал: «Вот мама выйдет замуж за председателя, а отец может так и остаться инвалидом. Несправедливо. С другой стороны, у бати же есть женка, эта лахудра Жанка».

— Мам, мы же не уедем, пока отец не поднимется?

— Я тебе уже сказала, пока на ноги не встанет… А там — по обстоятельствам. Видишь, тебя вот обвиняют, что наследство делить приехал. Может, еще родственники у папки твоего объявятся. Раньше их было много…

Я затравил голод, вспомнил о проросших орехах у нас на подоконнике. Маринка их высадила в палисаднике. Представил ореховую «аллею Кирилла» и понял: туфта все это. Чтоб она выросла, лет десять надо.

С такими мыслями и заснул. Я знал, что мне в очередной раз приснятся отец с мамой и со мною — трехгодовалым. Буду взбираться по лестнице, у которой нет перил, а на балконе (или постаменте) будет стоять Звездная Звезда Ленка, а может, Маришка или, допустим, Маленькая Эротика. Но… мне этот сон не приснился.

Ксения — это не Маленькая Эротика, я обознался

Наконец-то выспались нормально. В дверь никто не ломился, полиция не приходила. Сны мне тревожные или дурацкие не снились. Но утро было дождливым и полуголодным. Я смотрел в слезящееся окно и злился на себя,

что снова хочу есть. Хлеб с майонезом плюс чай как-то не сильно заглушили голод. Маме, конечно, я ничего не сказал, она и так комплексует, что деньги неожиданно быстро заканчиваются и что мне нечего дать поесть. У нас оставались еще фасоль и орехи от дядьки Мишки-зоотехника.

— Сынок, ну это отцу, сам понимаешь…

— Конечно, мам! — обрадовался я ее решению. Потому что после вчерашней стычки с Жанкой, батиной женкой, мама имела моральное право о бывшем своем муже вообще не заботиться. Она как будто слышала мои мысли.

— Кирилл, пока он болеет, пока на ноги не встанет, мы будет за ним ухаживать. Что бы ни было…

— Мы сейчас в медсанчасть, к отцу?

— Ты к отцу, а я все-таки попробую найти этого парня — нашего земляка, начальника мебельного цеха.

— Владимира Сергеевича, — уточнил я.

— Да, только с утра симку надо купить. Позвонить твоей новой классной Людмиле Васильевне, узнать, где этот мебельный цех.

На том и решили. Мама сварила полезную для батиных переломов фасоль, я наколол орехов. Между косяком и дверью закладываешь орех и — хрясь! Я не съел ни ядрышка — отцу нужнее.

Вышли на улицу под моросящий дождь. Симку решили купить пока только маме — ей нужнее. Но она, посчитав денежку, и мне сделала подарок.

— А то ты как в ссылке. Хоть СМСки будешь писать своим друзьям.

— Спасибо, мам. Дениску рыжего надо спросить, как он там… Амбал его, наверное, забодал.

— И Маришке напиши, — улыбнулась мама и распахнула дверь салона сотовой связи.

— Ну, посмотрим, — как бы нехотя согласился я насчет Маришки и подошел к окошку, где не было очереди.

— Ваш паспорт, молодой человек, — сказала девушка, собравшаяся заполнять нужные бумаги. На бейджике значилось: консультант Ксения. Но удивительно было другое. Мы встретились глазами, и… я узнал в ней Маленькую Эротику из нашего вагона. Это она меня обозвала неадекватом.

— В чем проблема, молодой человек? Ваши документы, — дежурно улыбалась Маленькая Эротика.

— Вот! — поспешил я сунуть ей паспорт, который как раз и подскажет, что я тот самый неадекват из неоднозначного региона, как здесь говорят.

Она внимательно изучила мою физиономию — поцарапанную, с несошедшим синяком. Сверила с фото на паспорте и начала заполнять бумаги.

Консультант салона сотовой связи, конечно, звучит красиво. Но тогда она, Маленькая Эротика, была из фолк-группы.

Я осмелел:

— Вы меня узнали? Я Кирилл из вашего вагона…

— Мы всех клиентов нашего оператора узнаем, — улыбнулась консультант Ксения, — но у нас салон, а не вагон.

Я понял, что это не Маленькая Эротика. У Ксении, как я мог видеть, эротика была средних размеров, а у вагонной попутчицы — маленькая. У меня по-дурацки екнуло сердце. Блин, это мое мягкое сердце — поэтому я ни одну девчонку не могу забыть. Но первая на «удаление» — Ленка, решил я.

— Кирилл, ты уже оформил? — мама стояла рядом.

— Сейчас, мам, сейчас…

Мать позвонила Людмиле Васильевне — моей новой классной. Уточнила адрес мебельного цеха, где наш земляк — начальником. Оказалось, на Изоляторном. Странное название, удивился я. Изоленту, что ли, там делают?

— Ну, Константинович, я на этот самый Изоляторный, а ты — к отцу. Потом созвонимся. У тебя сегодня первый день в новой школе.

По отчеству она меня называла, когда предстояло что-то важное. Конечно, и проведать отца, и пойти первый раз в новую школу — это важно.

— Хорошо, — согласился я, хотя к бате одному мне идти не хотелось, а в школу не хотелось ни одному, ни с матерью.

— Вот, пакет для отца возьми. Здесь орехи и фасоль вареная.

Мама уехала, а я побрел сквозь морось в сторону медсанчасти. На проходной стоял супергерой в черном.

— Здрасть, я к отцу.

— Привет, понял, — он записал что-то в журнале. — А к отцу твоему пришла жена, имей в виду. Минут двадцать назад отметил ее в журнале.

— Упс, — не ожидал я. Меня одолели сомнения: идти к бате или не идти?

— Ты что завис? К отцу своему идешь, а не к ней, — развеял мои сомнения охранник, как будто подслушав мысли.

— Конечно пойду… Вот, надо ему передать кое-что.

Я решительно шел к больничному корпусу и думал: кто роднее для бати, я или лахудра Жанка? Конечно, я! Я его сын, я его кровь! Все гены отца мне передались — рот, нос, уши, глаза. Я невольно ощупал свой фейс — с царапинами и синяками, как бы убедился, что похож на отца. Я такой же худой и длинный, наверное, тоже дефицит веса. А кто она такая, эта Жанка?

В коридоре встретил давешнюю санитарку, которая меня на служебном лифте вчера отправила на третий этаж.

Мама, когда мы собирались — я к отцу, она за пропиской, — предусмотрительно сунула мне в карман больничные бахилы. Халат висел возле лифта. Решение созрело быстро. Я ткнул кнопку лифта и с некоторой тревогой ждал, когда он распахнется. А вдруг там снова мертвец?

Лифт оказался пустой, он шумно захлопнулся, и замкнутое пространство снова заставило меня вспомнить, что вчера здесь спускали покойника. А может, уже и сегодня.

Лифт быстро поднял меня на нужный этаж и распахнулся. Я поспешил выскочить, ощутив холодок на спине.

— О, помощник, — равнодушно сказала уже знакомая санитарка, направлявшаяся в палату к отцу. — Сейчас папку твоего будем приводить в порядок.

— Здрасьте. Конечно, приведем в порядок, — согласился я, увидев в ее лице союзницу. Мне наверняка предстояло столкнуться в палате с Жанкой, и я рассчитывал на поддержку санитарки.

Но из головы все не выходила Ксения, которая была очень похожа на Маленькую Эротику. Вообще-то не хотелось бы, чтоб та и другая видели меня выносящим судно с содержимым. Да и Звездная Звезда точно нос воротила бы, а может, даже и Маринка. Хотя, нет… Маринка нормально бы отнеслась. Тем более, это же отец мой болеет.

В Жанку я запустил судном, отцу сказал про земельный пай

С мыслями о девчонках я вошел в палату вслед за санитаркой. Жанки не было. И папиных соседей по палате тоже. Отец не шелохнулся. Его заостренный профиль подчеркивал крайнюю худобу, и я испугался: вдруг он умер!

— Пап! Все нормально?

Отец с трудом повернул голову в мою сторону, открыл глаза. Было видно, что ему плохо. Санитарка поняла по-своему.

— Давай судно, — сказала она.

Все вместе мы справились с этим делом. Я взял судно и понес в сторону туалета. Возникали дурацкие мысли: сколько фильмов я пересмотрел, даже несколько книжек прочитал, а все герои там обходятся без этого дела. Даже по пять суток без сознания лежат, а потом встают — и все нормально. Папка не герой фильма, он просто живой, но больной человек. И нет ничего позорного, что я ему помогаю, — успокаивал я себя. С этими мыслями и с судном в руках в коридоре я столкнулся с… Жанкой.

— О, ты свою порцию наследства получил! — зло засмеялась она.

— Пошла вон, лахудра, — вырвалось у меня. Я едва сдержал себя, чтобы не выплеснуть содержимое на Жанку. Она отскочила.

— Дебил полный! — уже с безопасного расстояния крикнула она мне.

Когда я вернулся в палату с пустым судном, Жанка помогала санитарке обтирать отца. При этом говорила:

— Костя, я была у адвоката. Нужно постараться задним числом оформить землю и дачу на постороннее лицо, чтоб у тебя это не отобрали по суду.

— Жанна, давай об этом не сейчас, — с трудом выдавил отец.

— А когда? Они уже приходят и грозят мне! Тебе наплевать, что со мной будет.

— Ничего не будет, уезжай к матери в деревню.

— Они землю у тебя отожмут, ты же беспомощный.

— Он не беспомощный! — зло крикнул я.

— Сынок, успокойся. Все нормально…

— Наследничек нашелся, — хмыкнула Жанка и демонстративно бросила влажное полотенце на впалую грудь отца.

— Да побойтесь бога, — строго сказала санитарка.

— Мне нечего бояться! Пусть они боятся. Два заморыша, — Жанка отступила на безопасное расстояние — к двери. Так меня здесь еще никто не называл, да к тому же и отца! Я сильно психанул и… запустил пустое судно в Жанку. Та успела выскочить за дверь и захлопнуть ее. Санитарка схватила меня за локоть:

— Ты что, звезданулся, что ли? — кричала она. Забрав влажное полотенце и посудину, санитарка удалилась, продолжая возмущаться: — Вот дебилов развелось!..

— Кирилл, что ты творишь? — отец привстал на локтях.

— Пап, извини, я не хотел, — сказал я правду. Наверное, это детская гиперактивность кесаренка выстрелила быстрее, чем я успел подумать.

Вторая моя встреча с отцом не заладилась, как я понял. Хорошо, что мамы нет.

Мы молчали оба. Я думал, о чем заговорить с отцом, а он — о своем. Наверно, я ему надоел своими выходками.

— Пап, мы тебя с мамой напрягаем?

— Нет, не напрягаете. Я вам рад.

Мне хотелось оправдаться за свою дурацкую выходку, но слов не находилось. В поисках поддержки я обернулся в сторону кровати дедка. Ну да, мы же в палате одни. Как-то сначала я не придал этому значения.

— А где все, пап?

— Двоих перевели в другие палаты — пошли на поправку, а дед умер.

— Как умер?

— Не знаю. Проснулся, а его уже выносят.

Я вспомнил свои ощущения, когда ехал в лифте, чувствовал, что там сегодня покойника везли.

— А сын знает?

— Не было у него ни сына, ни дочки, ни внука. Санитарка так сказала.

Вдруг мне постыдно захотелось плакать. Я вспомнил о бойцовском характере и подавил это позорное желание, почти крикнув:

— Папка, а у тебя сын есть, я есть!

— Ну конечно, сынок!

— Пап, давай перекусим, — перевел я тему. — Мама тут что-то из фасоли целебное для твоих костей придумала.

— Давай, если целебное, — улыбнулся отец. — Только вместе с тобой.

— Пап, мы уже завтракали.

— Кирилл, меня-то с утра покормили. Хоть казенная пища, но калорий хватает. Давай, за компанию.

Я не сильно сопротивлялся, пришлось есть мамину целебную фасоль. Как-то не заметил, что почти сам ее и съел. Это меня смутило, и я как бы в оправдание выдал:

— Пап, мама сейчас поехала на Изоляторный земляка нашего искать, чтобы временную прописку оформить.

— Хорошо…

— Потом она будет устраиваться сюда санитаркой, — продолжил я «выдавать семейные тайны».

— О как! Не ожидал…

— Мама говорит: пока отец на ноги не встанет, мы не уедем. Это ей наш поп так сказал.

— Ваш поп? Что, в Лесостепном есть церковь?

— Да, пап, есть… Ее уже почти построили. — Я хотел рассказать, как мы с рыжим Дениской помогали на церкви, но потом сдержался, только добавил: — Служба пока идет в подвале. А поп, то есть батюшка Артемий, в «горячих точках» был.

— А что это мать такая верующая стала?

— Вот придет, спросишь у нее сам… А эта твоя Жанка когда к тебе приходит? Неохота, чтобы они здесь пересекались…

— Да я понимаю. Как-нибудь решим, — вздохнул отец. — Наверное, в ближайшее время не придет. Уедет она из Перми, пока все не утрясется.

Что должно утрястись, мы с мамой подробностей не знали. Точно была авария, вроде на отца повесили разбитую иномарку, потому что он был выпивший за рулем. Ладно, еще будет время вникнуть.

— Пап, а ты знаешь, что тебе в нашем бывшем колхозе положен земельный пай?

— В каком колхозе, Лесостепновском?

— Да. Маме вчера теть Галя прислала по электронке письмо: всем бывшим колхозникам или членам их семей положены земельные паи. Ну, кто сколько лет в колхозе проработал.

— Серьезно? Так я там год всего был, еще до женитьбы.

— Ну, значит, небольшой участок. А вот мама за моего дедушку Кирилла получит большой пай.

— Это как же?

— Новый губернатор так сказал: земля тем, кто на ней работал. Наши поселковые мужики за землю судились, вот и отсудили. Сейчас председатель колхоза, точнее, кооператива, дядька Мишка-зоотехник.

— Ну, помню такого…

— Мама придет, подробнее расскажет, если что.

— А она сегодня обещала?

— Не знаю… Если уладит с временной пропиской.

Пауза затянулась. Отец снова задумался о чем-то. О своем земельном пае? О маме моей? О чужой разбитой машине? Не знаю. Но в мыслях он точно не со мной.

— Пап, ну я пошел. Мне сегодня в вечернюю школу.

— Давай, сын. В новом коллективе заяви о себе.

Спускался я на первый этаж уже не на лифте. Нафиг надо, там сегодня дедка-покойника везли. Я не боюсь, но все-таки…

Шок — Ленка беременна! Все остальное — мелочи жизни

В вечерку идти не хотелось. Что там меня ждет? Может, в этой школе учатся одни бандюки типа Амбала. Тетя Галя говорила, что половина Перми — зэки, половина — менты. А батя советует: заяви о себе! Легко сказать.

Надо симку вставить. Разослать номера Дениске, Маришке, может, Звездной Звезде. Еще кому? Ну, классной моей бывшей… Хотя зачем? Вот сегодня с новой классной придется общаться. Что она за птица? Жена доктора — будет лечить мне мозги суффиксами-префиксами. А может, новая классная про «меню подростка» будет пургу мести? Невовремя захотелось есть. Блин, я же недавно у отца перекусил. Что ли, сквозануть — не пойти в школу?

Зазвонил мой телефон.

— Да, мам…

— Кирилл, жду возле вечерней школы. Ты сейчас где?

— На «Титанике»! — автобус как раз ехал по плотине КамГЭС, и я попытался острить.

— Не морочь голову, конкретно — где?

— Ну, через КамГЭС переезжаем, — пояснил я и понял, что днем гидростанция на океанский лайнер никак не похожа.

— Жду у школы, «Титаник» доморощенный.

Ну, понятно. Сегодня не удастся соскользнуть. Придется тащиться в школу.

Пока ехал, пришла СМСка от Дениски: «Привет, Кир. У меня все нормалек. Амбала участковый закрыл. Говорят, Ленка от него беременная. Как ты? Пока».

Ну, дела! Я сидел и переваривал. Потом написал Дениске: «У меня все пучком. Про Амбала и Ленку — это точно? Может, сплетни?»

Дениска ответил: «По ходу, не сплетни. Ее Завмаг увез куда-то».

Чуть не прозевал свою остановку — все думал о Звездной Звезде: ревновал, злился, жалел. Ленка беременная — как там классная отреагировала, да и вообще, вся школа? Маришка что-то молчит, не пишет…

Я выскочил из автобуса, огляделся. Помню, надо идти через березовую рощу. Там прикольные мостики — разноцветные. И памятники интересные. О, этого я узнал — Ванька Жуков, который писал «на деревню дедушке».

Вспомнил своего дедушку — Кирилла, которого при жизни не видел, и почему-то того деда, что сегодня ночью умер в палате у отца. К чему это? В парке так красиво, а тут — мысли про мертвых. Ну, и про Ленку с Амбалом.

Среди этих мыслей — резкий звонок от мамы:

— Ты где, Кирилл!

— Я подхожу к школе, в парке.

— А ты в какую школу лыжи навострил средь бела дня? — вдруг возникли рядом два местных пацана. Ростом пониже меня, но оба плотные. Видно, мои ровесники.

Я успел выключить телефон и немного растерянно сказал:

— В вечернюю… А что?

— Ты, видать, неместный. Говор какой-то.

— Я из неоднозначного региона, — так им и сказал, потому что здесь наши края так называют.

— Откуда-откуда? Ты че, гоняешь?

— Отвечаю, — как можно убедительнее сказал я, прижавшись спиной к дереву, чтобы сзади никто не смог напасть, если вдруг чего…

— Что у тебя за мобила?

— Нокия, кнопочная.

— Отстой.

Мне пришлось согласиться.

— Закурить есть?

— Нет, я не курю уже два дня…

— Бросил?

— Нечего… То в поезде — с мамашей, то тут — без копейки.

— А ты про копейки чего это вдруг? Думаешь, будем тебя потрошить?

— Нет, не думаю.

— А зря! — оба засмеялись. — Ну ладно, пошли в вечерку. Мы тоже туда.

— Пошли, — согласился я, чувствуя, однако, какой-то подвох.

— А зачем в Пермь приехал?

— Отец в аварию попал, сейчас лежит в больнице весь переломанный, не встает.

— Точно?

— Отвечаю! — снова сказал я убедительно.

— Ну, ты не трусь. Мы детей не обижаем и заморышей тоже.

«Заморыша» мне пришлось проглотить, а что возражать, если правда.

— Только малолеток отучаем курить, — уточнил другой пацан. — Мы из клуба бокса, за здоровый образ жизни.

— А ты, вижу, боксом не занимаешься. Вон физиономия вся покоцанная.

— С такой раскраской советуем здесь не ходить. Пацанята мелкие приметят, подумают — легкая добыча, и стаей отметелят.

— Боксом нет, не занимаюсь, — ответил я почти обреченно. Не рассказывать же им про нашего Амбала или что я в кусты свалился с больничного забора. Засмеют. Эх, как я пожалел, что не занимаюсь дзюдо. У нас как-то в Лесостепном открылась секция. Прямо в общежитском подвале. Мама меня

туда записала, даже кимоно по дикой цене купила. Но секцию разогнали, из кимоно я давно вырос. Как хотелось мне соврать, что занимаюсь дзюдо, но язык не повернулся.

— А ты точно из тех краев? Как ты говоришь: неоднозначный регион?

— Да, точно. Могу паспорт показать.

— А там на русском языке написано?

— Конечно!

— А ну, дай посмотреть.

Оба юных боксера внимательно изучали мой паспорт, шевелили губами.

— Кирилл, значит? Ха, я тоже Кирилл, — довольно сказал один парнишка. — А это Славик. У него уже третий разряд, юношеский.

Разрядник, между тем, задался вопросом:

— А ты что такой белобрысый? У нас мигранты все чернявые…

— Так у мамки с папкой получилось, — весело сказал я, и все засмеялись. Я понял, что они меня приняли за своего.

— Ты тут надолго?

— Как получится.

— Если что, приходи в наш клуб. Ты хоть и тощий, но у тебя длинные руки. Это преимущество у боксера, — констатировал разрядник Славик и сделал имитацию ударов, неизменно останавливаясь в сантиметре от моей челюсти. Я невольно отшатнулся.

— Не смейте его трогать, не смейте! — раздалось пронзительное. — Я вам глотки перегрызу…

— О, смотри, какая-то девка бежит как угорелая, — показал мой тезка на мечущуюся в конце аллеи фигурку.

— Не понял… Это не девка, а моя матушка, — удивился я и крикнул ей: — Мам, все нормально!

Мне было неудобняк перед новыми товарищами. Тем временем мать почти добежала до нас, споткнулась и… упала. Я бросился к ней.

— Мам, ты как?

— Господи, что они с тобой сделали…

— Тетенька, извините. Это мы в шутку, — Славик вместе со мной помог матери встать.

— Мам, это нормальные пацаны, — успокаивал я плачущую мать. — Они местные, тоже в вечерке учатся…

— Да, мы нормальные, — подключился мой тезка Кирилл. — Мы за здоровый образ жизни.

Мама не вполне верила моим новым знакомым, всхлипывала, озиралась и была готова вцепиться в горло любому. Я ее еще такой не видел.

— Ну, мы пошли, — виновато сказал мой тезка.

— Пока.

Боксеры удалились по аллее. Я остался со всхлипывающей матерью и мыслями о беременной Ленке и Амбале.

Отец снова подсел на пиво, но мы батю вытащим!

Мама вытерла слезы, стала приводить себя в порядок. Мне надо было в вечерку, но как оставить мать в таком состоянии? Вдруг она сказала:

— Так, сегодня в школу не пойдешь. Неизвестно, что у них на уме, — кивнула мама в сторону уходивших знакомцев.

— Да ладно, мам… Они нормальные пацаны.

— Может быть. Но ты же не хочешь в школу? — Не дожидаясь ответа, сказала: — Сейчас поедем в больницу.

— К отцу? — с радостью спросил я.

— И к нему зайдем. Надо с моей работой что-то решить, — пояснила она и добавила: — С пропиской все нормально. Этот начальник мебельного цеха, наш земляк, отличным парнем оказался. Без проблем зарегистрирует. У него есть свободная комната в том общежитии, где мы остановились. Дал месяц пожить бесплатно.

— Классно! — сказал я. Но мысли мои были о Ленке с Амбалом: неужели правда? Может, сплетни? Потом мои мысли самостоятельно, может, в знак протеста, переключились на Маленькую Эротику. Точнее, я думал о консультанте салона связи Ксении, которая была поразительно похожа на Маленькую Эротику из нашего вагона. Блин, я уже запутался в этих девчонках…

Девочки и мальчики,
Дуры и обманщики…

Ехали молча. Прогудел мой телефон — «приземлилась» СМСка от Маришки: «Привет, Кир. Как ты? Твои орехи высадили в палисадник. Привет т. Ирине. У нас все нормально». Про Звездную Звезду и Амбала — ни слова.

Что написать Маришке, которая, можно сказать, застукала меня на мыслях о Маленькой Эротике и Ксении из салона? С того времени как мы уехали из Лесостепного прошло пять дней: три в поезде, два здесь.

Много чего произошло, но мне ничего героического совершить не удалось. Ну, синяк почти сошел. Что еще? Один раз в вагоне бутылкой спутника Маленькой Эротики чуть не звезданул, опять же, бутылку запустил в закрытую дверь, отпугнув хозяина комнаты Ваську, потом швырнул судно в Жанку. Вообще позорище☹ Это, если честно, я все от страха и злости. Да и сегодня сдрейфил, когда подкатили боксеры. М-да… Где моя смелость в виде орла? Короче, Маришке писать нечего. Не спросишь же, за что «закрыли» Амбала? Может, из-за «лирики» или все-таки из-за Звездной Звезды? Написал: «Привет, Маришка. Все нормально».

— Сын, приехали!

Мы пошли в медсанчасть. На проходной стоял знакомый по первому посещению охранник в черном. Что это он постоянно дежурит?

— К бате? — спросил супермен, записывая что-то в журнале.

— Да!

— Ну, как он там?

— Идет на поправку! — бодро ответила мама. Меня несколько удивил ее настрой. — Вы что-то часто дежурите.

— Отгулы зарабатываю. Надо тоже к бате в Соликамск съездить.

— А у нас там земляк живет. Денискин дедушка…

— Ну, понятно, — сказал охранник неопределенно.

Я потащил маму через вестибюль на первом этаже к служебному лифту. Мне взбрело в голову испытать себя на смелость — утром в этом лифте спускали деда-покойника из отцовой палаты. Маме об этом, конечно, не сказал.

Мать извлекла из пакета халаты и бахилы.

— Все свое ношу с собой! — довольная, сказала она. — Сейчас у нас с тобой такой период — надо быть готовым ко всему.

Да, про маму это можно сказать. Например, сегодня она была готова перегрызть глотку боксерам. С такими мыслями я нажал на кнопку вызова служебного лифта. Я тоже был готов, допустим, увидеть очередного покойника. Но вдруг сейчас… отца мертвого вывезут на носилках? Эта дикая мысль заставила меня скукожиться до состояния самого заморенного заморыша. В это время дверь лифта распахнулась. Нам навстречу шагнул Виктор Ильич — папин лечащий врач и муж моей классной из вечерки.

— Что за делегация? — удивился доктор.

— Мы к вам, Виктор Ильич, — бодро сказала мама и уточнила: — Насчет трудоустройства.

— Отлично. Подождите меня здесь.

Доктор пошел по свои делам, мы ждали. Лифт был открыт.

— Мам, я к отцу. Хорошо?

— Давай.

Я шагнул в лифт, шкурой ощутил недавнее присутствие покойника. Когда дверь захлопнулась, по спине пробежал холодок. Не успел я обвинить себя в трусости, как лифт остановился на третьем этаже, дверь распахнулась. Неведомая сила меня вытолкнула вон!

Коридор был пустой, дверь палаты закрыта. Хоть бы Жанки не было, подумал я. Однако решительно распахнул дверь палаты, готовый столкнуться с ней. Папкиной женки не было.

Отец, кажется, спал. Я подошел поближе. Он медленно повернул голову и посмотрел на меня каким-то блуждающим взглядом, кривенько улыбнулся:

— А, сынок. Я тут немного расслабился, — сказал он заплетающимся языком. — Так пива захотелось. — Он как-то неестественно закинул плеть руки и достал из-под кровати бутылку.

Отец несколько раз жадно отхлебнул, отдал мне уже пустую тару:

— Вынеси, чтоб никто не видел.

— Хорошо, пап, — я хотел сказать, что ему пить нельзя, но язык не повернулся. — А где взял пиво?

— Да какая разница. — Он прикрыл глаза и тут же признался: — Жанна забегала, гостинец принесла.

Меня разозлило, что эта стерва спаивает отца.

— Да ты не дуйся, сынок… Это я ее попросил. Она сегодня уехала из Перми.

— Пап, тебе же нельзя пить, ты и так слабый. Сейчас врач придет, скандал будет.

— Сын, боль меня замучила, вот немного заглушил. Таблетки уже не помогают.

Я подумал: может, отцу купить «лирику»? Это же от боли, ее, может, здесь без рецептов дают?

Но про «лирику» отцу я, естественно, не сказал. В это время распахнулась дверь, на пороге стояла мама.

— Привет, — бодренько сказала она, держа в руках поднос с больничной едой. Оказывается, мать встретила в коридоре санитарку с папиным ужином. Мама, как мне показалось, принюхалась:

— А кто здесь из нас троих пил пиво?

Я был готов взять вину на себя, но не понадобилось. Мама сказала:

— Костя, ты решил расслабиться? Ну, ладно…

— Ира, это последний раз, — виновато сказал отец.

— Знаю, как всегда, последний раз.

— Мам, он больше не будет.

— Детский сад, — с укоризной сказала мать и распахнула окна. — Пусть хоть проветрится… Так, сейчас мы тебя покормим, Константин.

Она реально кормила отца из ложки и говорила строго:

— Костя, мы с твоим сыном приехали не для того, чтобы пивные бутылки выносить. Ты должен взять себя в руки.

— Да, согласен.

— Твоего согласия мало, надо напрячься. Нашему сыну нужен здоровый отец. Вдруг со мной что-то случится? Твоему сыну, что, в детдом идти?

Отец, кажется, окончательно протрезвел и слушал озабоченно.

— С завтрашнего дня я здесь работаю санитаркой. Мы тебя поставим на ноги, но и ты не должен раскисать.

У меня было радостно на душе. Я был готов помогать маме: обтирать отца влажным полотенцем, выносить судно. Это не позорно — он же мой родной папка. Мы должны вытащить батю. Да я и сам должен помочь матери заработать копейку. Она же не зря меня кормильцем называла.

Глава VI

Мама первый день на работе, я — первый день в школе

Мы перебрались в комнату Владимира Сергеевича, нашего земляка-мебельщика. Мать пошла работать санитаркой в медсанчасть. Двое суток — по двенадцать часов, двое суток — дома.

Свой первый рабочий день она начала с уборки не в палате отца. Все должно быть по очереди. На этаже 20 палат, надо помыть полы во всех, да еще — в коридоре. К отцу решили пока не заходить — сначала работа. Я маме, конечно, помогал — носил ей ведра с водой. Мне, честно говоря, было не по кайфу — пацан занимается мытьем полов. В палатах, где мама убирала, к моему присутствию отнеслись спокойно. Точнее, не обратили внимания. Только одна бабулька сказала: «Молодец, мальчик. Маме помогает». Мне еще больше стало не по себе, к тому же, какой я мальчик? У меня рост метр восемьдесят. Мама правильно поняла мое смущение и сказала:

— Константинович, не царское это дело — полы мыть. Оставь, я сама…

— Я не полы мою, а тебе помогаю. Чувствуешь разницу?

— Чувствую, — улыбнулась мама.

Мы, как сговорившись, не заводили речь об отце. Но работа шла своим чередом и приближала нас к его палате.

— Ну, вот и батя твой, — нарочито торжественно сказала мама.

Я почему-то разволновался и оттягивал очередную встречу с ним. Главное, чтоб он опять не напился. Может, Жанка и не уехала из Перми и снова принесла ему бухла, то есть пива, а может, что покрепче.

Я первым шагнул в палату:

— Привет, пап!

— О, кого я вижу! — сказал батя бодро и, как мне показалось, с нежностью посмотрел на маму.

— Пока я буду убирать, ты покорми отца, — распорядилась мать.

К папиной казенной каше прибавились орехи, которые мы с мамой еще вечером накололи. Некстати вспомнился дядька Мишка — он эти орехи и мед передал для отца.

Мама быстро управилась с работой.

— У меня — все! Влажная уборка завершена, — как бы доложила она больному и улыбнулась. — Ну, я пошла. Мне другие палаты мыть. Кирилка, ты тоже не задерживайся, тебе в школу.

Я вдруг понял, что с отцом мне не о чем говорить. Чтобы заполнить паузу, я предложил бате делать зарядку. Стал потихоньку разминать ему стопу, свободную от гипса. Потом начал сгибать и разгибать его руки, которые лежали как плети. Мне очень хотелось, чтоб у него нарастала мускулатура.

— Сынок, ты не опоздаешь в школу? — спросил отец.

— Да, пап, мне пора, — сказал я с некоторым облегчением, — До завтра! Мама к тебе еще зайдет.

Я благополучно добрался до вечерней школы. Нашел Людмилу Васильевну:

— Здравствуйте, я пришел.

— Вот и славно, — сказала она.

Я невольно сравнил ее с нашей классной, из Лесостепновской школы. Конечно, Людмила Васильевна была милее и симпатичнее. Но тут я себя поймал на очередном предательстве: Наталья Анатольевна все сделала, чтобы меня отправить к отцу, а я как бы от нее отрекся в пользу городской учительницы.

— Так, куда тебя посадим? — Она обвела взглядом класс, где сидели человек пятнадцать учеников — разномастная компашка. На последней парте пряталась от учительских глаз упитанная девица, явно старше четырнадцати лет.

— Кирилл, у тебя рост соответствующий, ты прекрасно будешь смотреться рядом с Валей.

— Привет, — я присел возле девицы.

— Что вытаращился? — прошипела соседка по парте. — Беременная я. Еще вопросы есть?

— А у меня их и не было, — стушевался я от такого приема и от самого факта беременности моей соседки.

— Вот и правильно, а то скажу, что ребенок от тебя, тогда попляшешь, — прошипела она угрожающе. — Знаешь, что за изнасилование бывает?

— Знаю… Но я тут при чем? — Честно говоря, не рассчитывал на такой прием. Знал, что тут всякой братии насобирали, но чтобы вот так — изнасилование и все такое… Я вспомнил про Звездную Звезду и Амбала, там какая-то непонятка с Ленкиной беременностью.

— Валя, вы уже познакомились с Кириллом? Вот и славненько, — обратилась в нашу сторону Людмила Васильевна. — Все собрались? Я сейчас представлю вашего одноклассника.

Я встал.

— Это Кирилл, он буквально три дня назад приехал к нам в Пермь из неоднозначного региона. Папа его после аварии в медсанчасти лежит. Прошу любить и жаловать.

Я сел и исподволь начал рассматривать Валю, ее внешние признаки беременности. При этом меня не покидала мысль о Звездной Звезде. Неужели правда, что она «залетела» от Амбала? Действительно ли его «закрыли»? М-да…

Людмила Васильевна артистично рассказывала о проблемах нравственной памяти в каком-то там рассказе. Я, если честно, не старался вникнуть. У меня своя «нравственная память»: вот Ленка — как она там, беременная?

Кошмар, Завмаг, наверное, ее со свету сживет! Про Маришку у меня «нравственная память»: пишет СМСки только про орехи, а может, она в меня влюбилась? Но мне теперь нравится консультант Ксения, которая похожа на Маленькую Эротику. Но и Ленку беременную жалко. Блин, с этими бабами я запутался!

А что там рыжий Дениска? Как бы в мое отсутствие у них с Маришкой любовь-морковь не случилась, подумал я с ревностью. Может, у Дениски спросить про адрес его деда из Соликамска? Земляк все-таки.

Зазвенел звонок, все высыпали в коридор, я — тоже. Подошел первым к пацанам, хотя мне это стоило усилий. Я приказал себе не показывать свою робость перед ними. Пацану быть трусом нельзя никак.

Познакомились, тут же подошли боксеры — мой тезка Кирилл и разрядник Славик. Оказывается, они учились в 9-м классе — на год старше.

— О, какие люди и без охраны!

— Ну что, приколола тебя Валюха?

— В каком смысле?

— Ну, она, видишь, толстая. Каждому пацану говорит, что от него беременная.

— А, ну да, — признался я. — Еще и за изнасилование грозилась.

— Ха-ха-ха, — ржали пацаны. — Оба-на, не успел приехать, сразу папашей стал!

— А ты правда из неоднозначного региона?

— Он однозначный, — это боксер Славик сказал свое слово. — Мы вчера даже паспорт смотрели у него… Все по-русски написано.

Короче, первое знакомство состоялось, угрозы я не увидел. Мне повезло, что вчера задружил с боксерами. Правда, пришлось в качестве вступительного взноса купить на все деньги чипсов. Новые однокашники остались довольны.

После уроков, которые заканчивались в восемь вечера, вспомнил, что у меня на проезд денег не осталось.

— Пацаны, кто займет на билет?

Дружно скинулись по мелочи. Оказалось, даже больше, чем на проезд. Я отправился сразу к отцу в больницу.

У мамы и отца — «вечер воспоминаний»

А в это время мама и отец вспоминали лучшие дни своей совместной жизни. Их оказалось не так много, как хотелось. Но вышло, что самыми счастливыми были день их свадьбы и день моего рождения.

— Костя, скоро мы с сыном уедем, прошу тебя, уделяй ему внимание, пока есть время. Сколько можешь.

— Иринка, я понимаю… Держать вас не могу, — виновато улыбнулся отец. — Я и в молодости не смог тебя удержать, не смог дать того, что ты заслужила. А сейчас тем более: ни здоровья, ни кола ни двора… Последний участок с дачей отожмут, козлы.

— Да дело не в том, есть у тебя за душой что-то или нет. Сын, знаешь, как переживает за тебя! Он один хотел к тебе через полстраны ехать — автостопом.

— Перед сыном я виноват. У него сердце слишком доброе. Трудно ему будет в жизни…

— Да, он мягкосердечный… Это, наверное, плохо. Таких считают бесхарактерными, — вздохнула мать. — Ты же помнишь, он у нас кесаренок. Галина, подружка моя из амбулатории, говорила, что кесарята не приспособлены к преодолению трудностей.

— То, что он кесаренок, я, конечно, помню… За тебя тогда я сильно переживал, веришь?

— Хотелось бы верить, — вздохнула мать. — Как он на тебя похож, наш Кирилка… Не только внешне. Твой характер, твои движения, даже в голосе твои интонации.

— Да, сын — мой. Он на меня похож не только худобой…

— Думаю, твои родственники, когда увидят Кирилла, признают, что он с ними одной крови, — грустно улыбнулась мама.

Отец промолчал, только положил свою руку на мамину, она осторожно высвободила свою.

— Знаешь, Костя, еще раз тебя прошу: за это время постарайся дать ему хоть что-то, что не смог в свое время. Главное, сам не раскисай. Прояви характер.

— Ты собираешься выходить замуж?

— Костя, мы от главной темы отошли. У нас есть общий сын, но у каждого своя жизнь. Прошло больше десяти лет…

— Я понял. Ты выходишь замуж за этого, как его… Зоотехником работал еще на ферме.

— Михаил…

— Да, Михаил. Я знаю, ну, желаю счастья. Тем более, он теперь у вас председатель.

— Стоп! Ты сейчас о чем? Кто тебе это сказал?

— Он сам по всему Лесостепному говорит. Мне вчера звонил Артем. Он рассказал.

— Какая самоуверенность... Ну председатель, ну великий начальник, — хмурилась мама. — А Завмагу зачем надо было все это распространять? Зачем вы, мужчины, всякую фигню перемалываете? У него, что, своих проблем нет?

— Да Артем нормальный мужик. Просто предупредил по-товарищески, — отец попробовал защитить Завмага. — Он, кстати, меня звал обратно. Станцию техобслуживания открывает, нужен мастер.

— Подумай… Может, и правда вернешься. У тебя золотые руки.

— Надо оклематься, там будет видно…

— Вот именно. Пока нужно тебя вытаскивать. Я и батюшке из нашей церкви слово дала, и перед сыном у меня есть обязательство вытащить тебя. А тему моего замужества закрыли. Я же не говорю о твоей жене…

— Какая она мне жена?

— Не знаю какая, но скандалы закатывает, как самая законная.

— Ладно, тоже проехали… Вы уже перебрались на новую квартиру?

— Да.

— Там отвертки не найдется?

— Отвертки? Зачем? — удивилась мама.

— Отремонтировать надо розетку.

— На это есть дежурный электрик. Сказать заведующему?

— Нет. Хочу с сыном отремонтировать. Я буду говорить, он делать.

— Ты слишком буквально отцовское воспитание понимаешь. Там ток, опасно…

— Да что ты! Мы обесточим…

В это время в палату вошел я.

— Всем привет!

— Здоров, сын! — Отец приподнялся на локтях, попытался протянуть мне руку, однако тут же неловко откинулся на подушку. Но мы все-таки пожали друг другу руки. Я почувствовал, что отец хоть и слабый еще, но о нем уже можно сказать, как и прежде: худой, но жилистый.

— Как дела в школе?

— Нормально, — почти небрежно бросил я, хотя хотелось рассказать отцу о том, что задружил с боксерами. Но, конечно, не о ложной беременности новой одноклассницы Вали. Опять вспомнил про Звездную Звезду Ленку — ей сейчас несладко. Если, конечно, правда, что она залетела. Может, позвонить? Хотя, конечно, не при родителях.

— Вы поговорите, а я пошла дежурство сдавать, — сказала мама и вышла из палаты.

— Пап, как твои старые кости? — попытался я пошутить.

— Нормально, — уверенно ответил мне отец. И я понял по тону, что у него действительно дела идут на поправку. Мы молчали. Вот так всегда, я заметил, когда есть о чем поговорить с отцом, кто-то присутствует, например, мама. Когда остаемся наедине, вроде не о чем говорить. Вот мы и молчали. Я решил заполнить паузу:

— Пап, а что ты маме говорил про розетку?

— Да починить надо бы, а я вот, сам понимаешь, не могу.

— А что для этого надо?

— Сначала отключить щиток энергоснабжения. Нужно с дежурным электриком договориться. Это надо делать днем. Давай завтра, а то ведь придется отключать свет.

Я вкратце рассказал отцу о новых школьных товарищах, немного изобразив из себя крутыша. Отец слушал внимательно.

— Это хорошо, что ты задружил с пацанами и сразу заявил о себе.

— Конечно, — согласился я и предложил сделать бате зарядку.

— С удовольствием! — согласился отец.

Мы долго манипулировали с его суставами. Устали оба.

Мама зашла за мной и с улыбкой сказала:

— О, размахались крыльями!..

— Пошли на взлет, — попытался пошутить отец.

— Ну, и мы, Кирилка, наверное, пойдем на взлет? Вечер воспоминаний завершен, — грустно улыбнулась она.

— До завтра? — спросил отец.

— Завтра не моя смена, — сказала мама. — Кирилл сам придет. А я, наверное, какую-то подработку поищу.

— Ну, пока, пап. Я обязательно буду…

Отцовское воспитание: меня долбануло током — я ждал сверхспособностей

На следующий день я пришел в медсанчасть с утра. Сделали упражнения с папиными тугоподвижными суставами. Потом разработали план ремонта розетки. Дело нехитрое, но я побаивался — мне не приходилось иметь дело с током.

Сбегал к больничному гаражу, где располагался электроучасток, объяснил дежурному электрику, что надо. Он, удивительно похожий на грузчика дядьку Сергея из Лесостепного, согласился пойти к бате в палату. (Я уже который раз ловил себя на мысли, что здесь встречаются люди, очень похожие на наших, лесостепновских. Или я это придумывал?) Короче, пошли с электриком, похожим на грузчика, в палату к бате.

— Мой сын хочет сам починить розетку, — сказал батя.

— Ясно. Но по технике безопасности положено отключить электричество. А это — целая канитель. Сейчас процедуры и все такое, — электрик с шумом водрузил на прикроватную тумбочку свой «ядерный чемоданчик». — Надо писать заявку, согласовывать с замом главврача…

— Я понял. С тобой каши не сваришь.

— Кашу, может, и сваришь, только пустая ложка горло дерет.

— Конкретно говори, мужик.

— По пивасику…

— Вопрос решаемый, — сказал отец. — Открой тумбочку, подними дно…

Электрик поднял фанерку на дне тумбочки. Там лежала целая батарея пивных бутылок.

— О-о-о!.. — воодушевился электрик. — Правильный ход. — Он ловко извлек из тайника один «пивасик».

— Постой, мужик… Сперва дело сделаем.

Мы встретились с отцом взглядами: откуда «дровишки»? Он ответил на мой немой вопрос:

— С прошлого раза осталось, когда Жанна приносила.

— Так! Мое дело давать команды, — заявил электрик, — а твой короед будет исполнять. Так?

— Так, но мой сын не короед…

— Как же, не короед! В школу денежку дай, на чипсы — дай, на телефон — дай. А потом скутер захочет, а потом — девки. Что, твой, скажешь, не такой? Все они, пацаны, одинаковые.

— Мужик, мы сейчас не о том говорим, — мрачно ответил отец, как мне показалось, устыдившийся, что он как раз «денежку» не давал мне ни в школу, ни на чипсы, ни на телефон. — Короче, если хочешь помочь, давай. Нет, значит нет.

— Так! — торжественно сказал электрик. — Работаем под напряжением. Сам понимаешь, я отключить целый этаж не могу. Гарантирую, все будет нормаль! — Он распахнул свой «ядерный чемоданчик», сунул мне отвертку:

— Откручивай болтик, снимай крышку.

Я вспомнил почему-то завмаговское «решил — действуй» и с волнением открутил крышку. Внутри, мне показалось, был клубок змеенышей, а не провода.

— Дай гляну, — отодвинул меня электрик. — М-да… Просто нет контакта. Видишь, провод подгорел, изоляция оплавилась.

Глотнув пива, скомандовал:

— Откручивай распирающие лапки…

— Чего? — я про лапки не понял.

— Там болтики, сынок, держат распорки, — подсказывал отец.

— Смелее! — подбодрил электрик.

Я волновался, аж пальцы онемели, но болтики поддались.

— Откручивай силовые контакты, — дал указания электрик, — освобождай провод.

Я напрягся, из-под отвертки высунулось алюминиевое жало.

— Молодец, Кирилл, — подбодрил отец.

— Пошел второй, — дал команду электрик.

Я смело приступил к другому болту, чтобы освободить силовой контакт. С удовлетворением отметил про себя, что думаю уже на «электрическом языке». Тут отвертка соскочила внутрь розетки, туда, где клубились змееныши проводов. Сноп искр! Страшный треск!.. Меня так долбануло током, что я отлетел, опрокинув спиной папину тумбочку с пивным тайником.

— Сын!.. — заорал отец, дернулся и свалился с кровати, повиснув загипсованной ногой на растяжном механизме. — А-а-а…

У меня перед глазами плыли круги. Сквозь радужную сетку увидел отца, который корячился на «виселице», но я не мог пошевелиться. Электрик, придурок, стал спешно собирать раскатившиеся по палате «пивасики». На шум сбежалось все отделение. Первой возле меня оказалась медсестра Катя, которая мне тайно нравилась. Она была испугана и еще красивее прежнего. Даже красивее Звездной Звезды.

— Что с тобой? — она поддержала мою голову своими теплыми ладошками, нежно провела по щекам. Мы встретились взглядами, потом мои глаза опустились к скромному вырезу халата, где колыхнулась очень даже немаленькая эротика, я невольно положил руку на торчащее передо мной ее колено и… потерял сознание. Это произошло не от удара током, а от божественных прикосновений медсестры.

В нос мне шибанул нашатырный спирт, я очнулся. Теперь, к моему разочарованию, надо мной колдовали Виктор Ильич и еще какие-то медсестры. А Катя склонилась над отцом. Вместе с электриком, санитаром и еще какимто врачом они умащивали батю на его распотрошенном ложе, поправляли растяжной механизм. Катя в своих движениях была восхитительна. Я именно такими, непривычными для меня словами думал про нее: «божественна», «восхитительна»!

— Очнулся… Все нормально, — констатировал Виктор Ильич. — Давай осторожно его на носилки.

Он и еще какая-то медсестра помогли мне приподняться и перевалиться на носилки-каталки.

— Сынок, ты как? — подал голос отец.

— Нормалек. А ты как, пап?

— Все хорошо, — бодрился отец.

Мне, однако, было фигово. Хотя ныл только палец, куда ударило током. Меня не тошнило, голова не болела, но было фигово. Во-первых, отец, наверное, покалечился, во-вторых, мама еще не знает о происшествии. И потом, эти бутылки с пивом… И медсестра Катя не появляется. И Звездная Звезда Ленка беременна от Амбала. И Ксения из салона сотовой связи, которая похожа на Маленькую Эротику, вообще ко мне не имеет отношения. И Маришка не пишет СМСки, и Денис молчит. Все — в кучу! Я чувствовал себя конченым заморышем.

Но хорошо вот что: врач Виктор Ильич, когда меня несли в палату, сказал:

— У многих людей после удара током открываются сверхспособности.

Через какое время, интересно? Надо ждать. С этой мыслью, а также с удовлетворением, что не надо идти в школу, я уснул. И снился мне все тот же сон:

я взбираюсь по лестнице без перил — на балкон, где теперь стоит медсестра Катя. А внизу отец и мать — обнявшись, и я, маленький.

Сон прервала мама:

— Кирилка, ты спишь?

— Уже нет.

— Господи, горюшко ты мое, — заплакала она. — И этот взрослый дурень нашел время для отцовского воспитания.

— Мам, не плачь. Врач сказал, что у меня откроются сверхспособности.

Я влюбился в медсестру Катю и совершил еще один подвиг Геракла — с газонокосилкой

Случай с коротким замыканием и с пивными бутылками, но без жертв, быстро замяли. Кому нужен лишний шум? Все живы-здоровы, даже батины срастающиеся кости не нарушились. Злополучную розетку вообще обесточили.

Я худо-бедно закончил учебу в вечерней школе — без применений сверхспособностей. Они, эти способности, которые у многих проявляются после удара током, у меня пока не открылись. Но я надеялся на них и возобновил мечту стать офицером. В Перми, на Гайве есть военный институт, там со всей страны учатся. Почему бы и мне не поступить туда?

Этой заветной мечте не мешало то, что я каждый день бывал у бати. Мы с ним продолжали разрабатывать его тугоподвижные суставы. Отцовское тело вроде бы восстанавливалось.

Врач Виктор Ильич показал еще специальные упражнения, полезные отцу. Конечно, мама нас поддерживала не только своим присутствием. А еще нам помогала со всякими физиотерапевтическими процедурами медсестра Катя.

Если честно, после удара током я в нее влюбился окончательно — какая-то химия мне в голову стукнула вместо сверхспособностей. Ну, старше она на пять лет, и что? Понятно, что я спешил в медсанчасть не только к отцу, но и чтобы увидеть ее, Катю. Она чем-то неуловимо напоминала и Маришку из Лесостепного, и Маленькую Эротику, и Ксению из салона связи, и даже Звездную Звезду Ленку — дочку Завмага. У меня закрутилось в голове:

Девочки и мальчики,
Дуры и обманщики…

Кстати, Артем Артемович увез Ленку из Лесостепного в областной центр к своим родственникам, чтобы рожала в какой-то частной суперклинике. Это тетя Галя маме писала на электронку. Мать поделилась с отцом — я слышал. Говорят, избавляться от ребенка было поздно. В дело вмешался батюшка Артемий из нашей Троицкой церкви, сказал Завмагу: «Не бери на душу грех детоубийства». Амбала отпустили из ментовки. Это и рыжий Дениска в СМСках писал.

Амбал, впрочем, для меня уже не был авторитетом. Я начал заниматься боксом. У меня отличный размах руки, я легко передвигаюсь по рингу — гиперактивный же! Это мне тренер Иван Иванович сказал. Но поскольку у меня дефицит веса, как у папы в свое время, тренер меня определил к мелким, которые на два года младше меня. В основном я занимался общефизической подготовкой, работал с грушей. Ну, попробовал с мелкими пацанами

на ринге. Честно говоря, напропускал ударов. Губы были как вареники. Но, кажется, я победил страх.

Я стал жестче, потому что помню: с мягким сердцем пацану никак, тем более будущему офицеру! Жесткость я даже к отцу проявил:

— Пап, надо уже вставать!

— Я встану обязательно, — ответил он мне так же твердо.

И он встал, ну, не совсем, конечно. Под присмотром врача Виктора Ильича и с помощью моей и мамы отец взгромождался на инвалидную коляску. Мы ее называли каракатицей. А то «инвалидная коляска» звучит как-то уж совсем тоскливо, по-стариковски. Спускались во двор. Любили тусоваться возле блока вспомогательных служб больницы. Там котельная, гараж, мастерские. Электрик нас привечал.

— Ну, твой короед молодец все-таки. Помогает отцу, значит, уважает, — говорил он бате про меня.

— Уважает, — с гордостью соглашался отец.

— А мой балбес все боксом занимается, школу забросил. Жена его в вечернюю сдала. Тоже Кириллом зовут.

— И мой в вечерней. Звезд, конечно, не хватает, но восьмой класс закончил. Тоже на бокс записался.

Оказалось, мой тезка Кирилл из школы бокса — это его сын. Ну, нормально!

— Я Кирилла знаю! Это мой друг.

— Друг? — с недоверием посмотрел на меня электрик. — Ну-ну… А пацанам надо не звезды хватать, а руками работать, ну, и головой, — важно говорил электрик. — Вот, например, я в электричестве…

— Папа тоже головой работает будь здоров, — не удержался я.

— Батя твой — да! Знаю, он и механик, и строитель. А вот ты…

— И он научится, — вступился за меня отец.

— А вот в газонокосилке вдвоем разберетесь? — как бы подначивал электрик. Ему завхоз приказал отремонтировать этот агрегат, а он, хитрец, хочет, чтобы батя это сделал.

— Легко, — сказал отец. Он в Лесостепном, в «Зеленстрое», был спецом по газонокосилкам. Потому я и люблю запах скошенной травы и бензина — с генами впитал.

Короче, целый день мы провозились. Отец говорил, что делать, я выполнял. Кажется, все просто, а на самом деле... Батя пропустил процедуры, я — обед.

— Нормально, — одобрил работу электрик. — Теперь надо «обкатать машину». Давай, Кирилл!

Это оказалось сложно. Во-первых, газонокосилка, которую надо надевать на себя, как рюкзак, тяжелая. Во-вторых, она меня кидала из стороны в сторону, как мелкого. Ну конечно, у меня же дефицит веса. Но я хоть худой, но жилистый. Как батя.

Короче, я приноровился. Мне даже понравилось. Рулишь вроде как дельтапланом или мотоциклом. А за тобой буквально ковер стелется. Тут, в Перми, такая сочная зеленая трава! Как я «рулил» газонокосилкой, заметил завхоз. Подошел:

— Это ты сын санитарки Ирины?

— Ну да, — настороженно ответил я.

— Хочешь заработать? — Он это сказал прямо с интонациями дядьки Мишки-зоотехника из Лесостепного. Вспомнилось же…

— А кто не хочет!

— Можешь прямо сейчас приступать. Тебе, наверное, уже лет шестнадцать стукнуло, паспорт есть?

— Да, есть паспорт, — про возраст я промолчал.

— Мне тоже пришлось пацаном начать работать, — сказал завхоз. — А зачем я буду Среднюю Азию нанимать, если есть свои неоднозначные регионы, — обратился он к электрику и отцу.

— Правильно, начальник, — одобрил электрик. — Пусть пацан работает. Трудотерапия, понимаешь, от раздолбайства хорошо помогает.

Так я начал работать. У меня получалось, я не чувствовал себя заморышем, а скорее наоборот. Мне казалось, мои бицепсы прямо наливаются. Я так хотел, чтобы меня, сильного, видела медсестра Катя. Но ее, к сожалению, не было.

Мама уезжает — они с зоотехником решили жениться, я остаюсь с отцом

Новоиспеченный председатель сельхозкооператива «Лесостепновский», как его теперь там… внезапно дал о себе знать.

Зазвонил мой телефон:

— Привет, Кирилл! Это дядь Миша-зоотехник.

— Здрасьте, — удивился я.

— Скажу коротко, Кирилл, без лишних церемоний. Мы с твоей матерью решили сойтись.

— Как сойтись? Пожениться, что ли?

— Сойтись, приглядеться друг к другу, а там, даст бог, поженимся.

— Как это? А как же я, как мой отец?

— Кирилл, ты уже взрослый парень. У отца твоего своя жизнь, он женат.

— При чем тут Жанка? И вообще… — я не знал, что сказать. Вдруг почувствовал себя скукоженным заморышем, обманутым и преданным.

— Мать боится тебе сказать, что мы хотим сойтись, — продолжал дядька Мишка. — Но надо обрезать пуповину. Нельзя тебе все время возле мамкиной юбки.

Про пуповину — это он зря. Не знает, что меня она, пуповина, чуть не удушила еще до рождения.

— Это не ваше дело, возле чьей я юбки! Это моя мать!

— Вот-вот… Мать у тебя как собственность. Потому-то она и боялась сказать. Ты подумай, сколько матери в одиночку горе мыкать?

— Она инженер, у нее высшее образование! — у меня не оказалось более веского аргумента.

— Вот и хорошо. Найдется ей работа в кооперативе. Сейчас-то она работает уборщицей…

— Санитаркой, — уточнил я. — Это временно. Пока папа в больнице.

— Не будь эгоистом, Кирилл. Ты скоро вырастешь, а мать одна.

— А вам-то что: одна она или нет?

— Кирилл, взрослые люди имеют право на личную жизнь. Она тебя уже вырастила…

— А теперь будет выращивать ваших баранов? Навоз за ними убирать?

— Знаешь, Кирилл, не надо так… Подсобное хозяйство, оно людям помогает выжить. А животные ухода требуют. Все же любят мясо, молоко? А как это достается? Через труд!

— Так возьмите себе домработницу или гастарбайтеров наймите. Вы же теперь великий начальник!

— Кирилл, не груби… Председателем меня народ выбрал, я не сам себя назначил. А с матерью твоей мы сами разберемся, кто и что по хозяйству будет делать.

— Как вы все быстро замутили! Ну, это еще неизвестно, что мама скажет!

— Я позвонил, потому что она не решилась бы на это никогда. И что ей там делать, в вашей Перми? Вы оба, ты и твой отец, будете ее эксплуатировать до конца жизни.

— Это вы эксплуататор! То баранов своих эксплуатировали, теперь будете колхозников и мою маму!..

Я отключил зоотехника. Пошел он… Ни фига себе! Они за моей спиной пожениться решили! Это — как предательство. Я взбесился, хотелось плакать. Но пацану плакать — это позорно! Я напряг волю, сдержался.

Появилась мама. Она была в светло-зеленом платье. Из своей юности. На фоне свежескошенной травы мама была просто красивой. Но это меня не сдержало, и я выпалил:

— Мам, как же ты так? Этот зоотехник…

— Он все-таки позвонил тебе… Ну ладно, сын, слушай. Вот как раз и отец подходит.

Батя, высвободившись из коляски-каракатицы, самостоятельно поднялся на костыли и довольно уверенно направился к нам.

— Ну, вот все и собрались, — решительно сказала мама. — Так, мужики…

— Привет! Ты сегодня такая красивая! — сказал с улыбкой отец.

— Спасибо… Жаль, что ты этого мне не говорил в свое время…

— Надеюсь, еще исправлюсь. Какие наши годы!

— Так, ребята, — сдерживая волнение, начала мать: — Я возвращаюсь в Лесостепной.

— Как? — только и смог сказать отец.

— Поездом… Мы же договорились, пока ты на ноги не встанешь, я буду здесь… Но ты уже на ногах, слава богу.

Отец понуро повис на костылях — это называлось «встать на ноги». Мне было жалко батю и обидно за нас двоих.

— Мам, а я как?

— Сынок, думаю, тебе надо побыть с отцом. Впереди каникулы. Квартиру я оплатила, денег немного оставлю и буду высылать.

— Ну да, ты теперь будешь богатой председательшей! — Во мне говорила обида, а не разум.

— Сын, а ты жестокий, — тихо произнесла мать. — Я этого не заслужила.

— Мам, извини… Конечно, устраивай свою жизнь. Тебе и с деньгами будет легче. — Я не к месту вспомнил лужу безденежья в стиле фэнтези. Она с детства мне отравляла жизнь, и маме тоже.

— Кирилл, давай по-взрослому… Мать, конечно, имеет право, — сказал осипшим голосом отец и тут же спросил: — Когда ты уезжаешь?

— Послезавтра… Билет я уже купила.

— Ты все-таки выходишь замуж за этого… председателя, — с тоской, но без укора произнес отец.

— Посмотрим… а ты, Константин, не спейся. Потому сына с тобой оставляю. Выздоровеешь, возвращайся к своей Жанне.

— Мы с папкой будем без нее жить, — резко сказал я.

— Если сын будет мешать, отправишь его в Лесостепной, — не глядя на меня, произнесла спокойно мама. — К 1 сентября пусть обязательно вернется.

— Ты же сказала, что я здесь буду учиться. В военный институт готовиться.

— Видишь, Кирилл, обстоятельства меняются… А готовиться в институт везде можно, хоть в Перми, хоть в Лесостепном.

— Я, кажется, всем вам мешаю… — Мне пришлось подавить желание разрыдаться от обиды. Но нет, пацану позорно плакать!

— Кирилка, если б ты знал, как мне больно, сынок… Но это лучше и для тебя, и для отца, — мама сама расплакалась.

— Ладно, не будем разводить сырость. Значит, так надо! — стараясь быть бодрым, сказал отец.

Стоп-кран и… продолжение маминой «дурацкой» песни

Вот и все!.. Через день мы провожали маму с вокзала Пермь-II. Нас туда отвез на новенькой кредитной «гранте» Владимир Сергеевич. Мы с отцом пока остались пожить в его комнате, может, до сентября. А там у бати решится вопрос с его дачным домиком возле деревни Мошни.

Мама беспрестанно плакала, прижавшись ко мне. Потом, когда проводница попросила поспешить занять места, мать с отцом порывисто обнялись. Батины костыли предательски упали. Я их подобрал и не смотрел на родителей, потому что у меня текли позорные слезы. Меня подбодрил Владимир Сергеевич:

— Ничего, Кир, когда-то надо пуповину обрезать, — он как бы повторил слова зоотехника.

Я снова вспомнил про роль пуповины в моей жизни и ощутил себя полным заморышем. Почему-то подумал о неродившемся брате. Конечно, если бы он родился, мы бы все вместе жили и мама с отцом бы не расходились. Может, не надо было ездить маме на бухгалтерские курсы? В аварию бы не попала, брата мне сохранила. Или судьба такая?

Владимир Сергеевич поднял в тамбур пару маминых сумок.

Мать последней из пассажиров вошла в вагон.

— Быстрее, девушка, быстрее. Сейчас отправляемся, — нервничала проводница.

Под «Прощание славянки» поезд тронулся. Мы с папкой сиротливо стояли посреди перрона.

— Ну, земляки, поехали домой, — сказал Владимир Сергеевич.

И тут только что тронувшийся поезд заскрежетал тормозами, содрогнулся всем длинным туловищем, остановился.

— Ого! Кто-то сорвал стоп-кран, — пояснил Владимир Сергеевич.

Дверь в одном из вагонов распахнулась, из нее буквально выпрыгнула… мама. За ней вывалились две сумки. Проводница размашисто жестикулировала и явно ругалась.

Я бросился к маме, отец, насколько позволяли костыли, — тоже. Даже Владимир Сергеевич побежал.

Мама беспомощно плюхнулась на сумки и зарыдала.

Появились полицейские, в одном из которых я узнал вежливого сержанта из тех, кто встретил нас, когда мы приехали в Пермь.

Закончилось тем, что маму пригласили в привокзальное отделение транспортной полиции. Там объяснили:

— Стоп-кран в вагоне применяется только в связи с безотлагательной необходимостью. Вам понятно? Это предотвращение крушения, аварии, схода с рельсов подвижного состава, человеческих жертв.

— Вот я и предотвратила крушение… И человеческих жертв нет.

— Девушка, оставьте эту лирику для кого-то другого, — с укоризной сказал полицейский. — Статья одиннадцать точка семнадцать Кодекса РФ об административных правонарушениях. Самовольная без надобности остановка поезда влечет наложение административного штрафа.

— Согласна, — устало произнесла мама.

— Ну, земляки, вы даете, — то ли с восхищением, то ли с осуждением сказал Владимир Сергеевич. Потом добавил: — Как в бразильском сериале.

Я не знаю, что такое бразильский сериал, но догадался, что это — не очень… Потому что родители молчали, но тут Владимир Сергеевич разрядил обстановку:

— Теперь будет время свозить вас в Белогорский монастырь. Храм классный!..

— И на Гайву, в военный институт, — добавил я радостно. — Может, и в Соликамск к Денискиному дедушке съездим, ну, который елочки посадил у Троицкой церкви из Белогорского монастыря.

— Конечно, земляк же! — решительно сказал отец. — Я чуть оклемаюсь, у меня в гаражах старая «Ока», отремонтируем. Сами будем ездить.

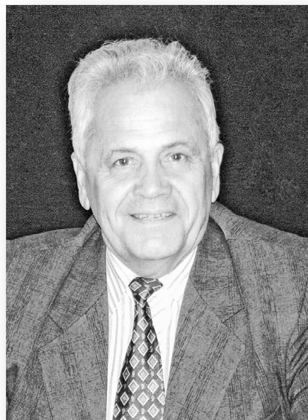
А мама вдруг взяла и запела свою странную песню, из которой мне был знаком только первый куплет:

Ты, река ли моя, чиста реченька,
Серебром ключевым ты питаешься.
От истоков струишься отеческих,
Меж камней-валунов извиваешься.
Ты ручьями-притоками полнишься,
Вдаль уносишь свои воды быстрые,
Лес суровый к тебе низко клонится,
Крутизна берегов — вместо пристани.
На просторы степей вырываешься
— полновластная, полноводная.
В нежных водах заря умывается,
Заливает поля плодородные…

— А дальше не помню, — призналась мама. — Но продолжение есть…

Моздок—Пермь

Владимир ЛИПСКИЙ

Чем может стать один день…

* * *

Думаю о философском камне,
бессмертии и вечных истинах.
Наверное, никто и никогда
не разгадает тайны тайн.
А может, и хорошо, что они так и не разгаданы.
Ибо кто знает, пороку или добродетели
достались бы эти знания.
В поисках философского камня
люди открыли фосфор, нашатырь, фарфор…
В желании бессмертия
люди стремятся к вере и Божьим заповедям.
Познавая вечные истины,
люди выделяют из своей среды
талантливых, героических, гениальных,
прославляющих мир
и вдохновляющих людей
на новые поиски,
на неистовство,
на самосовершенствование.
Почему подумалось сегодня об этом?
Потому, может, что день
проходит под знаком
святого Захария, Захара —
памяти Господней.
Еще раз убеждаюсь —
ничто в нашем мире
не бывает случайным.

* * *

Буква «О» — самая древняя.
Ей пользовались в стране Финикии,
на побережье Средиземного моря.
И было это за 1300 лет до нашей эры.
Финикию завоевывали персы,
Александр Македонский…
Теперь такой страны нет,

а буква «О» живет
в шестидесяти пяти алфавитах мира.
Она есть и у белорусов.
Воспользуемся нужной буквой.
О! Какое чистое небо сегодня,
не плаксивое, не угрожающее,
посылающее утешение, успокоение.
О! Как весело на каналах ТВ «Космос».
Шутят, поют, веселятся,
летают, плавают, влюбляются.
О! Какой молчаливый сегодня телефон,
каждый желает отдохнуть
от всех и от всего.
О! Какая заманчивая сегодня дорога
на кухню, к холодильнику.
О! Как успокаивает, очаровывает
коричнево-золотистый томик Пушкина.
О! Выходной, зимний день,
какой же ты желанный, шелковый, щедрый.
Приходи чаще, поокаем!

* * *

Грек Софокл в глубокой старости
создал трагедию «Эдип в Колоне».
Сократ в 94 года
написал «Хвалебную песню Атине».
Философ Платон в 80 лет,
до конца дней,
записывал свои мысли.
Гете дописал «Фауста»
накануне смерти.
Верди закончил оперу «Фальстаф»
к своему восьмидесятилетию.
Микеланджело писал картины
в 90 лет с тем же запалом,
что и в молодости…
Эфир разрывает
популярная песня прошлых лет:
«Надейся и жди —
вся жизнь впереди…»
С высоты своего возраста
вношу поправку:
надеяться можно, а ждать нельзя.
Если хочешь, чтобы что-то
желанное повстречалось впереди,
иди к нему, беги, ползи,
карабкайся, лезь, лети…
Не теряй времени,
не жалей себя —
и тогда это «что-то»
станет твоим!

* * *

Человека можно убить:
словом, пулей, бомбой,
топором, кулаком —
чем угодно.
Самая позорная смерть —
от забвения.
Она может наступить
еще при жизни.
И часто наступает еще раз,
сразу же после похорон.
Был человек, и словно не было —
забыли о нем.
Сын Божий Иисус
всем нам пример.
У Него — короткая жизнь,
но праведная во все дни,
неутомимая в служении людям,
бесстрашная перед злом
и самой смертью.
Прибили гвоздями к кресту,
умер в мучениях страшных.
Но все же воскрес,
обретя вечную жизнь...
Когда молимся Ему,
давайте же, люди,
думать и о своей жизни:
не коптимся ли мы
под высоким небом
царства Божьего?

* * *

Восход 8.40, закат 18.08.
Что можно сотворить за 9 часов 28 минут?
А что пожелаешь:
беду, пожар, глупость…
Что можно создать за день?
Да что угодно:
стих, чудо, настроение, условия, славу…
Что можно сделать за один вторник?
И не пересчитать:
встретиться и расстаться,
понять друг друга и поспорить,
упасть и взлететь,
поплакать и посмеяться,
потерять и найти…
Чем может стать один день:
хорошим воспоминанием,

незаживающей раной,
мгновением полета или вечностью,
позором или утешением,
наслаждением или бессонницей?..
Вон сколько ловушек у нового дня.
А если день пролетел молнией,
как скоростной поезд,
без остановок,
то, может, и это хорошо?
Значит, жил правильно и праведно,
в ладу с часовой стрелкой
и собственным сердцем.

* * *

Утром — туман, роса.
Днем — солнечная краса.
Вечером — небо в облаках белых.
А ночь какая —
мало кто знает.
Треть жизни — в неизвестности.
Редко — в снах,
жутких и приятных,
вещих и ни о чем.
Остальное время ночи —
как в гостях у смерти:
спим без задних ног,
без сновидений,
мертвым сном.
И все же признаем —
ночью мы отдыхаем,
наполняются батарейки силой,
наливается тело жизнью...
Я сплю под маминым портретом.
Каждую ночку
под ее милым взглядом,
под ее убаюкивание,
под ее неизменную просьбу:
«Спи, сынок, крепко,
не забывай просыпаться».
Мама золотая!
Я и сегодня не проспал
новый день бабьего лета.
Разом улыбнулись ты и солнце —
с этим подарком
вновь ощутил себя
молодым.

Перевод с белорусского Геннадия АВЛАСЕНКО.

Валерия ПОЗДЕЕВА

Он так хочет услышать шаги

Рассказ

— Ты можешь не кричать так громко! — доносится из соседней комнаты женский голос. — Я не хочу, чтобы он это слышал.

Спустя пару секунд громко хлопает дверь. Голоса по-прежнему слышны, но слов уже не разобрать. Это несильно меняет ситуацию. Маленький мальчик, сидящий в своей комнате, и так понимает, что происходит. Ему все ясно без слов. В последнее время родители ссорятся все чаще, а он, каждый раз убегая в свою комнату, боится, чтобы эта ссора не стала последней. Его страшит мысль, что кто-то из родителей уйдет, но больше всего он боится, что ему придется выбирать, с кем остаться. Он не хочет этого.

Мальчик встает и тихонько выходит из комнаты. Он хочет попросить родителей не ссориться, хочет, чтобы они знали, что их скандалы ранят его, но не знает, как и что должен сказать. Взрослые часто не слышат детей. Он знает это. Отец как всегда потреплет его за волосы, на лице появится вымученная улыбка. «Посиди у себя, солнышко», — устало отзовется мама.

Стоя у закрытой двери, мальчик думает об этом. Но его мысли быстро прерываются обрывками разговора. Отсюда все слышно, и он не может не слушать. К простому детскому любопытству примешивается желание быть причастным к тому, что происходит.

— Не поступай так с сыном. Как я скажу ему, что ты уходишь?

— Но я ведь не бросаю его. Просто нам с тобой нужно пожить некоторое время отдельно, — тут же отвечает мужчина. — Так будет лучше, — немного помолчав, добавляет он.

Но мальчик уже не слышит его. Слова, сказанные мамой, производят на него куда больший эффект. Его с детства учили, что настоящий мужчина не плачет. Но он ничего не может сделать, ком уже подступил к горлу, а на глаза наворачиваются слезы. Он чувствует предательство, ему больно.

Будучи эмоциональным, как и все дети его возраста, он не придумывает ничего лучше, чем сбежать из дома. Нет, он не хочет, чтобы его искали всей семьей, переживали за него. Просто он боится, что в любую секунду дверь откроется и кто-то из родителей позовет его в комнату. Он не хочет разговаривать. Ему кажется, что если он уйдет, то сможет оттянуть роковой момент. Он надеется, что что-нибудь все же сможет спасти их семью, хотя все уже кончено.

Мальчик торопливо проходит мимо игровой площадки, где играют его друзья. В любой другой день он бы с удовольствием остался с ними, а сейчас даже не смотрит в ту сторону. Он ускоряет шаг, опасаясь, что кто-то окликнет его. Он не хочет ни с кем разговаривать. Сегодня они не поймут его.

Дойдя до городского парка, он сворачивает на одну из аллей. По обе стороны поставлены скамейки, но все как одна заняты. Парк заполнен людьми. В такой теплый солнечный день никому не хочется сидеть дома. Дети веселой гурьбой бегают там и тут, а их родители, устроившись на скамейках, разговаривают друг с другом, приглядывая за детворой. Кто-то неспешно прогуливается по парку, кто-то читает, разместившись возле деревьев или на лужайке.

Удаляясь вглубь парка, мальчик замечает скамейку, на которой сидит молодой человек. Он держит на коленях альбом для рисования, в котором что-то неторопливо рисует. Подойдя ближе, мальчик садится на край скамейки, и взгляд его тут же устремляется на альбомный лист. Не составляет особого труда узнать на рисунке мужчину, читающего книгу на скамейке напротив. Мальчик настолько увлекается рисунком, что совсем не замечает, что рука художника больше не скользит по листу, он с интересом смотрит на ребенка, появившегося так неожиданно.

— Нравится? — наконец спрашивает молодой человек.

— Нет. Некрасиво, — отвернувшись, отвечает мальчик. На самом деле ему нравится рисунок, он сам не знает, зачем врет. Наверное, он просто хочет, чтобы не только ему было обидно.

— Не любишь рисовать? — продолжает любопытствовать незнакомец.

— Нет.

— А что любишь?

— Ничего.

— Так не бывает, — говорит художник, возвращаясь к работе.

— Бывает, — бурчит себе под нос мальчик. — Я ничего и никого не люблю.

— Каждому человеку нужно кого-то любить. Ведь ты же не хочешь провести всю жизнь в одиночестве? — Оторвав взгляд от рисунка, молодой человек смотрит на своего маленького собеседника, тот лишь хмурит брови, но ничего не отвечает. — Хочешь, я тебя нарисую? — открыв чистый лист, предлагает художник. — Вдруг второй рисунок понравится тебе больше?

Мальчик снова ничего не отвечает, и лишь кивок головой сообщает о его решении. Выбрав наиболее удобную позу, он замирает, наблюдая за тем, как на белом листе появляется карандашный набросок.

— Твой отец любит тебя. Все родители любят своих детей. По-другому не бывает, — уверяет молодой человек, протягивая готовый рисунок мальчику.

— Очень красиво, — хвалит тот, рассматривая свой портрет. — Можно, я заберу его?

— Если хочешь, я подарю тебе весь альбом, — улыбается художник. — Там есть еще несколько рисунков, и тот некрасивый тоже, — напоминает он, усмехнувшись. — Только ты должен пообещать мне, что пойдешь сейчас домой. Уже поздно, твои родители волнуются.

— Ладно, — соглашается мальчик, сжимая в руках альбом. Ему совсем не хочется возвращаться, но он понимает, что когда-нибудь это сделать придется. Встав со скамейки, он медленно направляется в сторону дома, на ходу рассматривая рисунки в альбоме.

Молодой человек еще некоторое время сидит в парке, а затем тоже уходит. Встреча с мальчиком заставляет его задуматься над тем, что произошло восемь лет назад. Разбираться в чужих проблемах всегда легче. Все мы мастера давать советы, которыми почему-то, в случае чего, сами не спешим пользоваться. Восемь лет назад он сильно поссорился с отцом, когда тот запретил

ему учиться рисованию. В семье с несколькими поколениями врачей не было места для творческой натуры. «Это нужная профессия. Врачи спасают жизни, а то, чем собираешься заняться ты, — баловство. Пройдут годы, и ты поймешь, сколько сделал в жизни, скольких людей спас… Художник! Да что ты оставишь после себя, став художником?» — восклицал в тот вечер отец. Его слова сильно обидели молодого человека, и он ушел из дома. С тех пор они не виделись. Не осмелившись пойти против семьи, он закончил медицинский, решив стать хирургом. Но не чувствовал в этом своего призвания, не ждал успеха. Старательно учился, зная, что от него будет зависеть чья-то жизнь. Сейчас затраченные им усилия начинают приносить плоды, но он не чувствует радости. Какая-то пустота разъедает его изнутри. Он перестал рисовать картины еще на первом курсе института. Сначала у него просто не было времени, а потом уже не решался вновь купить мольберт. Карандашные наброски в альбомах — единственное, что он оставил себе из прошлой жизни.

И вот сейчас, садясь в машину, молодой человек думает о том, что хочет поехать к отцу. Он не знает, что скажет ему, но понимает, что они должны поговорить, знает, что отец тоже скучает и жалеет о ссоре, но из-за своего характера не пойдет на примирение первым.

И вот он уже почти у дачного поселка, где летом живет его отец. На обочине стоит женщина, пытаясь поймать попутку, рядом с ней играет с мячом девочка лет пяти. Выскользнув из рук ребенка, мяч катится по дороге, и девочка не задумываясь тут же бежит за ним. Слишком поздно, чтобы остановить ребенка, и также поздно, чтобы начать тормозить. Машина резко сворачивает в сторону и на огромной скорости вылетает в кювет. Женщина кричит, испугавшись за ребенка. Она мигом подбегает к девочке и, взяв ее на руки, сходит с дороги. Ее руки трясутся, а мысли путаются. Она крепко прижимает к себе дочь, смотря вниз на перевернувшуюся машину. Кажется, проходит около минуты, прежде чем оцепенение спадает и женщина вызывает «скорую».

А молодой человек в машине еще в сознании. Он чувствует невыносимую боль, проносящуюся по всему телу. Полученные травмы очень сильны. Он знает, что не сможет приложить достаточно усилий, чтобы выбраться. Понимает, что это его последние минуты, но не жалеет о том, что сделал. Он поклялся спасать людей, ради этого когда-то предал свою мечту. Сейчас жалеет лишь о том, что пошел когда-то против себя. Говорят, жизнь нужно прожить так, чтобы в конце не пожалеть. А он жалел…

Солнце пробивается сквозь золотые кроны деревьев, стараясь подарить людям хоть чуточку тепла. Листва уже осыпалась с деревьев, и ветер разносит ее по всей территории. Парк в это время года кажется золотым. На одной из скамеек сидит, читая газету, старик. Иногда он отрывает взгляд от статей, чтобы посмотреть на прохожих, а затем снова возвращается к чтению. Дочитав страницу до конца, убирает газету, сложив ее пополам. Закрыв глаза, он подставляет лицо осеннему солнцу и просто сидит, вслушиваясь в музыку, доносящуюся откуда-то издалека.

— С вами все в порядке? — спрашивает кто-то. Открыв глаза, мужчина видит перед собой девушку, на лице которой отражается легкое беспокойство. — Если вам нужна помощь — скажите. Я врач, — говорит незнакомка, присаживаясь рядом.

— Нет, спасибо, — хриплым и слегка дрожащим голосом отвечает старик. — Я просто немного устал, все в порядке.

Но девушка не спешит уходить, она считает своим долгом убедиться, что в ее помощи не нуждаются. Они так и сидят, не произнося ни слова. Каждый думает о чем-то своем. Услышав от девушки, что она врач, старик сразу же вспоминает своего сына, который погиб много лет назад. Ему бы и в голову не пришло, что он сидит рядом с той самой девочкой. И девушка, конечно же, не догадывается, что рядом с ней отец того самого человека, который спас ей жизнь. Если бы она только знала... столько бы сказала ему. Ведь именно благодаря его сыну она стала врачом. Решила спасать людей, потому что когда-то спасли ее.

Вернувшись домой, мужчина по-прежнему думает о сыне. Он думает о нем каждый день. Жалеет о том, что они так и не поговорили, корит себя за то, что сломал ему жизнь. Зайдя в гостиную, подходит к картине, висящей на стене. Со стены на него смотрит лес. Там, далеко-далеко, начинается рассвет. Это последняя картина, которую нарисовал его сын. Сняв со стены, мужчина переворачивает ее и вновь читает давно заученные наизусть строки: «А после себя я оставлю мечту. Я передам ее тому, в ком увижу себя. Подарю ее тому, кто поверит в себя больше, чем когда-то я. Я скажу ему, что в мире тысячи людей, которые потеряли свою мечту. Я покажу ему, что они несчастны. Этому человеку я скажу: никогда не забывай себя, живи сегодняшним днем, потому что завтра для кого-то не наступит…»

К картине когда-то его сын прикрепил письмо, которое спустя столько лет все так же остается на своем месте. *«Когда-нибудь ты поймешь мои картины, увидишь не просто людей и пейзажи, увидишь, что сквозь обычные вещи на тебя из картин смотрю я. Я вложил в них душу, и когда-нибудь ты сможешь ее разглядеть. И я знаю, что, сколько бы скверных слов ни наговорил мне в порыве гнева, ты раскаиваешься и ждешь моего приезда. И даже сейчас, находясь на даче, каждое утро просыпаешься рано и, набрасывая на плечи плед, идешь встречать рассвет на террасу. Ты жалуешься старому псу на бессонницу, и он сидит у твоих ног, глядя тебе прямо в глаза, и иногда тычется мордой в ладонь, требуя внимания. Ты всматриваешься вдаль, где-то там брезжит рассвет, поют птицы, перелетая с ветки на ветку. Ты прислушиваешься, надеясь услышать мои шаги, совсем забыв, что еще слишком рано, чтобы ждать гостей. Когда-нибудь ты поймешь меня и позовешь, и тогда я обязательно приду».*

В тысячный раз прочитав письмо, старик смахивается слезу с морщинистой щеки и снова вешает картину на стену. Сейчас он бы все отдал за то, чтобы увидеть сына, но, увы, это невозможно. Он снова всматривается в картину и мысленно переносится туда. Слышит, как шумит лес, чувствует прохладный утренний ветерок. Он так хочет услышать шаги…

Изяслав КОТЛЯРОВ

Нигдея[*]

Отрывок из поэмы

Планета — земной океан,
едва ограниченный небом…
И знаю: есть множество стран,
в которых я все еще не был.
Но вижу мерцающий свет,
вобравший иную планету.
Я понял всемирный секрет:
есть страны, которых нам нету.
В Цыгании мысли мои
и нынче как будто векуют,
в ней жить лишь цыгане могли,
что больше уже не кочуют.
Вновь прошлому будущим рад…
Прости меня, солнечный Боже, —
я знаю, что есть Самарканд,
но есть Самаркандия тоже.
И Эсперантуйо — страна,
где все однолюбо речисты,
не каждому явно видна, —
живут в ней лишь эсперантисты.
На флаге зеленом у них
белеет квадрат со звездою.
Так мало им знаний моих, —
пришлось расставаться с мечтою.
Надеяться? Нет, не готов —
весь мир нам уже не квартира…
Простите и мне, Заменгоф, —
не буду я в гражданах мира.
Хоть явственно помнится мне,
что каждый себя лишь находит,
что в этой веселой стране
и солнышко-то не заходит.
Швейцарий не менее ста

[*] Полностью поэму читайте на сайте.

там в разных краях насчитали,
озерная в них красота
латышской, литовской печали.
Аркадия в Греции есть,
а в Азии — Беренгиада.
Лемурия где-то, Бог весть,
осталась на дне океана
Индийского… Жил среди них,
да-да, средь лемуров когда-то.
Но к дикости их не привык, —
они из отряда приматов.
Мир неба не знает сторон.
Я чувствую чью-то обиду,
ведь нет, не придумал Платон, —
я видел его Атлантиду.
Еще в Пацифиде бывал,
бывал я и в Полинезиде …
На счастье свое уповал
в Охотии и в Ниппониде.
Хоть нету богаче страны
в непознанном все-таки мире,
еще в соломоновы дни
не ради слепой похвальбы
везли мореплавы-рабы
и золото в храм, и сапфиры.
Сандалова дерева блеск
я видел прищуренным взглядом…
Шел в Северной Индии век
своей недоступностью правдам.
Пусть тайны Офир берегут, —
богатый не станет счастливей.
И нынче нам все еще лгут
о Баб-эль-Мандебском проливе.
Жил с готами в Скифии я,
ее называли там — Ойум,
а каждый родник для питья
шептал мне: «И душу омою…»
Ведь Ойум и значит «вода»,
неважно — Днепра иль Дуная…
Я жил непонятно когда
у самого, может быть, рая.

. . . .

СССР и на карте не сыщешь,
хоть реалий его и не счесть…
Миф такой, что его не опишешь, —
нету правды, хоть кажется, есть.

Бентамия какая-то, что ли?..
Столько славы победной и воли —
и такой клочковатый распад!..
Я из этой затравленной боли
шел вперед, — оказалось — назад.
Недостойною имени стала
и, еще не явившись, пропала…
Прячу свой эсэсэровский взгляд.
Быть на картах — и вовсе исчезнуть?!
Знал я страны, что канули в бездну,
ну а в этой — родился и жил.
И отец, и страдалица-мама
родились в ней… А принцип Бентама?
Пусть разумно живет эгоизм.
Жизнь — налево, направо и прямо,
а назад — это вовсе не жизнь.
Ожиданьем устал в ожиданьях,
что-то я заплутал и в плутаньях,
как другие — на Дарье-реке
иль в Анапе, где лучше, чем всюду,
и не только российскому люду,
если жить от себя вдалеке.
Там, где радости тоже из горя,
не Утопия Томаса Мора,
а Утония — мнимости явь.
Широту ее ложную знаю,
берег западный вдоль проезжаю,
Портосид над рекою Сидон.
И моя проплывала там шхуна.
Утонтаун столичный… Бургуна…
Нет границ, если нету сторон.
Все мы путаем: сколько и столько…
Оттого ли республику Тонга
посетил, а не только прочел?
И Берберию славного Рибо…
Никакого не знаю я «либо», —
выбор в том, что, учтя, не учел.
Побродил в Зазеркалье с Алисой,
начинающей, что ли, актрисой, —
Льюис Кэрролл знакомил меня.
Мы Страною Чудес восхищались
и таким парадоксам попались,
что живу в них до этого дня.
Землю Санников мне подарил
и Плутония вечность приблизил.
Никакие не надобны визы
там, где разум пространства мирил.

Бог подземного мира — Плутон
и планета — загадка Вселенной, —
стала истина сутью мгновенной,
снова нету границ и сторон.
Синегория есть, и Швамбрания,
и Миррелия все-таки есть, —
не сумею я их перечесть.
Вот звучаньем — родная Муравия,
вот загадкой — Тегуантепек…
Нету стран, для которых я не был,
взглядом плавал в синеющем небе,
был в *Грин*ландии солнечней всех.
Эрнотерра вдруг синей звездою
восходила в мечте надо мною.
Эрн Великий — великий святой —
прятал суть недоверчиво в Боге.
А еще недосказанный Борхес
жил страной, что не стала страной.
Но успел побывать я в Укбаре, —
видел солнце в погасшем пожаре…
Хорасан, а вблизи — Эрзерум.
Там узнал я о Млехнасе Тлене —
мире Третьем — Вселенском каноне,
над которым не властвует ум.
Он легко поддается внушеньям,
убеждающим сердцебиеньям.
Я умом испугался ума.
Дух всегда ли останется духом?
Но утопия — правда сама,
если дух воспаряет над нами,
если дышат судьбой, как словами,
иль словами уже, как судьбой.
Вот и мысли мерцаньем погасли.
Выбор: Борхес иль все-таки Хаксли?
Но остаться-то надо собой.
Мир Кортасара полон кошмара,
в нем вампирствует некая кара,
сам Дракула в нем явствует власть.
И она мне всей жизнью знакома…
Плыл и я на пиратском «Малькольме», —
непонятно — вперед или вспять.
В Нибеландию плыли мы, что ли?
Дух — из некой мифической боли.
Думал я о подземной стране.
Исчезая в безрадостных думах,
как-то помнил себя в нибелунгах
и в тумане, живущем во мгле.

Видел Зигфрида, видел Дракона.
Трюмно было иль предпохоронно?
А в богатстве-то нету богатств.
До чего ж это все-таки мудро —
предпочесть всем сокровищам утро
и любовь человеческих братств!
Нибеландия — чья-то Отчизна,
ну а мне лишь для вздоха причина, —
выжил я, но как будто не рад,
чтобы помнились даже из детства
непонятные мне королевства:
где-то Альмарен, где-то Ангбард,
Валинор… Побывал? Побывали?
Но пойму и теперь-то едва ли:
ими — я или мною — они?
Знаю: есть и у стран прототипы.
Ветра слышу и стоны, и хрипы…
Ах, какие потеряны дни!
Жизнь — помощница или помеха?
Вот она, география эха, —
и на картах *Грин*ландия все ж.
Есть Ацтлан, континент Пацифида,
даже — греческого Аида…
Но зато СССР — не найдешь.
Тридевятое царство реальней?
Нет вопроса, наверно, банальней.
Отчего ж эти слезы в глазах?
Вдруг мифической стал он страною,
хоть и был, и останется мною…
Вся земля — человеческий прах.
Жив лишь Дух, не имеющий праха,
а слова — да спасает бумага! —
доверяю бумаге слова.
Страны — словно созвездия мира.
Жизнь намного ль реальнее мифа,
если правда о мифе жива?
Перестану бояться и смерти
и умру, но и смерти не верьте —
я в тех странах, которых здесь нет,
хоть покажется, будто нигде я…
Есть страна под названьем — Нигдея,
есть еще и Божественный свет!

Георгий МАРЧУК

Время и место

Дневниковые записи разных лет

2012 г. Май. Начну новую страницу дневника с весны, которую по законам природы венчает бело-зелено-желтый май. В этом месяце жажда жизни особенно велика. «Вот странный закон жизни, когда нет денег — есть здоровье, когда есть деньги — уже нет здоровья», — изрекла как-то после приступа аритмии моя драгоценная супруга. Мы в семье ее понимаем. Первый день на заслуженной пенсии. Она у нас серьезная дама и ко всему относится основательно. Дай Бог ей насладиться пенсионной свободой, которую она еще не осознала, и вставая утром с постели, иногда молвит: «Ой, не опоздать бы на работу». Старостью наслаждаются здоровые. С годами понимаешь, что в молодости мы мало жалели друг друга, спохватываешься уже в зрелом возрасте. Она в нашей семье по мироощущению и миропониманию близка к Сенеке, я же ближе к Эпикуру. Иногда она мой душевный азарт, огонь, жажду импровизации гасит своим здоровым консерватизмом. Удивительно, я все еще никак не избавлюсь от воспоминаний детства, юности, а она, наоборот, почти не возвращается к прошлому, живет заботами, тревогами и радостями настоящего.

Вот и сегодня, 25 мая, я по обыкновению вспоминаю последний звонок в родной школе. Как давно это было — в 1965 году. Еще совсем недавно я почти убивался над трагедией быстротекущего времени: все, мол, — не ходить больше по коридорам «Мосфильма», не заглядывать в кабинет С. Бондарчука, не здороваться у павильона за руку как со старым знакомым с С. Никоненко, В. Никулиным. Густая печаль охватывает сердце. Обреченно понимаешь, что ты раб времени, а душа не согласна.

Сколько же хорошего, открытого, доброго было в людях, в искусстве…

Говорят, Л. Брежнев не подписал ни одного смертного приговора диссидентам и другим оппозиционерам и разрушителям государства. А наше поколение да и тех, кто постарше, «шавки капитализма» обзывают «совками» и «недочеловеками»… Попробуй заявить сейчас, как В. Шебаршин (генерал КГБ): «Я — русский националист и горжусь этим», — так тебя все частные каналы, да и государственные, с дерьмом смешают. По опросам всевозможных агентств, русских (считай, и белорусов, и украинцев) не любят в США, Польше, Франции. Чем не угодили? А вот тем и не угодили, что не хотят никому угождать. Хоть и отдали на откуп банки, сырье, недвижимость, а дух, душу не отдали. Не совладать с этим никому. Может, выстоим.

Где-то есть далекая река Тобол. Мой брат удил в ней рыбу. Мне уже там не побывать. Не реализовался я и как кинематографист. Не биться же головой о стену. Бог дал реализоваться в другом. Без опеки «небесной канцелярии»

добрые люди не останутся. Так и назову свою книгу сказок: «Доброе сердце». Как важно ценить радость каждого дня, хотя и понимаешь, что и он улетает в вечность. Как важно…

2000 г. Вечереет. Стою у окна. Чудный закат. Они, закаты, тоже всегда разные. В роли художника — солнце, а краски подбрасывают облака. Уже в который раз замечаю — при виде заката не хочется мечтать. Ну не хочется, и все тут. Основная национальная черта белоруса — меланхолия.

2001 г. Кто-то подсчитал, что в произведениях Л. Толстого 500 внутренних монологов героев! Не хватает. Не под силу одному человеку выразить многообразие мира, космос души человека. У нас, у славянской цивилизации, говорю о ней потому, что она мне родней и сам я плоть от ее плоти, тысяч пять очень ярких писателей… казалось бы, могли черпать сущность бытия и человека, а все продолжали писать… приходят новые поколения, а с ними и новые писатели. И это хорошо. Круговорот творчества. Было бы побольше внимания к творцам, побольше читателей и зрителей. Пока молодые хвастают не открытием того или иного писателя, а новым мотоциклом, автомобилем, сотовым телефоном. Почему-то все плачут, что нет денег. В Минске уже 600 тысяч машин. И постоянно надо заливать в бак топливо. И денег хватает. Может, не все так плохо в королевстве нашем?

2012 г. Пришло время, когда каждый прав по-своему. Выбирается одна сторона или один факт из истории и муссируется. Не придерешься, вроде все правда. Другой оппонент берет из этого же времени другую сторону и другой факт, и тоже вроде правда. Оболванивание народа начинается тогда, когда заострено внимание исключительно на крайних точках, оставляя в тени другую сторону медали. Почему? Потому как она может быть во вред власть предержащим и способна расшатать общественное мнение. Силен тот народ, который не стесняется своих неудач на историческом поприще, не ищет врагов и не мстит за грехи в прошлом. Людям 2012 года нельзя суровым судом судить поведение людей в 1912 году. Ничто не подвластно сравнению: ни время, ни государство, ни люди.

1999 г. Очередная годовщина рождения А. С. Пушкина. Жизнь литераторов похожа чем-то на жизнь семьи. Когда за спиной дедушка Пушкин, это как-то придает силы и внукам, и правнукам. На открытии памятника поэту в Москве кроме Ф. Достоевского выступал и драматург А. Островский, который сказал: «Он, Пушкин, научил нас быть русскими». В связи с упоминанием отрывка из выступления Ф. Достоевского «о всемирной отзывчивости», или «вселенской отзывчивости», уже не припомню, не мешало бы учителям в школах приводить в пример и слова А. Островского.

2012 г. К слову, о нашей отзывчивости. Вчера узнал от коллеги страшный факт из времен междоусобной войны в Югославии. «И был спор: сколько голов можно за ночь отрезать пленным сербам? Победил хорват, который лишил жизни тысячу». Не было этой информации ни по Евроньюс, ни по российским каналам. Мысленно представьте такую картину… Оторопь берет!

1999 г. А. Пушкин не дожил до первого поезда всего-то семь месяцев. Что-то странно непонятное. В его поэмах и стихах отсутствует металл.

2012 г. Пользуюсь интернетом изредка. Эта игрушка уже не для нашего поколения. Но иногда полезно. На сайте Московской Патриархии слова Патриарха Кирилла: «Отсутствие в сознании человека границ между добром и злом приводит в свою очередь к разрушению самого понятия культура». Церковные иерархи всегда в своих выступлениях (проповедях) убедительны и афористичны. Доказательства очень тонко объединяют веру, ее постулаты и вопросы нравственности в обществе. От огромного потока информации не избавиться. Вот почему важно воспитывать сызмала самостоятельность мышления: чтобы не оказаться в ловушке оболванивания.

2000 г. Вечер. Часто подхватываюсь: ой, летит время, летят года, и то не успел, и то не заметил, и это пропустил. Сам себе напоминаю шестидесятилетнего актера, который убивается, что не сыграл в свое время Ромео и уже никогда не сыграет. Так и я… Смотрю на свою библиотеку и немею… Тяжко ее осилить. Я ведь, к своему стыду, не читал роман Н. Чернышевского «Что делать?». Корейскую поэзию не читал… Да еще сколько всего. Жена успокаивает: «Роман читала. Помню слова Рахметова: “Читать надо так, чтобы одна прочитанная книга заменила десять непрочитанных”. Так что не грусти. Сам Чернышевский в литературе был разборчив».

2012. Семинар в славянском комитете на тему патриотизма. Патриотизм не поддается законам, его воспитывают. Процитировал слова В. Соловьева: «Истинный патриотизм заставляет желать своему народу не только наибольшего могущества, но главное — наибольшего достоинства, наибольшего приближения к народу, к подлинному безусловному благу». Хороша мысль и для русских, и для нас, белорусов. Впрочем, кто нынче читает В. Соловьева, И. Аксакова, Ф. Тютчева? А не помешало бы, ей-богу, не помешало бы.

2012 г. Иногда нет-нет да и услышишь: «Что с него взять? Исписался наш брат. Ничего значительного уже не создает. И до того он слабенько светился на фоне великих». Не стоит унывать. Лопе де Вега пережил Сервантеса. За четыре дня до смерти продолжил работу над очередной комедией. У каждого свой путь. Терял он любимых. Дочь похитили и обесчестили, сын погиб, жена умерла… Было еще несколько жен. Стал священником, но продолжил писать. Жажда творчества била ключом. Говорят, создал около 1500 пьес, испанцы владеют пятьюстами. Бросить ему вызов пока не под силу современникам. Но не стоит унывать: Грибоедов сочинил одну пьесу «Горе от ума» и тем заслужил память и уважение потомков.

1999 г. Ну скажите, как не любить Б. Шоу, который как всегда остроумно сказал: «Премия — это спасательный круг, который бросают утопающему, уже достигшему берега».

И все же творить надо с надеждой: не потянет ли будущий роман или пьеса на самую высокую премию в мировом масштабе. А кто измерит этот мировой? Премия Французской Академии, Нобелевка, Государственная России, Беларуси…

2012 г. Пришла очередная грустная новость из Давид-Городка. Пришла с опозданием. Оказывается, уже несколько лет как умер муж директрисы местного Дома культуры, которая меня первой приняла на работу на 30 рублей в месяц после неудачного штурма ВГИКа в 1965 году. Муж ее запомнился. Широкоплечий, с открытым скуластым лицом, рано полысевший. По суб-

ботам на танцах он подрабатывал в клубе радистом. Мы, старшеклассники, увлеченные ритмами рок-н-ролла, просили его всякий раз повторить «Цветущий май», «Серебряную гитару», «Эй, мамбо», «Мама йё керу». Он неохотно соглашался. Когда же мы, уставшие от буги-вуги, выходили на крыльцо, он крутил свою любимую пластинку: песню из кинофильма «Высота». Несколько пар танцевали и под эту мелодию. Надо было видеть лицо мужчины: оно светилось радостью и вдохновением. Впрочем, он сам никогда не танцевал. Таким образом как бы незаметно он прививал интерес к нашим песням. Всякий раз, когда я случайно услышу голос Рыбникова: «Не кочегары мы, не плотники…», с особой теплотой вспоминаю радиста нашего клуба. Улыбка, песня, небрежно накинутый на плечи пиджак — все, что осталось в памяти. Маловато. И все же достаточно сказать: хороший был человек.

2005 г. Жужжат изо всех углов про демократию. В основном о том, что ее не хватает. «Демократия — это преобладание интересов группы над интересами общества». Жан Жак Руссо. А Л. Толстой восхищался его творчеством и умом. Не мешало бы взять на вооружение нашим политикам слова известного француза: «Единственное средство удержать государство в состоянии независимости от кого-либо — это сельское хозяйство. Торговля создает богатство, но сельское хозяйство обеспечивает свободу».

Во всем есть доля правды. Да, ныне в почете технологии, наука, инновации, роботы и прочее, но кушать хочется всегда, не правда ли? Не игнорируй труд крестьянина. Бросай зерно в землю, и ты всегда будешь прав.

1985 г. Один критик, по-моему, в Москве на семинаре, говоря об американском кино, удачно подметил. «Люди труда американцам не интересны, интересны люди отдыха».

2012 г. Ровно 200 лет назад братья Гримм издали первую книгу сказок. И вот 2012 год, выходят в частном издательстве И. Зайцева мои 50 сказок. Приятно, черт возьми! Почему — черт возьми? Надо бы: «Спасибо Господу!»

2012 г. На вопрос, что дороже денег, отвечай: «Мир, здоровье, свобода», — и не ошибешься. Язвительный оппонент может вставить свое слово: «Но все это — мир, здоровье и свободу — можно купить за деньги». Бог знает, что ему ответить…

2000 г. На родине. Я долго искал смысл названия Мерлинские хутора — это в тридцати километрах от Давид-Городка. Когда-то, в 1961 году, на их месте был создан военный полигон. Испытывали ракеты. Все хутора отселили в соседние с Давид-Городком деревни: Хорск, Туры, Ольпень. Ходила молва, что от испытания этих ракет идет большая радиация. И все в округе Давид-Городка обречены на скорые болезни. Так вот — Мерлин — это волшебник в кельтских мифах. Может, здесь и таится разгадка?..

Волшебные хутора: болота, густой лес, речка, озерцо, да волки, зайцы, медведи, косули, олени, дикие кабаны, сотни видов птиц и пахучих трав. Чем не сказка, не волшебство за каждым деревом?

После ликвидации полигона появилась возможность у жителей этой зоны собирать богатые урожаи грибов и ягод. Потянулись к богатым угодьям и жители приграничных деревень с Украины. Наши ездят неохотно… Какой-то страх висит черной тучей над Давид-Городком после аварии на Чернобыльской АЭС.

2012 г. К вопросу соотношения некоторых идей из истории с нашими временами. Гений на то и гений: его мысли почти не устаревают. Хоть сейчас бери цитату из произведений Ф. Достоевского и получишь подтверждение ее правдивости в ситуации сегодняшней России. «Русский либерализм не есть нападение на существующие порядки, а есть нападение на самую сущность наших вещей, на саму Россию. Каждый негативный и неудачный факт возбуждает в нем смех и чуть ли не восторг. Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, все… Вот и нынче угнетают сознание молодежи цинизмом по отношению к своим корням и отучают их гордиться родиной».

Эта теория в ходу и у нынешних либералов с Запада, из США. «Ястребам» русофобии Райз и Маккейну плохо, когда России хорошо. Борьба идет за юные души… Им нынче хочется иметь все и сразу, по возможности без труда, на этом и спекулируют недруги наши.

2012 г. Бородино 200 лет. Мало в нашей прессе об этой победе. Ведь Наполеон, почитай, половину Европы вел на нас. О мародерстве в белорусских деревнях — ни слова. Милорадович — герой 1812 года, тот самый, которого убили декабристы на Сенной площади 15 декабря 1825 года. И за что его убил декабрист?

В 1975 г. я получил денежную премию за одноактную пьесу (она скромно кормит мою семью). «Я пишу для себя, нечасто для денег», — это слова А. Пушкина. Писать только за деньги не получится. Надо вкладывать, как и в любое дело, душу, ум, идеи, восторг перед тайной жизни и сострадание к человеку, который никак не хочет понять, что мир, любовь и доброта — это счастье и долголетие.

2012 г. Еще несколько фактов из времен А. Пушкина. Попало на глаза высказывание царя Николая I. Это при нем родилась профессиональная русская литература (да и белорусская тоже — мы ведь были в одной империи), при нем и железная дорога связала Москву и Петербург. Так вот его высказывание: «Я смотрю на человеческую жизнь как на службу, ибо каждый служит».

В 2011 г. вышел отдельной книгой мой дневник. Один полукритик, полуписатель, полуэстет иронично при встрече обронил: «Что-то свежее в ней (книге) есть, но уж больно пестрит именами писателей, артистов, философов. Ты бы своего побольше-то…» Делаю это умышленно. Во-первых, подкрепляю и свои размышления мыслями известных духоборцев, а во-вторых, польза читателям. Чтобы не искали в толстых томах мудрые мысли все тех же писателей и философов. Я перелопатил сотни книг, не пропадать же выдержкам из них. Например, у Н. Бердяева я отыскал это: «Революции есть в значительной степени расплата за грехи прошлого, есть знак того, что не было творческих духовных сил для реформирования общества».

Опять это заколдованное слово *реформа*. Мы уже его боимся. Время, ресурсы, деньги подскажут, что, когда и сколько надо деликатно поправлять (реформировать).

Стареет человек, стареет поколение людей, изнашиваются и системы. Церковь консервативна, труд крестьян консервативен, построение семьи консервативно — и ничего, не разрушает консерватизм человека и землю. Значит, и в нем зерно жизнестойкости.

1968 г. Ленинград. Из года в год экскурсовод рассказывает одну и ту же правду о последних днях А. Пушкина. Мы, гости из Беларуси, в музее на Мойке. «Пушкин ранен в правую часть живота…», и дальше тихим голосом о последних часах жизни русского гения. Тишина. Словно потеря была вчера. Кто-то украдкой, а кто-то, не стесняясь, открыто плачет. 1887 год. Весь тираж книги А. Пушкина издатель Суворин продал за один час. Первый памятник поэту, оказывается, поставила в своем имении княгиня Волконская.

2000 г. Не устаю фиксировать точные и мудрые мысли писателей разных времен и стран. «Литература должна служить общественному благу», — это слова А. Чехова. Вот тебе и певец упадка и сумерек.

2013 г. Не секрет, что у каждого человека есть свой любимый город. Скажем, как не любить город, в котором родился или учился пять лет в институте? Говорят, есть города, которые могут заставить влюбиться в себя за одно только название. Слышу часто, как в один голос те, кто после социализма вырвался на день-три в Америку или Европу, твердят: «Ах, этот Нью-Йорк! Ах, этот Париж!» Я не верю, что можно любить виртуально. Камень, фонтан, башня в 300 метров, метро, храм — это ведь удивление на минуту. И это не твое. Твое там, где родные, знакомые, где было вольготно и хорошо душе. Для меня это Давид-Городок, моя родина, почти глухое местечко, без архитектуры, асфальтированных улиц, но райский сад цветов. Город Петра привил любовь к театру. В нем я впервые снялся в массовке в фильме «Удар, еще удар!». Москва — годы учебы, Киев — время съемок фильма, Мозырь — первая в жизни премьера комедии «Лютики-цветочки», Лунинец — там впервые увидел поезд, Гродно, Вильнюс — съемки фильма, исторические места. Любовь к городу идет не от восхищения архитектурой и вкусной едой, а от тепла людского, любви, которую подарил, скажем, мне Минск. Царь красоты, царь природы человек. Эх, кабы не зависть, зло, насилие…

2007 г. Не шумят по поводу годовщины Октябрьской революции в России. А если и припомнят оппозиционер и либерал — обязательно в негативе. Все у нас, славян, плохо. Никто и не вспоминает, что первые революции ткачей в Лионе (Франция) в 1831—1834 гг. против перекупщиков-торгашей и властей были жестоко подавлены. Революции в школах надо изучать в контексте всех мировых революций.

2013 г. Февраль. Презентация моей книги «Доброе сердце» в Доме дружбы. Никто из Мингорисполкома и Министерства информации не пришел. А были приглашены. А господа говорят, что наш СПБ обласкан властью. Пришла моя одноклассница и однофамилица Люда Марчук и своим приходом затмила всех не пришедших горисполкомовцев. Мы не виделись с ней около 45 лет. Одно время она жила в Бресте. Поздравлений было много. Ведь по ходу отпраздновали и мои 66 годков. Народный артист А. Помазан подбодрил: «Мне семьдесят… И у меня уже был звонок — инфаркт, потеря сознания. Вырубился, понимаешь. И показалось мне, что-то там есть». Грустный юмор нашего белорусского комика.

2010 г. Иногда хочется угодить и самому себе. Особенно нашему брату творческому человеку. Похвалы не хватает за тексты, роли, песни, картины. Хочется сравнивать, как бы уравнять себя с творчеством классиков. И я, мол,

повторяю судьбу Чехова, Горького, Лондона. Потом узнаешь, что Лондон в 41 год покончил с собой… И как-то не хочется уже параллелей… Твоя жизнь — это только твоя жизнь. Похожие ситуации еще не есть копирование чужой жизни. Все другое: деревья и цветы, люди, политика и даже, может, небо. Взгляд на небо зависит от настроения, от наполнения души, от мудрости.

2009 г. Уходит зима, прощается последним густым снегом. Чтобы помнили. Из детского садика — под окнами моей квартиры, — молодой отец ведет домой очкарика лет четырех-пяти. И я случайно услышал их разговор.

— И что нам делать? Вывалялся в снегу с ног до головы, — говорит отец малышу. — Что мама на это скажет?

— А что мама скажет? — переспросил очкарик.

— А по голове надает и тебе, и мне. А ты что?

— А я ее тоже набью по голове, а чего молчать, — бойко парировал мальчуган.

Отец же на слова сына ничего не ответил, только улыбнулся.

Вот какая нынче растет молодежь.

2013 г. Первый день весны. Не был в Риме, но, кажется, знаю все его улицы и площади. Это все от любви к итальянскому кинематографу 50—80 годов XX столетия.

Узнаю из новостей, что умер композитор Травиолли, автор гимна Рима и музыки к сотням фильмов. Помню его мелодии из фильма-гротеска «Безобразные, грязные, злые». Гиганты Нино Рота, Армандо Травиолли, Эйнио Морриконе (дай Бог ему здоровья) — они ведь в моем времени и жизненном пространстве. Как не благодарить судьбу. Своей великолепной музыкой они облагораживали мое сердце, делали меня добрее. Радовали душу — а этого достаточно для искусства.

2000 г. Все меньше и меньше в нашей жизни реалий социализма. Одичание, одурманивание поглощает общество, но кто сопротивляется — остается верен себе, канонам религии, морали… Соблазнов много, одного соблазна мало — совести. Моему поколению двери были открыты. Кого куда тянуло, что было предопределено судьбой, страстью, мечтой — путь был открыт. Из нашего класса вышли врачи, учителя, педагоги, военные, строители, инженеры. И что удивительно и радостно — никто не попал в тюрьму. Приоритетом в воспитании были совестливость, порядочность, коллективизм. Пожалуй, единственное, чего не хватало, — собственной инициативы. Уповали все, как и диктовал строй, на главную и основную роль государства. Алчность и разделение на богатых и бедных не грозили. Так стоит ли проклинать это время спокойствия и умиротворенности? Кто-то ведь будет с умилением вспоминать свою юность и при капитализме. Человеку всегда необходимы работа, дом, семья, общение (не только с телевизором и компьютером). Власти всегда очень трудно угодить всем. Ее задача — создавать условия, приемлемые для жизни всех сословий и этносов.

2013 г. Кочуют сюжеты из страны в страну. Сюжетные ходы романа «Двенадцать стульев» почти все скопированы с новелл американца О'Генри. Шекспир брал старые сюжеты и наполнял их новым содержанием.

2013 г. Март. День Святого Патрика. В США (потомков Патрика там, говорят, 38 миллионов!) сами придумывают обычаи и приметы, свойствен-

ные этому празднику. Девушке в этот день надо обязательно поцеловать пожарника или полицейского. А что? Оригинально!..

2013 г. «Мы живем в мире, где многим народам не разрешено решать самим свою судьбу», — это слова президента Сербии Т. Николича. Можно с ним согласиться. А нам «поют» по ТВ о равенстве, какой-то всемирной демократии, гуманизме. Сначала доведут до голода, а потом лет сто будут помогать сухими пайками. Только не мешай грабить более зажиточных. Человек нет-нет да и умудрится жить за счет другого. Так и государства норовят поступать.

2000 г. В 1970—1980 годах при встрече с иностранцами (особенно американцами, англичанами, французами) слышал от них язвительные упреки: «Вот вы — отсталая страна, с неразвитой экономикой и торговлей. Ракеты и танки есть, а в магазинах нет бананов, апельсинов, мандаринов, винограда, кокосовых орехов…» Пришло время, и в магазинах всего в избытке, даже авокадо и китайские киви… И что, разве это избавило меня, да и других, от мыслей о Боге, космосе, смысле жизни, о тайне человека, о родине? Скажем, в Израиле нет сала, в Турции не пьют спиртного, но разве они не думают без этих удовольствий о вечности, о сути человеческого бытия?

2013 г. 145 лет со дня рождения М. Горького. О нем могу с восхищением говорить бесконечно. Ни одна наша газета не вспомнила в этот день о писателе. Он умел приводить факты биографии, пережитое в гармонию. Чехов: «Мы пошленькие, мелкие, плохонькие, но добрые…» Горький: «Восстань, не смирись с пошлостью и невежеством, не бойся зло называть злом…»

2013 г. Фильм Ларса фон Триера «Меланхолия». Уж так расхваливают по ТВ в закрытом просмотре. Ну, выше Тарковского и Антониони. А я с трудом осилил просмотр. Может, меня уже трудно удивить? Но человек, природа еще удивляют. У Айвазовского одни только краски моря, но какое разное оно.

2004 г. Марусе четыре года. Любознательность ее растет в геометрической прогрессии.

— Бабушка, а что в школе делают?

— Учат разным предметам.

— Каким?

— История, география, математика, литература.

— У-у…

— Еще химия, биология, рисование, физкультура…

— Ого! А выпустят когда?

2013 г. К вопросу стиля. «В старосветских помещиках» Н. Гоголь дает удивительную характеристику печали: «…жаркая печаль». Его надо читать очень вдумчиво. Очень тонкий лирик. Между рассказами М. Горького «По Руси» и моими новеллами «Хаос» сто лет разницы. Идеи перекликаются. Человек обедняет свое существование и счастье, если не понимает, что добром жить лучше всего.

1982 г. Люблю в истории редкие, удивительные факты, которые прошли мимо учебников по истории. Все знают Колумба. А вот вахтенного на корабле, который первым увидел землю, почти никто не знает. Его имя Пинго.

2012 г. Если у оппозиции нет задач государственной важности, она не вызовет интереса у народа. Наша оппозиция в силу своей малочисленности, мелочности и желания голословно поучать — ядовита не только в отношении России, но и к своим. Готова обвинить власть и государство в том, что человек стареет.

2013 г. Цветущий май. А когда он бывает не цветущим? Писателю надо всегда искать свои личные сравнения. Большой писатель замечает все: дорогу, погоду, фонари, возницу и глаза лощади.

Давно не перечитывал «Сахалинский дневник» А. Чехова. Наугад открываю страницу 224 из дневников 1896—1897 годов. Неожиданно наткнулся на рассуждения писателя. «Такие писатели, как Н. С. Лесков и С. В. Максимов, не могут иметь у нашей критики успеха, так как наши критики почти все — евреи, не знающие, чуждые русской коренной жизни, ее духа, ее форм, ее юмора, совершенно непонятного для них, и видящие в русском человеке ни больше ни меньше как скучного инородца. У петербургской публики, в большинстве руководимой этими критиками, никогда не имел успеха Островский, Гоголь не смешит ее». Так и в наши дни… Русские (белорусские) по национальности критики должны любить свое, популяризировать свое, не давать свое в обиду, и тогда народ быстрее полюбит творчество С. Бондарчука, В. Шукшина, В. Белова, В. Распутина. Это в России. У нас больше толерантности и уважения ко всем нациям.

2013 г. 90 лет гениальному русскому музыканту-балалаечнику Михаилу Рожкову. Скромно, но Россия чествует свою мировую гордость. У нас на телевидении за последние 15 лет я не помню вечер чествования своих талантов. Про художника, артиста, режиссера, писателя, дирижера, композитора — ничего значительного и серьезного. 30 секунд в «Панораме» среди новостей — и все. Кто руководит ТВ? Какая мы, к черту, самостоятельная нация?!

2000 г. На встрече со студентами-филологами. Один студент задает вопрос: «Охарактеризуйте в трех словах смысл драматургии Чехова». Ну, думаю, оплошаю. Повезло, что днем раньше смотрел по ТВ «Чайку», и привожу в пример слова Нины из пьесы: «Кругом пусто, пусто, пусто, страшно, страшно, страшно…» Вот и ищут герои выход их этих «пусто» и «страшно». Вроде согласился, не последовало комментариев. А может, и недалеко от истины.

2013 г. Лето. Сезон ягод. В метрах ста от входа в метро женщина лет сорока продает малину в пластмассовых стаканчиках. На ее слегка загорелом лице настороженность: а вдруг из толпы выскочит милиционер или налоговик — торговля запрещена в этом месте. Ее сын зазывает:

— Берите малину, дешево отдам.

— Сколько за стакан? — интересуюсь я.

Усталое лицо женщины украсила улыбка, во взгляде почтение и доброжелательность.

— Десять тысяч. Ой, надо на электричку успеть. С утра стоим. Берите, малина сладкая. На рынке пятнадцать тысяч за стакан, — быстро говорит она, как бы извиняясь, что цена у нее ниже рыночной.

— Возьмите, — с нотой просьбы говорит сын.

— Беру.

Она заворачивает стаканчик в пакетик.

Я бы заплатил им и пятнадцать тысяч. Почему она как бы извинялась? «Господи, — подумал, — дай им возможность реализовать всю малину. Они хорошие люди, мои белорусы. Пошли им, Господи, успешный день. Выехали, очевидно, ранехонько, а возвращаются домой поздно. Сколько там этих ягод? Тысяч на сто, сто пятьдесят… Это небольшие деньги. Помоги им, Господи».

2013 г. После очередного выступления в школе. Дети здесь воспитанные, любознательные. Понимаю, что это в присутствии учителей. Но все же интерес к нашему брату писателю еще есть. Сколько у меня за эти сорок лет было встреч! Если грубо прикинуть — приблизительно тысячи три. При социализме модно было задавать вопрос: «А какое у вас жизненное кредо?» Отвечал по-разному. Сейчас, с возрастом, повторял бы всем слова А. С. Пушкина, как кредо: «Я далеко не всем восторгаюсь, что вижу вокруг себя, но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории своих предков». Хорошо бы эти слова да на двери музеев.

1995 г. Всегда долго ищу фамилии героям своих комедий и драм. Да и героям романов подбираю «звучные». Жизнь подсказывает. У нас есть две деревни, и расположены, что удивительно, рядом, Вольно и Смирно. А уж про странные фамилии умолчу. Человек по фамилии Заяц поздравляет с днем рождения человека по фамилии Капуста. Все на земле удивительно.

1985 г. Тороплю, тороплю себя и подгоняю: «Начинай писать роман. Ведь сюжет складывается, а по ходу придут новые взаимосвязи». Человечеству известен самый юный романист мира — это француз В. Гюго. Начал писать в 16 лет. Этот рекорд не побит. Я начал «Крик на хуторе» в 23 года. В принципе важен, в конечном счете, результат. О возрасте писателя как-то и не вспоминают, если только не хотят унизить, как когда-то М. Шолохова. Но даже если это возрастное соревнование подстегивает писателя, тоже неплохо. С годами победу над нами празднуют лень и усталость. Покорять мир не надо, покорять женщину поздно, цели постепенно и плавно переходят в мечты, с неосуществлением которых покорно смиришься. В принципе, торопить себя можно сколько угодно, но всему свое время. Происходит какой-то невидимый толчок, ощущаешь сгусток энергии, которая толкает к письменному столу.

2013 г. Глубокий вечер. Дождь за окном и ветер. Два гения кино, Ф. Феллини и С. Бондарчук, крепко держат меня магией своих фильмов. Я погружаюсь в их думы и фантазии. «Счастье всегда говорить правду, если она не приносит неприятностей другим», — говорит герой фильма «8 ½» Гвидо. Фильм базируется на любовном треугольнике героя и его душевных метаниях между правдой, воспоминаниями, пониманием себя и поисками созвучий своим идеям. Где, казалось бы, острота конфликта, четко обозначенное зло, которое обостряет конфликт? Его нет. Конфликт в самом герое, который пытается уловить многообразие мгновений жизни, а она не дает ему сосредоточиться на одной идее или проблеме. Все взаимосвязано. Каждый и ученик, и учитель. Вот афоризм мастера, которым я воспользовался в своем фильме «Письмо Феллини»: «Нет ни начала, ни конца, есть только жажда жизни». Знаменательна и последняя фраза в «8 ½»: «Давайте же возьмемся за руки». Коль нет спасения от противоречий, старости, смерти — давайте хоть помогать друг

другу, любя друг друга, облегчим путь жизни состраданием и любовью друг к другу. По-моему, это не расходится и с целью церкви.

1969 г. В большой деревне Ольшаны свой говор. «Чортом кідаецца, што ні спросіш», «Нэ найдзэш, то голоў морочыць», «А то ж. Непотрэбіна. Неке гадке. Чоловек разчэдрыцца. Накупляў усяго». Надо будет для сочности языка и эти вмонтировать в комедию.

1972 г. Москва. Театр Сатиры. Я ассистент режиссера, привез сценарий А. Папанову. Снимаем сюжет для журнала «Фитиль». На доске объявлений читаю: «В 14.00 читка на труппе комедии А. Макаенка «Затюканный апостол». Рискнул. Позвонил в литчасть. Учтивый женский голос: «Мы не возражаем, чтобы вы присутствовали, но решает драматург», — и передает трубку А. Макаенку. Излагаю свою просьбу. Пауза. Наконец строго-деловое: «Ладно. Поднимайся».

Начал читать с заметным волнением. Очень наигрывал. Актеры, уставшие после репетиции, изредка улыбались, но в конце аплодировали. Что-то деликатно посоветовали актеры Менглет и Височковский. Главный режиссер подвел черту — буду ставить, это ново и оригинально для театра. Расцеловались. Было драматургу 52 года. Он сиял от счастья. Впервые пьесу белорусского драматурга берет Театр Сатиры. Капризный, самовлюбленный, вечно чем-то недовольный — в этот день его было не узнать.

2011 г. Жаркий июнь. С такими температурами немудрено, что в реках Беларуси заведутся кайманы.

Лень. Даже телевизор не хочется включать. А по программе в очередной раз «Свадьба в Малиновке». И что удивительно: о режиссере фильма, актере А. Тутышкине ни слова… ни на телевидении, ни в прессе. А это ведь его фильм «Шельменко-денщик» и «Белая акация» его. Любил оперетту. За что он впал в немилость?

Нынче на слуху и перед глазами идолы капитализма.

2011 г. 200 лет Белинскому. В школе в первой половине XX века мы, ученики старших классов, открыв рот перед эрудицией учителя, преклонялись перед ним как высшим достижением литературы. Но и теперь, шире познакомившись с его творчеством, не могу понять высказывание: «Да у нас нет литературы!» Господи, ведь были уже Державин, Пушкин, Гнедич, Лермонтов, Гоголь, Жуковский, крупно заявляли о себе Достоевский, Островский, Тургенев. Как понимать это «нет литературы»?

Нынче и наши доморощенные «критики» скулят — нет литературы, при социализме не было, мешал соцреализм, а при капитализме мешает капиталистический реализм. В основе высказываний — пиар или нелюбовь к носителям белорусского самосознания.

2013 г. Я все еще романтик. Продукт коллективного сознательного, в отличие от Юнга, коллективного бессознательного. Думаю, что в России еще есть у кого-то среди режиссеров интерес к белорусской драматургии. Но за 20 лет независимости мы уже отдалились. Разница не только в мечтательности, в страсти, характере, но и в рамках общественных отношений. Грубо скажу: «За плечами у русских Урал, Волга, Сибирские реки, океаны, моря… У нас и реки не столь могучие, и морей нет. У нас больше в литературе камерно-

сти, внимания к внутреннему миру человека. Мы, белорусские литераторы, отдалились не только от холодной, расчетливой и высокомерной Москвы, но и от своего народа. Умирает родной язык. Нас губит наша “абыякавасць” и отсутствие гордости».

2000 г. Бежит, бежит по моей родине капитализм. Из Европы богатенькие везут дешевую и безмолвную (не жди тут забастовок) рабочую силу. Скоро, не сомневаюсь, загребут под себя и «доллародобывающие» предприятия. Сильнее всех зависимость человека от денег показали Достоевский, Золя. Все проблемы XXI века так или иначе будут крутиться вокруг денег. Ведь недаром так интересна и современна для нас драматургия А. Островского. Выхода нет. Не будешь контролировать деньги — они будут контролировать тебя.

2005 г. Ненависть еще никому не приносила счастья. В Ирландии между протестантами и католиками неприязнь. Это началось в 1693 году, когда Оранский победил Якоба II. Из поколения в поколение передается неприязнь. Как-то я спросил армянина: «Сколько лет еще будете помнить геноцид в Турции?» Тот быстро ответил: «Миллиарды лет…»

2011 г. 3 июля. День Республики. И на этот раз власти не пригласили не только меня одного, но и остальных лауреатов Государственной премии на торжественный праздничный прием. Забывают нас, писателей.

2010 г. А вот сюжет для мини-мультика. Червяк поет: «Ты меня любишь, рисуешь, малюешь! О, это чудо — ты меня любишь!» Петух слушает, склонившись над червяком.

— Ладно, уговорил, — наконец говорит петух и клюет червяка.

Выползает второй червяк и поет ту же песню.

Второй сюжет. Волк воет под окном молодой волчицы, которой очень хочется спать. Он поет: «Подари мне лунный камень, лунный камень подари!» Волчице надоедает его пение, она хватает камень и бросает в волка. «Да подавись ты этим камнем, дай поспать, негодяй!»

Волк уходит с подбитым глазом.

2013 г. Новый год. Хочешь не хочешь, а какие-то итоги подводишь, благодаришь всех: Бога, природу, родителей за жизнь, за удивительные года детства, юность. В зрелые годы больше полагаешься на себя, а не на случай и надежды. Когда-то я уже говорил, что день складывается из встреч и расставаний. Но есть ведь встречи и расставания и с городами, местечками, в которых своя особенность и прелесть. Даже если там нет друзей, знакомых, они оставляют свой след в душе.

А так путешествуй куда душа желает. Моя дочь на автобусе с католиками одним махом от Минска до Лурда у Пиренеев за 12 дней посетила столько городов, сколько я за 12 лет. Мир открыт, был бы открыт кошелек с деньгами… У дочери свои впечатления, но я свои сорокалетней давности никому не отдам. Мне с ними в воспоминаниях хорошо. К сожалению, повторить мой тур невозможно. Не возвращайся туда, где был счастлив в молодости, — по-моему, китайская пословица.

2011 г. 12 июля. День Петра и Павла. Несчастливый день. Нарушение сердечного ритма у супруги. Три года держалась без «скорой помощи», да

вот... Тревога, страх, волнение. Ведь это сердце. Начало всех начал. Завтра поход к кардиологу.

1957 г. Давид-Городок. Наша хата по улице Закостельной, 22. Мой первый мужской поступок. 10 лет моя мать живет одна, без мужа. Ей родственники сватают то одного, то другого. По разным причинам мать отказывает. В гости к нам пришел мой дядя Иван с женой и ее братом Николаем. Николай только демобилизовался и в морской форме пришел к нам. Выпили дедовой самогонки. Ему часто приносили первачок деревенские заказчики. Морячок от эмоций и спиртного прилег на кушетку. А может, они меня специально разыграли? Я был на улице и как раз возвращался в хату.

— А это кто? — осмелился спросить я, увидев незнакомого моряка на своей кушетке.

— Это, — дядя Ваня улыбнулся, — твой новый папо. Согласен, коб у цабэ буў новы папо?

Секунды хватило мне на принятие решения. Я сорвался с места и пулей полетел к дяде Грише, который, как мне казалось, больше заботился обо мне. Дядя Гриша сразу отправился к нам на Закостельную.

— Шчо ву напужали хлопца? Ніхоча вон нового бацька.

Так закончилось еще одно «неудачное сватовство»-шутка. Я дотемна гулял на улице. Уже все ребята разошлись по домам. Вернулся и я. Мама обняла меня, прижала к груди, всплакнула: «Не бойся. Ніхто мне, кроме цебе, не трэба, сыночек. Кладзіся спаць». Ей оставалось жить один год.

2010 г. 23 июля. Позвонила из Давид-Городка двоюродная сестра Татьяна. Поздравила с днем Казанской иконы Божьей Матери. Это наш престольный праздник. Как всегда с гордостью доложила, что на праздник собралось аж 13 священников со всей округи. Воспрял и я духом. Уважают старый православный городок. Давно не был на этом празднике. Улетело время. Одноклассница Алла каждый год навещает родину. Не продает родительский дом. «Копейки за него возьму, а так — радость жизни. Подруги придут… чай, кофе, бокал вина… вроде с юностью и не простилась. Иду по улице и думаю: вот мама сейчас выйдет навстречу. И такое ощущение, что я ее не вижу, а она меня видит и встречает. И дочь всегда торопит: «Мама, когда уже в Городок поедем? Если поедешь, дешевле поездом до Барановичей…»

Позвонил из Ровно одноклассник Л. Сеген: «Не продаю хату. Давай встретимся, Жора. Это ведь сорок пять лет не виделись… аж страшно. Болит душа по ушедшему…»

Я думал, что один в силу воображения и особой эмоциональности тоскую по Городку, классу, Дому культуры, друзьям детства… Ан нет, ностальгия у всех…

2011 г. Август. Моего коллегу по работе в Союзе писателей отправили в Трускавец на воды. С неподдельной любовью к Украине я попросил его передать в тамошнюю библиотеку свою книгу «Сладкие слезы». Может, кто из моих далеких родственников Марчуков из Ровно, местечка Сарны (там осели двоюродные сестры моей мамы) прочтут весточку из Полесья. Ждал я возвращения своего товарища с нетерпением. Дождался.

— Ну как?

— Наивный ты, Жора. Давно там нет никакой библиотеки. Никто там книг не читает. Пьют горилку да крутят романы. Книгу передал соседу по палате.

— И на этом спасибо, — угрюмо ответил я.

2011 г. После разрушительных цунами в Японии. Встреча с японскими школьниками в Минске. Спрашиваю у руководителя общества: «Что помогает выживать, быть уверенными в себе, не паниковать, не мародерствовать?» Ответ: «Вера и порядок». А клеветники наши как раз и издеваются в СМИ и на ТВ над нашей «верой и порядком». О нас поддерживается одна молва: «пьянтосы, невежды». Кому-то это на руку, выгодно. Думай, думай кому…

1998 г. Писатели Запада любят щеголять новыми литературными формами. Я также далек от мысли, что все новации в литературе принадлежат русской литературе. Могут быть совпадения и заимствования. Прочитайте французскую сказку «Три охотника», а после нее «Нос» Гоголя. И вам многое станет понятно. Достаточно, на мой взгляд, хоть в социалистическом, магическом, капиталистическом реализме увидеть своих героев из гущи народной, а в народности всегда остается новизна и оригинальность. Таким путем пошел и Маркес.

2009 г. Август. Минск. Был в церкви, поставил свечу в память о маме (сегодня 8 августа, день ее ухода). Через два дня случайно наткнулся на одном из каналов ТВ на любимого Ф. Феллини. Показывали «Амаркорд» («Я вспоминаю»). Как и прошлые годы, плакал на сцене похорон Миранды (матери героя), плакал на финальной свадьбе Редиски. Помню, критики после просмотра его очередного шедевра неохотно задавали свой коронный вопрос: «Какова идея? Для чего снята?» Получается, что без идеи. Нет положительных, нет отрицательных героев. Но есть итальянцы, которые сами удивляются жизни и сами себе задают вечные вопросы: «А для чего все это? Для чего мы сами пришли в этот мир?» Как ненавязчиво и тонко у Феллини, объемно и глубоко с долей иронии и печали с музыкой Н. Роты. А как показал болезнь матери. Она с одного пальчика снимает кольцо и надевает на другой, на котором кольцо еще будет держаться. Фильм как бы обрывается, как и сами воспоминания: налетают с ветром и улетают. Пришел в августе Феллини, и мы вместе оплакали уход его матери и моей.

1972 г. Москва. Гостиница «Метрополь». Я в командировке. По сути, еще пацан. Снимаем сюжет для журнала «Фитиль». Ах, «Фитиль» — это как член Политбюро. Пропесочит — мало не покажется. Отдельный номер зарезервирован для «Фитиля». Иду по ковровой дорожке. Почему-то кажется, что низкий потолок давит. Номер небольшой, но уютный. А из окна вид-то, мать родная! Малый театр. Большой театр. Это «Метрополь». Мечта для иностранцев и сказка для простых советских граждан. Денег хватает и на ресторан. Сценарий утвердили. Сутки в «Метрополе». Завтра в Минск. Странно… Как сон. Где жил? В «Метрополе». Коллеги по работе рот от удивления открывали. Кино все подвластно. Не каждый из давид-городчуков в XX веке ночевал в «Метрополе». А может, и никто. Но и таланта от этого не прибавляется.

1995 г. Танец — это философия секса в жестах.

2011 г. 14 августа. Звонит мой друг-земляк, хирург с мировым именем Григорий Рычагов. Обычно перед 14 августа, днем цветов на нашей родине, мы планируем туда поездку. Он прочел две первые книги дневника «Сладкие слезы», и ему, скупому на похвалу, критически относящемуся к действитель-

ности, захотелось дать оценку прочитанному. «Сильная книга. Есть повод для работы ума и души». Все сошлось, на многое у нас совпадают точки зрения. Может, потому, что мы — люди одного поколения из одного города. Одно замечание: «Не записывай себя так активно в старики. Не подгоняй старость. В шестьдесят еще не старик. Немного пожилой. Давай махнем на Спас, на День цветов уже опоздали. Поговори с женой». Чувствую, что и его с годами тянет в родные места. Не иначе как живет собственными воспоминаниями. Уговариваю его сесть за книгу воспоминаний.

2008 г. Лето. Домой возвращаюсь около 17.30. Встречают не только жена, дочь и внучка, но и две семьи воробьев. Не хочется писать «штук тридцать». Живые существа, как их на штуки… Открываю окно. На специальный, отработанный сигнал — тихий свист, все спешат к окну. Одна птичка, самая смелая, готова влететь в окно. Показывают кормушку и птенчикам. Кормлю кусочками батона. Ржаной едят, когда очень голодны. Родители кормят из клюва в клюв желторотых. Всем хорошо — и мне, и воробьишкам.

2011 г. Прочел в журнале «Наш современник» стихи незнакомого Виктора Коврижных. Раз прочел, перечитал заново, еще раз. Добротное, хорошее, светлое притягивает. Взял карту необъятной России и давай искать пос. Старобачаты в Кемеровской области — там проживает Виктор. Вот ведь какой фокус, ребята, когда поэзия волнует душу. Так хочется найти эту маленькую точку на карте — место, где живет талантливый поэт.

1985 г. Молодечно. Небольшой городок в 80 километрах от столицы. Бюро пропаганды литературы организовало с читателями встречу, на которую приглашены мы с поэтом Федюковичем. Поэт выступает лениво, с похмелья, случайно приводит цитату из стихов другого поэта. «А вот еврейский поэт Леонид Борисович Пастернак об этом писал так, про свечу писал на столе». Его тотчас поправляет местный организатор от бюро, еврей по национальности:

— Извините, не Леонид Борисович, а Борис Леонидович Пастернак.

Федюкович задумался на секунду и выдал:

— Но он все равно остался евреем?

— В общем, да, — соглашается местный организатор.

В зале добродушный смех. Если умышленно не гадить, то разные национальности могут уживаться, дополняя атмосферу общества колоритными особенностями характера.

2000 г. Дети охотнее запоминают понравившихся героев сказки, нежели авторов этих сказок.

2011 г. Осень. Сто лет назад моему деду Дмитрию было 23 года, бабушке Анастасии — 19 лет, а их первенцу, дочери Елене — 2 годика. Их, скорее всего, сосватали. Эта традиция жива в Давид-Городке до сих пор. Бабушка с 12 лет должна была содержать хозяйство для своих четверых братьев. Их родители, мои прабабушка и прадедушка, рано умерли. Всего сто лет — и все ушли. И они, и их дети. Как мы не ценим быстротечность времени, не дарим близким тепло, любовь, добро, учтивость, внимание, заботу. Думаем: обойдутся. Спохватываемся, да поздно, их уже и нет.

2014 г. Май. Война на Украине. Старики-соседи за голову берутся: «Кто бы мог подумать, что доживем до дней, когда в Одессе люди будут гореть в здании, а другие люди постараются не подпустить пожарные машины, чтобы спасти горящих…»

Ведущий оговорился. МИД России просит покровителей Украины на Западе остановить братоубийственную войну. Ведущий вместо «покровителей» сказал «поработителей». В этой ситуации одно и то же.

1964 г. Сентябрь. В 1988 году моему деду-сапожнику будет сто лет. Дай ему Бог дожить. Сейчас ему 75 лет. Он родился на Дмитрия. В 1888 году в Пинске в сентябре наблюдался климатический рекорд — 20 градусов по Цельсию. Дед был осторожен, осмотрителен, как все полешуки, взрывной, за три секунды вспылит, но тут же уступит. Довольно сносно читал газеты, календари, иногда по воскресеньям читал Библию, но не приводил из нее примеры, даже житейские истории из своего детства не ставил мне в пример, полагался в воспитании на бабушку. Сапожник тоже профессия творческая. По окончании работы всегда радовался: «Не чоботы, а картинка…» — хвастал и гордился он перед заказчиками. Как всякого творческого человека, его тянуло к одиночеству. Удил рыбу не только ради пропитания в голодные 50—60 годы, а в удовольствие. Любовался рекой, небом, восходами, закатами. Меня с собой на рыбалку не брал. Удил на белый хлеб, горох. Не любил удить на червя. Соседям не показывал улов, не хвастался. Пойманную рыбу нес домой в мешочке. Не помню, чтобы он когда-нибудь усаживался за обеденный стол и долго просиживал за ним. Имел привычку есть после нас с бабушкой. Курил исключительно махорку, которую покупал у соседа Биржи, талантливого ремесленника, мастера на все руки. В закрутку шла газета «Правда», уже прочитанная. Половина нашей Оселицы выписывала «Правду». После прочтения, бывало, оспаривали те или иные статьи, дед не вступал в споры. Потом перешел на «Приму». На улице и на ходу никогда не курил, не курил и в чайной, где с друзьями-соседями выпивали по сто-сто пятьдесят граммов, часто без закуски. Надо было видеть, как он спешил из чайной на свою Закостельную улицу — это метров сто, чтобы закусить чем Бог послал в хате. Это был обычно субботний и праздничный ритуал.

Бабушка по примеру жен-соседок за эти сто граммов не била его кулаком по спине. После обеда — час-два спал. Я в это время «чистил» его карманы. Выгребал 20—40 копеек себе на кино. Он этого не замечал, а может, делал вид, что не замечает. О жизни говорил так: «Ай, адчапися. Лучшее уже не вернем, как и молодые годы, а худшее пока не страшно», — и хитро прищурив серые глаза, закручивал желтоватые на концах усы. «Страшна одна смерть. И бедны хоча жить, и богаты». Еще больше он загрустил, когда с разницей в один год неожиданно умерли два его друга, два родных брата моей бабушки Иван и Ефим. Не с кем было больше выйти «на шпацыр» и пройтись к чайной. Он угасал духовно от одиночества. Остальные мужики-соседи были младше его. Под кроватью стояла большая бутыль самогона. Этот груз по бартеру ему приносили заказчики из окрестных деревень. Случалось, забегал на пять минут сын Григорий, и они позволяли себе шахнуть по маленькой перед обедом. «Снимем пробу». Учили меня. Граммов десять наливали на стол и подносили спичку. Самогон горел ярким синим пламенем. «Крепкая будзэ, холера, мо пятьдесят градусов», — констатировал дед. Никогда я от него не слышал застольных песен. После трагической смерти моей мамы в хате вообще не пели, и не было радио. Перед операцией (ущемление грыжи) он

выпил сто граммов горелки, помянул своих друзей и через сутки в больнице ушел к ним навсегда. Так на нашей Оселице больше не осталось сапожников. Похоронили его рядом с могилами его закадычных друзей-соседей — сапожников Ивана и Ефима 24 сентября 1964 года.

2010 г. По радио концерт. Люблю мелодичные песни, хоть русские, американские, польские, лишь бы хотелось подпевать и повторять. Вот прозвучала еще одна. Не запомнилась, но врезались в память слова «проклятый дождь». Никогда бы я не дал такой жуткой характеристики чуду неба — дождю. Как сказала бы моя бабушка: «Бог не даруе».

1995 г. Надо бы использовать в комедии. «Он человек свободный, у него нет кредитов и детей». «Женщина любит ушами, а уши любят бриллианты». «Хочется эксклюзива». — «А что это такое?» — «Черт его знает, но говорят, модно».

2002 г. 180 лет со дня рождения Ивана Шишкина. Признаюсь, в минуты ностальгии, горькой печали об ушедших родных, близких, друзьях, коллегах мои душевные раны лечит, укрепляет оптимизм гения, великого русского художника Ивана Ивановича Шишкина.

2012 г. Минская международная книжная ярмарка. Четыре дня. Все поглотил эстрадный оркестр из Венесуэлы, которая была почетным гостем на выставке. Достаточно им было удивить латиноамериканскими ритмами на открытии и закрытии выставки — и «перечеркнуть» все книжные стеллажи.

2012 г. Что мы, интеллектуалы, знаем о современной литературе Саудовской Аравии? О гостиницах, песках, верблюдах, пляжах кое-что знаем, а о литературе? Сто процентов ответов — ничего не знаю. Ребята в журнале «Нёман» восполнили наше любопытство. И что же вытекает из прочитанного? Те же духовные запросы, что и у наших писателей. Жизнь, смерть, старость, поиск Бога в душе, патриотизм, трепетное отношение к людям, обделенным судьбой, и конечно, образность, афористичность. Гассек-Аль-Хунайзи. Вот его афоризм: «Смерть как раз и крадется по пальцам стареющих рук, когда те забывают объятия сжигающей страсти». Ахмед-Аль-Мулла: «Дерево, что в сумраке кричит, ранено смертельным одиночеством». Как прав Конфуций: «Люди по своей природе одинаковы, разные только обычаи. Поэзия — это предчувствие, проза — это переживание».

1981 г. Море от Давид-Городка очень далеко, но мечта о нем владеет молодыми людьми с большой силой. Два моих соседа (они младше меня на пять-десять лет) служили: один в Калининграде, другой аж во Владивостоке. Но есть и другая статистика. Затонул лайнер «Адмирал Нахимов». Среди погибших в катастрофе оказался и давид-городчук. Вот и не верь после этого поговорке: «От судьбы не уйти».

2012 г. Пасха. Удивительно, но наших девочек не называют именем Саломея. Не желают называть именем той, кто потребовал у Ирода голову Иоанна Крестителя.

Окончание следует.

Валентин СЕМЕНЯКА

Теперь моя молитва о тебе

Игра

Мы играем в игру,
                    словно малые дети,
Только в этой игре победителей нет —
Некий замкнутый круг,
                    бег с прыжками на месте,
И никак не отыщется нужный билет.
Вроде, все уже есть,
                    но всегда не хватает,
А чего и насколько — не сразу поймешь.
Давит мелкая лесть,
                    грубо душу лаская,
И заводит в тупик откровенная ложь.
Мы играем в любовь,
                    мы играем в удачу,
Ищем призрачный свет уходящей зари,
В мутном омуте снов
                    ловим новое счастье
И грустим, и опять не о том говорим.
Отзываясь порой
                    на ненужные споры,
Позволяем себе о высоком судить,
И за этой игрой
                    забываем о горе
И о том, что насущное надо ценить.
Мы играем всегда
                    так неловко порою,
По заученным текстам святое твердим,
И теряем года,
                    разменяв на простое
Все, что сложно постигнуть, слезу не пролив.
Нам, увы, не понять
                    что и как мы теряем.
Да и некогда эти моменты ловить!
Мы играем опять,
                    мы играем, играем,
А быть может, пора начинать просто жить?

* * *

Теперь моя молитва о тебе,
О том, чтоб ты всегда была здорова,
Чтоб не было проблем в твоей судьбе,
Чтоб не дрожала ты от злого слова.
Еще молюсь о том, чтоб красота
Твоя была с годами все прекрасней,
Чтоб не иссякли нежность, доброта,
И искренность звездой сияла ясной.
Чтоб то тепло, что людям отдаешь,
К тебе всегда сторицей возвращалось,
Чтоб никогда предательство и ложь
Тебя крылом обиды не касались.
Я — жалкий грешник, только вновь и вновь
Я не устану к Богу обращаться,
Чтоб Он сберег от бед твою любовь
И дал тебе спокойствие и счастье.

* * *

Помолимся за наших матерей!
За тех, кто жив и кто уже не с нами!
Помолимся, чтоб до последних дней
Не позабыть любовь и нежность мамы.
Помолимся за наших матерей!

Помолимся, чтоб Высший их берег
И сохранял во Царствии Небесном!
Чтоб, ожидая сыновей с дорог,
Они не стали плакать безутешно.
Помолимся, чтоб Высший их берег!

Помолимся о милости для них —
Для тех, кто за детей готов на плаху!
Кто, позабыв о немощах своих,
Кровинок бережет своих от краха.
Помолимся о милости для них!

Помолимся за наших матерей!
И будем благодарны им безмерно!
За тех, кто сделал этот мир добрей,
Помолимся! Помолимся усердно!
Помолимся за наших матерей!

Место рождения — Слово

Современная русскоязычная поэзия Беларуси — уникальное явление на литературной карте Европы. Продуцируя на почве белорусских и русских духовно-социальных и идейно-художественных традиций и ценностей, она является неотъемлемой частью одновременно белорусской и русской общественно-культурной среды. Это творчество русских по своему менталитету, воспитанию, национальному генетическому коду, характеру мироощущения и образного мышления, а также русскоязычных белорусских авторов. Развиваясь на острие активного белорусско-русского общественно-политического и социокультурного диалога и взаимодействия, оно воплотило в себе эволюцию и формирование разных, иногда даже противоположных, а то и взаимоисключающих идейно-мировоззренческих и художественно-изобразительных констант и линий. Отражая особенности белорусской социально-исторической действительности, выявляя черты внутреннего мира современника, гражданина Беларуси, современная русскоязычная поэзия Беларуси представляет собой сложный механизм сочетания и взаимодействия богатства и многообразия русских и белорусских национально-культурных парадигм, архетипов народного образного мышления и моделей новой литературной ситуации, особенностей постмодернистского сознания, разных творческих индивидуальностей, стилевых течений, жанрово-структурных форм и др.

В первую очередь, это творчество тех поэтов, которые родились и выросли в Беларуси. Из них, например, А. Аврутин, В. Поликанина, М. Гончаров, Ж. Миланович, Е. Михаленко, О. Норина, А. Скоринкин, А. Тявловский, Т. Жилинская, К. Михеев, Г. Бартош, А. Мартынчик живут и работают в Минске, В. Кудлачев, А. Никифорская, Л. Шевченко, Д. Радиончик, М. Титарчук, О. Агапонова — в Гродно, Н. Наместников, Е. Крикливец, М. Боборико — в Витебске, Г. Лопатин, А. Асенчик, О. Ананьев — в Гомеле, В. Гришковец, Ж. Завацкая — в Пинске, Н. Ковалевич — в Бресте, И. Валерина — в Бобруйске, И. Котляров — в Светлогорске, Т. Дашкевич — в деревне Валерьяново Минского района и т. д.

Значительное место в современной русскоязычной поэзии Беларуси принадлежит авторам, которые в результате определенных жизненных условий и обстоятельств переехали из разных республик бывшего СССР, главным образом, России, на постоянное место жительства в нашу республику. Это Н. Шипилов, С. Евсеева, Ю. Фатнев, Т. Краснова-Гусаченко, Г. Киселев, Ю. Сапожков, Т. Залесская, М. Наталич, А. Слащев, А. Чубаров, О. Сешко, Д. Юртаев. Для них Беларусь стала родной и близкой, второй родиной.

Некоторые русскоязычные поэты, наоборот, родившись в Беларуси, оставили ее, в связи с разными причинами перебрались в Россию, Израиль, Соединенные Штаты Америки, некоторые другие страны. Однако они не порывают связей со своей Родиной, участвуют в ее общественно-культурной жизни, печатаются в белорусских литературно-художественных изданиях, публикуют здесь свои книги, встречаются с читателями и т. д. К примеру, И. Бурсов, В. Артемов, П. Кошель, В. Липневич, Н. Трейя, М. Малиновская теперь живут и работают в Москве, Г. Трестман, Ф. Чечик, Ю. Драбкина переехали в Израиль, Н. Татур, А. Габриэль, Р. Лапушин — в США, а В. Казакевич — в Японию.

Среди десятков, несомненно, ярких и оригинальных художественных талантов обращает на себя внимание богатая жизненная и творческая судьба Григория Трестмана.

Григорий Трестман родился 29 июля 1947 года в Минске. Его отец Яков Гершонович в период Гражданской войны под началом Феликса Дзержинского служил разведчиком в Польше. В 1930-е годы после окончания рабфака работал главным энергетиком в Минской кварчасти. Во время Великой Отечественной войны являлся начальником штаба 106-го еврейского партизанского отряда.

После учебы в школе рабочей молодежи Г. Трестман закончил Белорусский политехнический институт, редакторский курс Московского полиграфического института (1974). Работал слесарем, контролером ОТК, ротаторщиком, а затем инженером на Минском опытно-механическом заводе, ведущим редактором издательства «Вышэйшая школа», в некоторых журнально-газетных изданиях. Печатался в ведущих союзных и республиканских газетах и журналах: «Дружба народов», «Советская культура», «Нёман», «Літаратура і мастацтва» и др.

В 1990 году Г. Трестман репатриировался в Израиль. Работал в журнале «Алеф», редактором журнала «Родник». Четверть века состоял в команде известного израильского государственно-политического деятеля Авигдора Либермана (был министром национальной инфраструктуры, министром транспорта, министром стратегического планирования, министром иностранных дел, теперь министр обороны Израиля), официально работал в пресс-группе, занимался мониторингом. За это время открыл в Минске представительство израильской ассоциации «Гешер Алия», организовал на Белорусском радио и ТВ израильские радио- и телепрограммы «Мост». Ассоциация «Гешер Алия» участвовала в открытии Израильского посольства в Беларуси.

В 1996 году А. Либерман как генеральный директор влиятельной политической партии «Ликуд» организовал успешную предвыборную кампанию кандидата от Национального лагеря Беньямина Нетаньяху на выборах премьер-министра Израиля. После победы Б. Нетаньяху он занял должность генерального директора министерства главы правительства. По линии специальных органов Израиля, которые были подведомственны министерству главы правительства, Г. Трестман выполнял длительные ответственные задания в Африке (Зимбабве, ЮАР, Заир, Ангола и др.), в Якутии, Киргизии, Молдове, других местах.

Несколько лет Г. Трестман находился под следствием за публикацию в ведущей русскоязычной газете «Вести» пародийной поэмы «Парадигма Либермана», будучи обвиненным в разжигании межнациональной розни. Это был первый случай в истории современного демократического Израиля, когда

поэта судили за стихи. Тогда в Израиле, США, некоторых других странах поднялась волна протеста, в адрес израильской Фемиды были направлены десятки возмущенных писем от литераторов, ученых, рядовых граждан с требованием прекратить судебный процесс. И Г. Трестмана оправдали...

Г. Трестман был редактором знаменитой книги Б. Нетаньяху «Место под солнцем» (1996), а также книги А. Либермана «Ничего, кроме правды» (2004).

Григорий Трестман — один из самых значительных современных русскоязычных поэтов Беларуси, один из крупнейших израильских и еврейских писателей, работающих на русском языке, член Союза писателей Израиля, Содружества русскоязычных писателей Израиля «Столица», Международной федерации русских писателей. Академик Калифорнийской академии наук, образования, технологии и искусств (Калифорния, США, ЮНЕСКО). Он активно печатается в самых известных и авторитетных периодических изданиях, альманахах и сборниках Израиля, США, Канады, СНГ.

Опубликовал книги поэзии, прозы, аналитической публицистики: «Перешедший реку» (1996), «Голем, или Проклятие Фауста» (2007), «Маленькая страна с огромной историей» (2008), «Большая история маленькой страны» (2011), «Свиток Эстер» (2013), «Израильский узел. История страны — история противостояния» (2014), «Земля оливковых стражей» (2014), «Иов» (2014), «...Где нет координат: стихотворения и поэмы» (2017) и др. Лауреат премии имени Ю. Штерна (2012), премии имени Ю. Нагибина (2014). Живет в Иерусалиме.

В русскоязычной поэзии Беларуси, пожалуй, во все времена доминирующими были лирико-повествовательное и романтическое стилевые течения, однако в творчестве Григория Трестмана преобладает философско-медитативная, аналитическая идейно-художественная парадигма. Лирический герой поэта обращен к анализу духовно-нравственного мира современника, который встревожен и озабочен острыми социоморальными проблемами и противоречиями действительности. Мы отчетливо видим: это колоритная, харизматичная, глубоко мыслящая и в то же время тонкой душевно-психологической организации, легкоранимая натура. Художественному слову Г. Трестмана свойственны подчеркнутая идейно-эстетическая выверенность, вескость содержания, убедительность звучания. На первый взгляд, сугубо частное, даже глубоко личное он умеет наполнить актуальным социально-философским смыслом, соотнести с размышлением над важными аспектами человеческой жизнедеятельности. Как правило, предметом творческого осмысления поэта выступают не столько отдельные события и факты, сколько их совокупность или знаковые трендовые явления и процессы. Значительное место в его лирике занимает так называемая экзистенциальная, аксиологическая тематика. Г. Трестман обращается в глубокое историческое

прошлое цивилизации, его интересует соотношение чувства патриотизма и общечеловеческих традиций и ценностей, долга и свободы выбора, любви и преданности, одиночества и коллективизма, мировоззрения, веры и сознания, проблемы милосердия и сострадания.

Поэзия Г. Трестмана характеризуется обостренностью ощущения и восприятия жизни, активностью и глубиной художественного мышления, внутренней насыщенностью содержания, взаимопроникновением объективного и субъективного, гармонией мысли и переживания, ярко выраженной интровертностью. Лирическое действие поддерживается у него средствами публицистической напряженности языка, романтически-возвышенного пафоса, а в целом — экспрессивной поэтики. Известный израильский публицист и литературовед, лауреат многочисленных международных премий Майя Каганская справедливо заметила: «Трестман — поэт яркого классического, большого стиля… Он будет писать стихи столько, сколько ему отпущено дыхания».

Предлагаю читателям «Нёмана» подборку новых стихов Григория Трестмана.

Николай МИКУЛИЧ

Григорий ТРЕСТМАН

Вы не знаете Трестмана Гришку?

Редчайшее счастье знать мистера Смита…
Уильям Джей СМИТ

Вы не знаете Трестмана Гришку?
Отложите дела на потом!
Гришка носит короткую стрижку,
но зато он с большим животом.

Гришка — парень вполне добродушный,
уважает и власть, и закон,
и как всякий законопослушный,
год за годом под следствием он.

Не завел себе Трестман ни треста,
ни заводика на стороне,
но сулит ему теплое место
каталажка в родимой стране.

Он не прячет за пазухой фиги,
просыпается за ночь раз сто.
Пишет он гениальные книги,
правда, их не читает никто.

Прессой Гришка бывал опорочен,
бес — в ребре, седина — в бороде,
популярен весьма он, и очень,
но пока что не выяснил где.

Пил он водку с якутским шаманом,
с чабаном надирался вповал,
кантовался по весям и странам,
где никто его в гости не звал.

Был в Заире, Зимбабве, Анголе,
с ним дружил каннибал и сексот.
Столько выжрал он с неграми соли,
что диета уже не спасет.

Добывал он там нефть и алмазы,
потому и в долгах до сих пор,
но теперь он не ведает сглаза,
даже беса не видит в упор.

Пусть и скромный у Гришки достаток,
и житуха порою — не мед,
не берет он подачек и взяток,
потому что никто не дает.

Падал наземь орлом он и решкой
и в начальство не лез напролом
(лучше быть независимой пешкой,
чем в гадюшном дворце королем).

Любит жахнуть, но ведает меру,
и хоть много порол чепухи,
мог блестящую сделать карьеру,
если б только не лень и стихи.

Он, как цадик, живет отрешенный
(в мыслях — грешен, но в помыслах — чист).
Приходи к нему: умалишенный,
литератор, Мессия, артист,

узник гетто, жена замполита,
миротворец, астролог и проч… —
те, кому самому Айболиту
не под силу бы было помочь.

Он не станет играть с вами в прятки,
вы развеете беды вдвоем…
Если крыша у вас не в порядке,
запишитесь к нему на прием.

* * *

С Богом подписан Завет,
жизни и смерти основа:
национальность — поэт,
место рождения — Слово.

* * *

Стихосложенье — тот же самосуд,
и таинство стиха в саморасплате.
Все буквы на тебя же донесут.
Вопрос: «Когда?»
Вопрос всего лишь в дате.

* * *

Это вложено в меня до сотворенья
и в тюрьме со мной пребудет, и в гробу.
Я — ничтожество для моего прозренья,
и оно не ставит в грош мою судьбу.
И души моей неясные истоки
поднимаются, как мертвые во рву…
Вспоминаю неявившиеся строки
и своей невоплощенностью живу.

* * *

Ужели я, Господи, так уже плох?
Даруй, одолжи или выдай
еще один выдох,
еще один вдох,
и после еще один выдох.
В какую б меня ни упрятал дыру
по вышнему зову и плану,
даруй Свою милость:
сначала умру,
лишь после дышать перестану.
Еще один выдох,
еще один вдох,
и после еще один выдох.
Ответь мне, Господь,
или тоже оглох,
и сердце ослепло в обидах?
И ежели вся благодарность Тебе —
мольба за спасение, ибо
так явлено в слове,
а слово — в судьбе,
то, Боже, спаси за спасибо.

* * *

Когда в твоей строфе
ночной очнется ветер,
развяжется петля,
сломается курок —
ты вспомнишь: слаще всех
самоубийств на свете
крепчайший в мире яд —
яд стихотворных строк.

* * *

Я кончил книгу,
а она — меня.
Мы завершались с ней одновременно,
когда она мне прокусила вены,
дуэльную дистанцию храня.
Я из себя был изгнан,
стал гоним,
и стала кровь похожей на чернила…
Тогда она меня похоронила
и подписалась именем моим.

* * *

Сентенция «На свете счастья нет!»
блистает первозданной новизною.
И что важнее суеты сует —
коль не лукавить — для потомков Ноя?
Скитаясь на задворках бытия,
никто не сыщет истину вовеки
и не вернется на круги своя,
как ветер возвращается и реки.
Что может о себе сказать еврей:
жестоковыйна избранная каста?
Плевать ей на великий ум царей —
все ново под луной Экклезиаста.
В невинном «раньше» грустного «теперь»
яснее всех я различаю корни.
Мои потери горше всех потерь,
а мой позор позоров всех позорней.
Всех болей в мире боль моя больней.
Из всех на свете прожитых любовей
моя острей, глубинней и сильней,
и тюрем всех моя тюрьма суровей.
Нерасторжимей нет моих оков,
дней нестерпимей, чем мое «сегодня».

Из всех вообразимых тупиков
мои тупей, мрачней и безысходней.
Под килем — ил, истлели паруса.
Восходам сроки и закатам сроки,
но то, что мне нашепчут небеса,
никто другой не переплавит в строки.
И никому в моем последнем дне
не повторить моей предсмертной дрожи,
а смерть, когда она придет ко мне,
не будет на другую смерть похожа.

* * *

Поэтессы не стареют
до восьмидесяти лет.
Глазки красят, ножки бреют
и рифмуют милый бред.

Седина для них — корона.
И внимание мужчин
принимают благосклонно,
как лекарство от морщин.

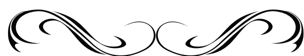
Строят козни, строят планы
точно, трезво, без прикрас…
И бросаются в романы
каждый раз — в последний раз.

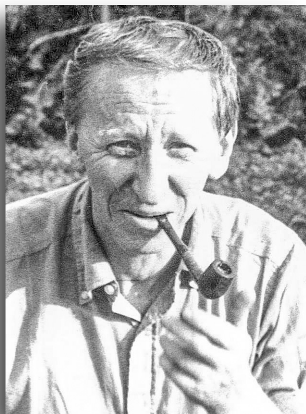
* * *

Переведи слезу слезой.
К. ЧУКОВСКИЙ

Что такое перевод?
Чуждых смыслов совмещенье
иль прозренье, перелет,
звуков перевоплощенье
во прапращурову суть,
в изначальную основу,
из чужих значений путь
в наше сущностное слово?
Поединок двух речей,
непригодных друг для друга?
Перекличка палачей
стихотворного недуга?
Не успел перевести
лишь одну строку, по сути —
текст посмел приобрести

дух иной: не обессудьте!
Было вкривь, а стало вкось —
где законы, где каноны? —
Как прогнать поэму сквозь
иностранные препоны?
Экий каверзный урок:
пересилить разность наций
лишь прозрачной сутью строк
в переливах интонаций.
Чтоб омыло нас грозой,
чтоб жилым запахло кровом,
передай слезу — слезой,
а не только слово словом.
Для подобных сверхзадач
не обычный нужен мастер,
а вервольф,
шаман,
толмач
двуязычной
дерзкой масти,
чья работа — волшебство,
и прозренье,
и причуда.
«Переводность» — вещество,
восходящее из чуда!

Джо АЛЕКС

*Смерть промолвит вместо меня**

Роман

IX. Кинжал

Комната, в которой они сидели в ожидании миссис Анджелы Додд, была небольшой, но обставленной с великолепным вкусом. Когда за испуганной заспанной горничной закрылась дверь, Паркер взглянул на часы.

— Два часа ночи. Скверное время для визитов к ни в чем не повинным людям. Уж хотя бы поэтому миссис Додд должна оказаться убийцей.

— Чтобы позволить полиции соблюсти правила приличия? Да, это очень веский аргумент.

— Опасаюсь, что будет и несколько других, — сказал Паркер тихо. — А теперь она еще, наверно, одеваться будет полчаса…

Не успел он закончить, как дверь открылась и вошла миссис Додд. Она была одета в скромное, темное платье, на ногах у нее были чулки и туфли на высоком каблуке, а прическа свидетельствовала о том, что она еще не ложилась. Алекс отметил это не без удивления. Мужчины встали.

— Чем могу быть вам полезной, джентльмены? — спросила она, бросив еще раз взгляд на визитку инспектора, которую держала в пальцах. Потом быстро подняла голову. — Садитесь, джентльмены, прошу вас. — Несмотря на то, что она очень хорошо владела собой, опытные глаза обоих мужчин отметили в ее поведении легкую тень напряжения.

Она села первой и грациозным движением маленькой, тонкой руки указала им на кресла.

Паркер тяжело сел и некоторое время молчал, разглядывая поверхность столика, на котором стояли две маленькие глиняные пепельницы.

— Дело обстоит таким образом, — неожиданно сказал он, поднимая на нее взгляд, — что целый ряд обстоятельств указывают… — он снова замолчал, затем вздохнул и продолжил: — Хочу быть с вами откровенным. Несколько часов назад в своей гримерной был убит актер Стивен Винси. Есть улики, указывающее на то, что лицо, которое могло совершить это убийство, находится в этом доме. Я хотел бы, чтоб вы без обиняков сообщили все, что можете сообщить по этому поводу.

Анджела Додд смотрела на него не мигая. Алексу только показалось, что когда Паркер произнес фамилию Винси, она сделала глубокий вдох.

— Это все, что вы имеете мне сказать? — спросила она.

— Нет. Не все. Женщина, чье описание и одежда соответствуют вашим, посетила Винси в его гримерной примерно в то же время, когда было совершено убийство. Эту женщину хорошо запомнил дежурный портье, который уверен, что

* Продолжение. Начало в № 7 за 2017 г.

сможет опознать ее на очной ставке. Кроме того, нам известно, что в тот вечер вы были на спектакле «Стулья», а потом попрощались с дочерью и ее женихом, сообщив им, что у вас есть какое-то дело по соседству. Не можете ли вы сказать нам, что это было за дело?

— Могу, — Анджела кивнула головой. — Я должна была уладить один вопрос в театре.

— Какой вопрос?

— Мне надо было попасть в гримерку Стивена Винси, потому что я хотела убить его.

После этих спокойно сказанных слов наступило напряженное молчание, которое прервал Алекс.

— И вы его убили? — спросил он.

— Да. Конечно. Ведь я за этим туда пошла. Я давно ждала этой минуты.

Паркер поднял голову, и Алекс уловил его быстрый взгляд с искрой триумфа.

— Итак, вы признаетесь в убийстве мистера Стивена Винси вчера вечером в его гримерной комнате на территории театра «Чембер»? — Тон инспектора приобрел официальное звучание.

— Мне нечего больше добавить к тому, что вы уже услышали.

Анджела Додд поднялась с места, как бы давая понять, что даму можно осудить на смерть, но нельзя расспрашивать вопреки ее воле.

— Минуточку, — сказал Алекс. — И вы убили его кинжалом?

— Да. Кинжалом с позолоченной рукояткой, на которой была надпись «Помни, что у тебя есть друг».

— А почему вы это сделали?

— Боюсь, что этого вы никогда не узнаете, джентльмены.

— Напротив, — Алекс стоял прямо перед ней и спокойно смотрел женщине в глаза. — Я уже знаю почему. Стивен Винси шантажировал вас и потребовал, чтобы вы пришли в театр на спектакль «Стулья» для заключения некой сделки. Вы согласились встретиться с ним в антракте или после спектакля, чтобы вручить ему драгоценности и деньги, которые он вымогал, угрожая в противном случае серьезно навредить вашей дочери. Именно поэтому вы взяли такую большую сумочку. В этих маленьких театральных сумочках ничего не помещается, кроме бинокля и платочка. Ведь так?

Анджела Додд с изумлением смотрела на него широко открытыми глазами. Но не ответила.

— Это, впрочем, было ясно с самого начала расследования. — Алекс легонько щелкнул пальцами. — Меня другое интересует: когда вы успели прочесть надпись на кинжале?

— Я читала ее тысячу раз… — К миссис Додд вернулось спокойствие. — Я по памяти прекрасно знаю этот кинжал.

— Вы вынули его из ящика?

Она снова посмотрела на Алекса с удивлением, но тут же утвердительно кивнула:

— Да. Из ящика письменного стола моего мужа.

— Что? — переспросил Паркер, но Джо поднял руку, жестом прося тишины.

— Вы не могли бы указать нам место, откуда вы взяли кинжал?

— Да, разумеется. Муж держал его там вместе со всякими ненужными мелочами, которые есть у каждого мужчины. Он лежал здесь, в этом столе.

— Где именно?

Миссис Додд небрежно пожала плечами, затем подошла к письменному столу и открыла средний ящик.

— Он лежал здесь, на самом верху… — Она протянула руку, а потом машинально посмотрела туда.

Несколько мгновений она стояла, словно окаменев. Потом пошатнулась. Паркер подбежал и поддержал ее.

— Она, кажется, потеряла сознание, — сказал инспектор и заглянул в ящик. Теперь и он окаменел.

Алекс подошел и понимающе покивал головой.

На дне ящика лежал кинжал. Точно такой же, как тот, который кто-то вонзил в грудь актера Стивена Винси.

X. Родители Анны Додд

Алекс посмотрел по сторонам, взял со стола графин, налил воды в стакан и поднес его к губам миссис Додд как раз в ту минуту, когда она открыла глаза. Она освободилась от поддерживающей ее руки Паркера и нетвердым шагом подошла к стулу. Потом села и спрятала лицо в ладонях. Плечи ее задрожали, и она тихо расплакалась.

Паркер взглянул на Алекса над головой плачущей женщины. В его глазах было столько беспомощности и такое огромное изумление, что Джо едва заметно улыбнулся. Он подошел к открытому ящику и вынул оттуда кинжал. Паркер тоже подошел.

— Точно такой же, — прошептал он.

Внезапно они оба повернулись. В распахнутых дверях стоял седой, невысокий, худощавый мужчина в пижаме и наброшенном на нее халате.

— Что здесь происходит? — спокойно спросил он. — Вы взломщики, джентльмены?

— Наоборот. — Паркер подошел к нему. — Я — инспектор Скотленд-Ярда, а этот джентльмен — мой сотрудник. Мы прибыли к вам в связи с убийством актера Стивена Винси.

— Что? — переспросил мужчина в халате. — Стивен убит? — Он оперся рукой на косяк двери.

На какое-то мгновение Алексу показалось, что мужчина сейчас потеряет сознание, как перед этим его жена. Но сэр Томас Додд взял себя в руки. Выпрямившись, он вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Лишь теперь, когда он оказался в круге света, оба гостя увидели, как сильно он бледен. Кроме того, мужчина, должно быть, действительно был очень болен, потому что кожа его приобрела землистый оттенок, а глаза горели горячечным блеском.

Анджела Додд подняла голову, быстро вытерла слезы и встала.

— Почему ты поднялся с постели, Том? Ты ведь знаешь, что тебе нельзя вставать! — Она сорвалась с места, подбежала к нему и, взяв под руку, подвела к стулу.

Но сэр Томас высвободился, сел сам и при этом улыбнулся жене.

— Ты прекрасно знаешь, что это уже не имеет никакого значения, — сказал он. Потом взглянул на Алекса, который держал в руках кинжал. — А зачем вы это вынули из моего ящика?

— Я прошу прощения, — Паркер заколебался. — Мне очень жаль, что я и дальше должен выступать здесь в своей официальной роли, но, к сожалению, преступление было совершено, и мы должны узнать правду. Минуту назад ваша супруга призналась в убийстве Стивена Винси…

— Это абсурд! — перебил сэр Томас и повелительным жестом призвал к молчанию. — Ты действительно сказала что-то подобное, дорогая? Если этот человек лжет, я немедленно свяжусь с министром внутренних дел и...

— Этот джентльмен говорит правду.

— Что такое? — лицо известного археолога стало еще бледнее. — То есть, как, почему?

— Потому… Потому что…

— То есть, вы отказываетесь от того, что сказали прежде? — спросил Паркер.

— Да. Отказываюсь. — Она вытерла платочком следы слез. Казалось, сейчас она снова взяла себя в руки.

— Ну хорошо… — Паркер вынул платок и вытер пот со лба. — Мне очень жаль, сэр. Я знаю, что вы недавно перенесли операцию и что состояние вашего здоровья оставляет желать лучшего. Я не хотел бы сейчас, посреди ночи, продолжать эту ужасную сцену, но есть масса вопросов, на которые вы, мадам, должны нам ответить. Из всего вами рассказанного неопровержимо следует, что вы находились на месте преступления. Вы сказали нам даже, каким орудием был убит Винси. Потом хотели указать нам место, откуда взяли это орудие, и действительно показали мне идентичный кинжал. И тут же потеряли сознание. Я хочу, что бы вы, сэр, и вы, мадам, отдали себе отчет в том, что я должен услышать всю правду, в противном случае я с большим сожалением вынужден буду арестовать миссис Додд по подозрению в совершении убийства, а завтра вся британская пресса объявит об этом, публикуя на первых страницах газет ваши огромные снимки, мадам, и вываляет в грязи всю вашу семью. Так что, если вы не убивали Стивена Винси и у вас есть шансы доказать это, прошу вас говорить. Прошу сказать мне также, каким чудом в собственности вашей семьи оказался точно такой же кинжал, как тот, которым был убит Винси? Причем тот кинжал был его собственностью много лет. Прошу сказать мне, что находилось в битком набитой сумочке, которую вы принесли в гримерную Винси, и почему вообще вы оказались в его гримерной, скрыв этот факт от дочери и будущего зятя. Я хочу знать всю правду, и мой долг — добиться ее любой ценой. Только зная всю правду, я найду убийцу. Итак — хотите ли вы, мадам, сказать нам эту правду, или предпочитаете, чтобы она все равно выплыла на поверхность, но несколько позже и с огромным скандалом, потому что убийство такого актера, как Винси, отзовется громким эхом и станет желанной и огромной сенсацией для газет.

— Быть может, я вам отвечу, — тихо произнес сэр Томас Додд.

— Том! — воскликнула его жена. — Эти люди не имеют права. Никто не может…

— Боюсь, моя дорогая, что в конце концов они и так доберутся до правды, — ее муж развел руками. — Есть документы, факты, даты… Если полиция начинает искать, она рано или поздно все найдет… А ты ведь не хочешь быть сейчас обвиненной в убийстве? — Он указал на кинжал в руках Алекса и, улыбаясь жене, ласково прошептал: — Моя бедная, глупенькая деточка… А ведь достаточно было лишь спросить меня…

— Должен ли я понимать ваши слова как желание дать показания? — Паркер встал и открыл свой блокнот.

— Показания? — сэр Томас Додд ласково посмотрел на него и улыбнулся чуть снисходительно. — Два месяца назад меня прооперировали по поводу рака. И якобы после этой операции я должен был получить по крайней мере с полгода спокойствия. Но пару дней назад боли снова начались…

— Том! Почему ты мне об этом не сказал?! — В глазах миссис Додд Паркер и Алекс увидели искренний немой ужас. Она сжала губы. — Это ничего, — сказала она мягко. — Это, наверно, еще последствия той операции. Так бывает, что боли сначала появляются, но потом они исчезнут…

— Нет, моя дорогая. Когда вы поехали в театр, я позвонил Джорджу Амстронгу и спросил его, может ли он меня принять. — Он взглянул на Паркера. — Амстронг — это наш крупнейший специалист в области онкологии. Это он сделал мне операцию. — Паркер молча кивнул. — Но мы отклонились от темы, — сказал сэр Томас. — Вы спросили меня, хочу ли я дать показания. В десять часов мой друг, доктор Амстронг, сказал мне, что я… выздоровею. Но когда я потребовал правду, говоря, что каждый человек должен иметь шанс подготовиться к последнему путешествию, а кроме того, объяснил ему, что мои личные и профессиональные дела требуют от меня полного осознания положения, он несколько изменил свое мнение, и хотя не сказал мне этого прямо, но дал понять, что при таком диагнозе человек всегда и ко всему должен быть готов. Впрочем, мне уже хорошо знакома эта боль, и никто меня не обманет… — Миссис Додд закрыла глаза. Он погладил ее по волосам и выпрямился. — Видишь ли, моя дорогая, сейчас у меня, быть может, несколько иное отношение к жизни, чем было прежде. Я знаю, почему ты призналась в своей вине. Ты вошла в его гримерку и, увидев этот кинжал, решила, что это я его убил. Поэтому и призналась, когда эти джентльмены сюда пришли… Моя глупенькая храбрая малышка… Твоя жертвенность была совершенно не нужной…

— Так было? — спросил Паркер.

Миссис Додд молча кивнула головой в знак согласия.

— А могу я спросить, почему ваша супруга немедленно поверила, что это именно вы его убили? Среди множества вопросов, на которые вы мне еще не ответили, этот тоже очень меня интересует.

— Я думаю, что невозможно ответить на каждый из ваших вопросов отдельно, — сказал сэр Томас усталым голосом. — Либо вы должны узнать всю правду, либо — ничего… Но, полагаю, в такой ситуации правду утаить не удастся… — Он взглянул на жену. — Я хотел бы лишь добавить, что в этом деле замешана честь двух женщин и одного мужчины, а кроме того, счастье моей семьи и ее будущее. Можете ли вы мне сказать, какие гарантии сохранения тайны я получу, если соглашусь сообщить вам то, о чем не знал никто, кроме Стивена Винси?

— Я был офицером Военно-воздушного флота Ее Королевского Величества и являюсь офицером полицейских сил нашего королевства, — сказал Паркер. — Мой сотрудник, присутствующий здесь, был также во время войны офицером авиации и является кавалером нескольких высших военных орденов, но прежде всего, английским джентльменом. Несмотря на это, я не могу обещать вам ничего, кроме того, что никто никогда не узнает ни одного слова из всего, что будет здесь произнесено, при условии, что миссис Додд невиновна. В противном же случае я должен буду выполнить обязательную юридическую формальность и сказать: «Миссис Додд, вы подозреваетесь в убийстве мистера Стивена Винси, и я от имени закона предупреждаю вас, что с этой минуты каждое произнесенное вами слово может быть использовано против вас. Обращаю также ваше внимание, что вы имеете право не давать никаких показаний, прежде чем не поговорите со своим адвокатом». — Паркер развел руками. — Извините, но я действую от имени закона и в этой ситуации не могу больше ничего добавить.

— Этого достаточно, — кивнул головой сэр Томас. — Я должен довериться вам и рад, что вы ответили мне именно такими словами. Это было

честно. — Он посмотрел на жену. — Может, ты предпочла бы отдохнуть у себя, дорогая?

Паркер удивленно вскинул брови, но миссис Додд опередила его.

— Нет. Я останусь. Если уж нам приходится пройти через такое, сделаем это вместе.

— Хорошо, — сэр Томас склонил голову. — Чтобы вы могли понять, что случилось сегодня вечером, мы должны вернуться на двадцать с лишним лет назад. Я был одноклассником Стивена Винси… — Он задумался. — Я был не только его одноклассником, я был его другом. Мы тогда были неразлучны. Нас связывала общая любовь к театру. Мы ходили вместе на все спектакли, вдвоем основали драматический кружок в школе и были в нем ведущими актерами. Может, вам это покажется смешным, джентльмены, но многие утверждали, что я обладаю большим актерским талантом. Окончив школу, я, однако, поехал учиться в Оксфорд, потому что мой отец, который был археологом, даже слышать не хотел о том, чтобы я выступал на сцене. Впрочем, археология тоже привлекала меня с детства. Наш дом жил жизнью древних веков, и в нем было полно черепков, статуэток и разных тому подобных старинных вещей. Отец научил меня понимать и любить их. А Винси тем временем делал попытки получить ангажемент в каком-нибудь театре. И вот когда мы в те годы расставались, то заказали эти два кинжала. Это, наверно, очень по-юношески, но кинжалы должны были означать, что в будущей жизни один из нас всегда может рассчитывать на дружбу другого. Стивену удалось устроиться в какой-то провинциальный театр, а позже, когда я уже окончил Оксфорд, он оказался в Лондоне, но все шло у него как-то не очень… В те времена он часто бывал у меня. После смерти отца я унаследовал этот дом и небольшую сумму наличными. Стивен жил у меня некоторое время и питался «когда не хватало денег», а не хватало их ему постоянно, ну, в общем, я старался поддерживать друга, как только мог. И так тянулось до тех пор, пока я не познакомился с Анджелой Кроуфорд, девушкой, в которую влюбился и на которой собирался жениться, — она тоже меня любила. Вот тогда-то и произошло то, что бросило тень на всю нашу жизнь, тень, которая в эту минуту снова ложится на эту комнату. Конечно, я их познакомил, веря, что мой единственный друг и моя единственная девушка тоже подружатся. Так и случилось. Случилось даже большее. В один отнюдь не прекрасный день я получил от Анджелы короткое письмо, содержание которого было для меня как удар грома посреди ясного неба. Она ушла от меня к Стивену. Я вынес это, потому что должен был вынести. Стивен выселился из моего дома еще раньше, и я его больше не искал. Впрочем, скоро его имя стало более известным. Прошло полгода, потом еще год. Однажды я оказался на юге Британии. Мы вели там раскопки какого-то кургана друидов, невдалеке от маленького городка, в котором жили члены экспедиции. И там я встретил Анджелу. Мы встретились на улице, и она хотела пройти мимо. Я остановил ее. Я еще ничего не знал. Спросил о Стивене… И тогда узнал правду. Анджела вместе с ребенком, маленькой двухмесячной девочкой, жила теперь у старой тетки, которой сказала, что она вдова и ее муж погиб в автомобильной аварии. Я пошел туда. Мы стояли над колыбелью этого ребенка и смотрели друг на друга. Я по-прежнему любил ее. Думаю, что и она любила меня даже тогда. Но мы смотрели друг на друга, как жертвы урагана, который разрушил их дом и унес с собой все надежды. А между нами лежала эта малютка — спящий ребенок. Ребенок ее и Стивена Винси. Конечно, он на ней не женился. Он бросил их обеих и даже не поинтересовался, что стало с ней и с его крошкой-дочерью. В то время его карьера стремительно росла. Зачем же ему было обременять себя семьей?.. Спустя

некоторое время мы с Анджелой поженились. Я как раз тогда отправлялся с экспедицией в Египет, где провел два года. Анджела и малышка поплыли на другом пароходе. Мы обвенчались в Каире, почти тайно. Позже я устроил так, что Анна получила свидетельство о рождении на полтора года позже. В конце концов, трудно определить точно: девочке три года или четыре с половиной. Египет помог. Никто ничего не заподозрил. Впрочем, я тогда был всего лишь молодым, никому не известным научным сотрудником, и никто не интересовался моей жизнью. Я много путешествовал по всему миру, и ни у кого не было причин предположить, что Анна — не мой ребенок. Шли годы, пробежало их почти двадцать, и как раз сейчас, когда кузен моего отца скончался, оставив такое огромное состояние, Винси отозвался. Он знал правду, хотя никогда ею не интересовался. Однажды он встретил Анджелу на улице и с веселой улыбкой спросил, как у нее дела. Быть может, она плохо сделала, что сказала ему всю правду и отнеслась к нему как к жалкому ничтожеству, которым он, по сути, и был. Винси пытался ей что-то объяснить, но она повернулась и ушла. Думаю, что это его обрадовало. Со времени этой встречи прошло более десяти лет. На прошлой неделе он вдруг позвонил Анджеле, требуя свидания. Когда она отказалась, он стал угрожать, что все обнародует. Анна, конечно, не имеет понятия, что она… что ее с Винси связывают узы родства. Я — ее отец, и Господь мне свидетель, что я заслужил это звание больше, чем тысячи других людей… Анджела рассказала мне о телефонном разговоре с Винси. Мы начали думать, что нам делать. Запоздалые отцовские чувства у Винси явно были вызваны публикациями СМИ о наследстве Анны. Винси оказался в очень благоприятной для себя ситуации. Во-первых, он мог предать все огласке, принеся нашей семье огромное несчастье, потому что, я думаю, для нашей девочки это был бы огромный стресс, тем более если бы она узнала, что ее биологический отец оказался таким негодяем. Во-вторых, ее двоюродный дед, умирая, написал в завещании, что наследовать ему могут лишь кровные родственники. В качестве моей дочери Анна является его кровной родственницей, в качестве дочери Винси — конечно, нет. Это была очень мрачная ирония: теперь, когда судьба столь неожиданно и щедро улыбнулась девушке, откуда ни возьмись появляется страшный призрак, который стоял когда-то у ее колыбели, а сейчас угрожает уничтожить всю ее жизнь. Впрочем, Анна очень любит молодого Крессвела, который тоже, как мне кажется, влюблен в нее. К счастью, он точно так же себя вел еще до того, как Анна получила наследство. Если бы Винси обнародовал всю историю, опасаюсь, что Крессвел мог бы поехать к нему и дать ему пощечину, но оказался бы в очень трудной ситуации по отношению к своей консервативной семье. Он — сын лорда, а Анна внезапно стала бы внебрачным ребенком актера… Все это было ужасно. Винси звонил регулярно, два раза в день. Наконец мы решили уступить. В конце концов, что такое деньги по сравнению с несчастьем, которое могло бы случиться. А кроме того, я тяжело болен, и мысль о том, что Анна может когда-нибудь остаться почти без денег, в такой унизительной ситуации и с таким печальным опытом в самом начале подающей большие надежды молодости, — была для нас невыносимой. Три дня назад Анне были переданы унаследованные ею драгоценности на сумму миллион фунтов — прекрасная коллекция бриллиантов. Это, конечно, только маленькая часть всего состояния, но я подумал, что Винси удовлетворит столь крупная сумма. Анджела встретилась с ним в кафе. Он цинично заявил, что не видит ни малейшего повода, чтобы его дочь, незаконно ставшая обладательницей такого богатства, не могла бы поделиться его частью со своим стареющим отцом. Анджела сказала ему, что восемьдесят процентов наследства вложено в рудники и недвижи-

мость, а наличных денег немного. Винси заявил, что хочет миллион, который откроет ему путь к подлинной славе, потому что в этом мире без денег никакой талант не может подняться так высоко, чтобы преодолеть барьер мнений тупых театральных критиков. Если он получит миллион, то готов никогда не напоминать Анне о своих правах на отцовство. Анджела согласилась, но сказала, что это займет какое-то время. В ответ Винси вытащил из кармана газету и сказал, что согласен подождать получения наличных денег несколько недель, но при условии, что в залог получит упомянутые драгоценности. Никто их у него не украдет, потому что никто даже предположить не сможет, что у него хранится нечто такое… Драгоценности Анна положила в банковскую ячейку на мое имя. Я взял их оттуда. Сегодня Анджела должна была для видимости пойти в театр на спектакль вместе с Анной и Чарльзом, а потом отнести Винси сумочку с драгоценностями. Он хотел, чтобы передача произошла в его театральной гримерной. Может, ценность этой сумочки его слегка ошеломила, а может, он боялся какого-нибудь подвоха со стороны Анджелы. Во всяком случае, он заупрямился, и ей пришлось согласиться… Вчера вечером она поехала с молодыми людьми в театр, а после спектакля велела им возвращаться домой, под предлогом того, что у нее есть еще какое-то дело в этом районе, а сама направилась в гримерную Винси… Остального я не знаю. Когда в одиннадцать я вернулся домой, она уже была у себя и сказала мне лишь: «У меня болит голова. Я тебе завтра все расскажу»... — Он обратился к жене, которая на протяжении всего его рассказа сидела совершенно неподвижно с бледным окаменевшим лицом. — Остальное известно тебе, дорогая…

— Я могу добавить немногое, — Анджела глубоко вздохнула. — Я все время чувствовала себя не в своей тарелке… Кроме того… Кроме того, этот спектакль расстроил меня. Все мое прошлое… все то, что когда-то произошло, все это всплыло перед моими глазами, когда он играл Старика. Я расплакалась. Потом это прошло. Во втором акте я уже не ощущала с ним такого контакта. Он был рациональнее, и это мне помогло. Я крепко сжимала в руках эту сумочку, смешную в сочетании с моим вечерним платьем, набитую драгоценностями в футлярах, обернутых полотном. Но я была к ним совершенно равнодушна. Я хотела как можно скорее оставить все это в прошлом и оказаться дома… А кроме того… кроме того, я по-прежнему боялась. Я не верила ему. Я не верила, что он на этом остановится… Я боялась, что рано или поздно он напьется и проболтается кому-нибудь или просто начнет рассказывать всем, что Анна Додд — это его дочь. Внутри себя я так и слышала его говорящим: «Анна Додд? Ну конечно — это же моя доченька… Она мне отвалила миллиончик по поводу своей удачки!» Он любил уменьшительные формы слов… — Она спрятала лицо в ладонях, но тут же взяла себя в руки. — А потом я вошла в гримерку и увидела Винси лежащим на кушетке. Это было удивительно, потому что дверь его гримерной была заперта на ключ снаружи, и мне пришлось повернуть его в замке, чтобы войти: не ждать же в коридоре, где меня мог встретить кто-нибудь, кто, возможно, меня знает. Он не шевельнулся, когда я вошла. Но я еще ничего не поняла. Я закрыла за собой дверь и подошла. Только тогда увидела, что в его грудь вонзен кинжал с позолоченной рукояткой…

XI. Точно установленное время убийства

— …Точно такой же, какой вы сотни раз видели у себя дома, — неожиданно вмешался Алекс. — Вы не знали, что слегка экзальтированные молодые люди, много лет назад заказали два одинаковых кинжала и велели

выгравировать на них слова, напоминающие об их дружбе. Эти кинжалы пережили их дружбу на много лет, но вы не знали об этом. Вы лишь подумали, — а может не только подумали, — громкий набат предупредительно ударил в ваших ушах: мой муж был здесь и убил Винси! И что вы тогда сделали? Вы сразу же выбежали оттуда? — И не ожидая ответа, продолжал: — Думаю, что нет. Вы ведь в первую очередь — мать, а не только жена. Вы начали лихорадочно искать то, за чем пришли, — свои письма, написанные много лет назад, в которых писали Винси о том, что ждете ребенка. Быть может, даже вы написали ему сразу после рождения девочки. В то время вам могло казаться, что несмотря на все происшедшее между вами, мужчина должен знать об этом факте, потому что это может дать ему последний шанс спасти свою честь… Вам очень хотелось, чтобы Винси оказался лучше, чем был. Это понятно. Даже если вы уже осознали свою ошибку. Тогда, много лет назад, вами руководил тот же инстинкт, который спустя годы заставил вас обыскать гримерную убитого. Я понимаю вас. Но вы не нашли писем, правда?

К изумлению Паркера, Анджела Додд тихо ответила:

— Нет, не нашла, хотя я совершенно не понимаю, откуда вы можете знать об этом.

— Простое умозаключение, — Алекс покивал головой. — Винси не мог бы шантажировать вас столь нагло, не имея никаких доказательств. А какое же он мог иметь доказательство, если не письма, написанные вашей рукой? Не найдя писем, вы вышли из театра и на такси поехали домой. Так? Мужа еще не было дома, и тогда вы придумали себе головную боль, чтобы его не видеть, потому что боялись с ним встретиться, думая, что это он убил Винси. А еще вы верили, что никто ничего не узнает. Но когда мы приехали, вы приняли решение: этот человек, которого вы любите, который любит вашего ребенка, быть может, даже больше, чем любил бы, если бы их связывали обычные узы крови, человек, который пожертвовал для вас столь многим и так много хорошего сделал для вас на протяжении всей вашей жизни, этот человек не будет расплачиваться за свой поступок, который по сути был актом самозащиты… Поэтому вы сказали: «Это я убила!» — и были готовы нести все последствия своих слов. Ваш муж болен. Вы не могли вынести даже мысли о том, что его ожидает долгое, мучительное следствие и последующее унижение во время судебного процесса, когда все станет явным. Вы предпочли сочинить что-нибудь о себе и Винси и сохранить этим отцу дочь, а дочери отца… Возможно, впрочем, вы не думали обо всем этом так рационально и последовательно, но вы точно знали, что, если придет полиция, — вы готовы нести ответственность за все то, чему вы много лет назад были определенным образом причиной. Однако вы увидели здесь этот кинжал… И вдруг поняли, что это не ваш муж убил, после чего отказались от своих показаний. Все это правда? Да?

Анджела Додд молча кивнула. Ее муж закрыл лицо ладонями.

— Моя дорогая, — едва слышно прошептал он.

— Мне очень жаль… — Алекс встал. — Мне так жаль, что я вынужден был сказать об этом. Но истина должна быть установлена, и нет иного пути, кроме правды. — Он взглянул на Паркера.

Инспектор закрыл свой блокнот и тоже встал. Видно было, что в нем идет какая-то внутренняя борьба.

— К сожалению, — сказал он. — К сожалению… — Он посмотрел на Алекса. Джо стоял совершенно неподвижно, но его глаза подали Паркеру едва уловимый знак. — Но, к сожалению, — Паркер облегченно вздохнул, будто нашел ответ на мучивший его вопрос, — я всего лишь полицейский чиновник, и хотя очень хочу вам верить, тем не менее, миссис Додд —

последняя, кто видел убитого, и кроме того, в вашем рассказе есть некоторые пробелы, вызывающие сомнения…

Алекс громко откашлялся.

— Одним словом, — быстро закончил Паркер, — я, к сожалению, вынужден буду поставить возле вашего дома полицейского в штатском, а миссис Додд попрошу ни под каким видом не покидать этот дом в ближайшее время… до тех пор, пока вы не получите уведомление о снятии этого запрета. Я надеюсь, что ситуация в ближайшее время разрешится… Это все, что я могу сделать для вас в настоящую минуту…

Сэр Томас Додд встал и протянул ему руку.

— Благодарю вас, — сказал он сердечно. — Я понимаю, что вы определенным образом нарушили какие-то предписания, поступая столь благородно. Но заверяю вас, что… что… — Он умолк и добавил: — Вы истинный джентльмен.

Паркер покраснел и быстро вышел в прихожую. Когда они оказались на улице, он подошел к автомобилю и позвал оттуда детектива Стивенса.

— Я взял вас, Стивенс, чтобы оформить арест и транспортировать преступника. Но, к сожалению, вам придется подежурить здесь с полчаса, пока вас не сменит агент из нашего управления. Двери этого дома не должна переступать миссис Анджела Додд, невысокая шатенка в возрасте около сорока пяти лет. Если у дома окажется выход с противоположной стороны и она сбежит на другую улицу — не переживайте. Мы посадим на ее место мистера Джо Алекса, самого наивного человека в мире!

— Слушаюсь, шеф! — сказал детектив Стивенс, улыбнулся Алексу и начал прохаживаться у ворот дома.

— Ты об этом не пожалеешь… — негромко сказал Алекс.

— Я сделал это только потому, что из твоего поведения следует, что убийца уже у тебя в кармане. Твои сведения потрясают меня. Но ты не знаешь всего. Например, ты не знаешь, куда мы сейчас поедем!

— Мне кажется, что к доктору Джорджу Армстронгу, известному специалисту по онкологическим заболеваниям, — сказал Джо. — Но может, я ошибаюсь?

Паркер открыл было рот, снова закрыл его, а потом сказал:

— О Господь, великий и всемогущий! — Он наклонился к водителю: — Колумбус Стрит 4! — сказал он почти со злостью.

Оказалось, что доктор Армстронг очень аккуратно вел свою книгу приемов. В последней рубрике виднелась фамилия: «Сэр Томас Додд. Часы приема с 9.20 по 10.45 пополудни». А ниже ряд строчек по-латыни.

— Вы всегда с точностью до минуты записываете время визитов своих пациентов? — с удивлением спросил Паркер.

— Да, — ответил доктор, протирая сонные глаза, — меня интересует проблема рациональности исследований. Я даже пишу об этом брошюру для медиков. Мне кажется, врачи тратят слишком много времени впустую… Эти данные служат для выяснения, сколько времени занимает у меня обследование пациентов с определенными заболеваниями

— А каково состояние здоровья сэра Томаса Додда?

— Учитывая ваши функции, я могу сказать вам всю правду. Но думаю, что природа и сама вскоре ее обнажит. Состояние сэра Томаса Додда я считаю безнадежным. Еще сразу после операции у меня теплилась какая-то надежда. Однако теперь опухоль снова растет. Вероятно, через несколько дней наступит кризис. Если не через несколько дней, то через несколько недель. Это лишь вопрос скорости развития опухолевой ткани. Боюсь, что в случае Додда она развивается чрезвычайно быстро. Он приехал сегодня ко мне на своем автомобиле. Я уже давно запретил

ему вождение: болезнь может обездвижить его в любую минуту. Могут быть метастазы в мозг… В таких обстоятельствах нельзя играть собственной жизнью, не только, впрочем, своей, но и жизнью пешеходов, например. Я отвез его домой сам.

Паркер поблагодарил и встал. На улице инспектор хлопнул себя по лбу.

— И зачем я вообще сюда ехал? — сказал он. — Ведь Додд никак не мог его убить. Если с 9.20 он был у врача, то у него железное алиби. И кроме того, он ведь не появлялся за сценой театра «Чембер». Его там вообще не было! Ведь дежурный портье видел всех входящих, а другим путем он не мог туда попасть. Я, наверно, вообще свихнулся!

— Самая большая проблема с вами, профессиональными криминалистами, заключается в том, что вы не можете обойтись без проверки правдивости слов всех присутствующих. Вы непременно хотите поймать кого-нибудь на лжи. Тем временем, убийцу следует искать только через мотив. Там, где есть убитый, должен быть кто-то, кто его убил. И у него должна быть причина для убийства. А если такие причины есть у нескольких людей, то надо найти того из них, кто мог бы совершить убийство таким образом, каким оно было совершено, и в таких обстоятельствах, которые сопутствовали этому убийству. Если каким-то чудом таких людей будет двое, то всегда одного можно исключить. Именно над этим я сейчас и ломаю голову. У меня есть двое убийц, а ведь убил-то лишь один. Но я не знаю — который из них.

— А вот как ты, например, исключил миссис Додд? — спросил Паркер без иронии. — Ты очень нравишься мне сегодня, старик. Моя полицейская совесть не хочет тебе верить, но я лично, так сказать, частным образом, начинаю верить, что ты очень много чего заметил в течение этих… — он взглянул на часы, — неполных трех часов. Но ответь мне на вопрос о миссис Додд.

— Мне стыдно, — смутился Алекс. — Мой аргумент настолько несерьезен, что я готов вернуться и арестовать ее…

— Нет! — сказал Паркер. — Она никуда не убежит. Даже если ты ошибаешься и даже если она ускользнет от Стивенса, полиция найдет ее. Насчет этого я спокоен. Говори!

— В ее невиновности меня убедил тот факт, что Винси был убит, когда лежал на кушетке навзничь.

— Ну и что? Ты думаешь, женщины не убивают мужчин, лежащих навзничь? Я тебе могу привести десяток примеров…

— Не сомневаюсь, но не эта женщина, не этого мужчину и не в этих обстоятельствах.

— И почему же так?

— Здесь мы входим в область фантазии, однако она для меня настолько же реальна, как если бы я сам при всем этом присутствовал, ну разве что ты сумеешь найти веские аргументы против моих рассуждений. Итак, вообрази себе такую ситуацию: ты — Стивен Винси и ждешь женщину, которая должна вручить тебе драгоценности на огромную, астрономическую сумму — в миллион фунтов стерлингов. Ты знаешь, что эти драгоценности именно столько стоят, и знаешь, что эта женщина точно придет. С ее приходом ты, по понятным причинам, связываешь надежды на полную перемену своей судьбы. И что же? Ну неужели ты в самом деле, даже если и не прохаживался бы нервно по гримерной, не находя себе места в ожидании, даже если бы ты и прилег на минутку, то разве не вскочил бы сразу же, как только она вошла? И вообще, разве во время ее недолгого пребывания ты мог бы лечь, держа в руках сумочку, полную

сокровищ? Ну разве человек, попавший в такое фантастическое приключение, ложится навзничь на кушетке? Зачем? Затем, чтобы та, которая принесла драгоценности, могла открыть ящик за его спиной, вынуть оттуда кинжал, о существовании которого вообще не подозревала? Нет. Винси просто не мог лежать в таких обстоятельствах. При этом Анджела Додд — женщина настолько хрупкая и столь явственно слабая физически, что трудно даже предположить, будто она могла бы спокойно и с такой силой ударить его в грудь, а потом затащить на кушетку и уложить там, чтобы имитировать самоубийство. К тому же заключение медэксперта говорит о том, что Винси погиб лежа, не так ли? Нет, мой дорогой, хоть такой аргумент на первый взгляд кажется ничтожным, я считаю его психологически совершенно оправданным. Никто не принимает миллион, лежа на кушетке в гримерке, вот так, наскоро, зная, что человек, который принес этот миллион, сейчас уйдет. Винси открыл бы сумочку и проверил ее содержимое, прежде чем возвращать письма. И у Анджелы Додд не было бы никакой причины, оставаться, если бы Винси лег вздремнуть… Да какое «вздремнуть»? Какой отдых? Ведь спектакль только что закончился. Он мог идти домой. У него был при себе миллион! И вообще — он должен быть к моменту ее прихода уже раздетым и разгримированным! Прошло двадцать минут с момента его ухода со сцены, потому что миссис Додд вошла в 10.15, а он вышел со сцены приблизительно в 9.50… У тебя есть какой-нибудь ответ на все это?

Паркер покачал головой.

— Действительно, трудно что-либо возразить. А у тебя самого есть на это ответ?

— Так я же тебе сказал — целых два! Винси мог убить один из двоих людей, которых я подозреваю. Конечно, допросы могут еще радикально изменить мой взгляд. В ходе расследования может выясниться нечто, чего мы не знаем и чего не предвидели. Но после того, что я увидел до сих пор, у меня есть только две версии решения. Либо версия «А», либо «Б». Я исключаю миссис Додд. Детектив Стивенс зря теряет время. Впрочем, не будем о Стивенсе. Что ты намерен делать теперь?

— Я хотел бы допросить весь персонал театра, а потом подумаем, — сказал Паркер. — Честно говоря, сегодня я как никогда рад, что пригласил тебя поработать с нами. Это дело как-то выскальзывает у меня из рук… Но ведь, в конце концов, прошло лишь неполных три часа. Ты прав — никто не требует найти убийцу в течение нескольких часов.

Некоторое время они молчали. Автомобиль мчался по пустынным улицам.

— Да… — Джо Алекс закрыл глаза. — Это невероятное дело. Я все еще не могу понять одного…

— Чего?

— Иногда мне начинает казаться, будто Винси убили два человека, независимо друг от друга… Я никогда еще не видел такого, чтобы следы вели в двух прямо противоположных направлениях. Двое каких-то людей ведут себя так, будто они его убили и теперь хотят замести за собой следы. Но почему? Почему? Ведь убийца был один и действовал в одиночку!

— Пусть меня убьют, как собаку! — пробурчал Паркер. — Да-да, пусть меня убьют, как собаку, и закопают в землю без всяких похорон, если я вижу тут хотя бы одного убийцу…

— Еще увидишь, — сказал Алекс и вдруг резко выпрямился на сидении. — Так что там, в конце концов, со временем убийства? Не может быть, чтобы доктор так долго проверял все… По-видимому, что-то у него не сходится. Вот увидишь — результат его исследований будет сенсационным!

— Ты так думаешь?

— Я уверен. У нас волосы встанут дыбом, когда мы узнаем, в котором часу на самом деле погиб Винси… Но вот объяснит ли это нам что-нибудь? Боюсь, что это не подскажет, кто его убил…

— Здорово! — сказал Паркер. — Прекрасно! Превосходно! Я тронут твоим оптимизмом. Люблю веселых, улыбчивых парней!

— Бен… — тихо сказал Алекс.

— Что?

— Когда будешь разговаривать с доктором, спроси, так, на всякий случай, мог ли Винси быть убитым левшой… ну, то есть левой рукой.

— Что такое? — Паркер тряхнул головой и посмотрел на Алекса. Но к своему удивлению, Алекс вдруг увидел, что инспектор широко улыбается. — Джо, я чувствую себя беспомощным, как ребенок, но я уже начинаю кое-что понимать. Я начинаю понимать, Джо!

— Это значит, что ты в лучшем положении, чем я. Я еще ничего не понимаю.

Инспектор потер руки и присвистнул сквозь зубы.

— Так… — сказал он, обращаясь то ли к себе, то ли к другу. — Это промелькнуло у меня в голове, когда мы беседовали с Дэвидсоном, но потом я забыл об этом. Я слишком много думал о миссис Додд. Дело казалось таким простым…

— Простым? — Алекс открыл глаза и посмотрел на друга. Он был очень серьезен в эту минуту. — Мне здесь еще ничего не ясно, хотя иногда кажется, что я знаю все, абсолютно все.

Автомобиль остановился. Паркер выпрыгнул из него, как пятнадцатилетний юноша, и оказавшись в дежурке, первым делом схватил телефонную трубку.

— Это вы, доктор? Да… Так… Так…Что? Да, это, конечно, очищает от подозрений одну очень симпатичную даму, которой я в глубине сердца желал всего самого лучшего… Но это осложняет дело… А скажите, он мог быть убит левшой? Что? Нет… Вы это исключаете… Ага… Так.. Ясно... Спасибо... Спокойной ночи, доктор…

Он положил трубку и взглянул на Алекса, который стоял в дверях, закуривая сигарету, вынутую из толстого кожаного портсигара.

— Знаешь, что он сказал, Джо?

— Сказал, что левша не мог совершить это убийство. А что со временем преступления?

— Он сказал дословно так: «Убийство было совершено в точно установленное время: между 9.00 и 10.00». По его убеждению, убийство было совершено задолго до 10.00, но он уступает перед фактами. Однако, он тут же заверил: «Я буду свидетельствовать как эксперт, под присягой в любом суде, что невиновен тот человек, которого обвинят в том, что он совершил убийство хоть на одну минуту позже этого срока». Винси был убит правой рукой. На это указывает угол раны и рисунок ее краев. Ну, ты знаешь, что при ударе существует определенная специфика и так далее…

— Да, знаю, — Алекс кивнул. — Это многое упрощает. Во всяком случае, ты можешь послать машину за детективом Стивенсом и позвони миссис Додд — надо освободить ее из-под домашнего ареста. В 10.00 она сидела в двух метрах от меня в зрительном зале.

Паркер тут же позвонил, и когда клал трубку, было видно, что он ощутил облегчение.

— Независимо от того, кто окажется убийцей, я рад, что это не миссис Додд, несчастная женщина, которая достаточно натерпелась в жизни по вине нашего покойника… А теперь я хотел бы разбудить директора Дэвид-

сона, если он уснул, и пару минут поговорить с ним о людях, которых мы будем допрашивать. Это немного облегчит нам дело.

— Я думаю, это хорошая мысль, — покивал головой Алекс.

— Тогда пошли! — Паркер открыл дверь дежурки, и они снова начали путешествие по коридору, минуя дверь гримерной Стивена Винси, за которой все еще горел яркий сильный свет.

XII. Второй разговор с директором Дэвидсоном

В коридоре они встретили сержанта Джонса, который прохаживался ровными шагами под надписью «Тишина!» и громко, но фальшиво насвистывал мелодию популярной песенки.

— Джонс!

— Да, шеф?

— Напиши мне четким почерком список всего персонала. Через пятнадцать минут я хочу видеть тут Генри Дарси, а потом по очереди остальных. В конце привезете Еву Фарадей. Я не хочу, чтобы они встречались. Здесь достаточно свободных помещений. Надо всех так распределить, чтобы они между собой не виделись и чтобы те, которых уже допросили, не могли рассказывать остальным, о чем шла речь.

— Слушаюсь, шеф! — Джонс направился в сторону дежурки.

Полицейский в штатском, стоящий у лестницы в конце коридора, вытянулся, когда Паркер поравнялся с ним.

— Директор Дэвидсон спускался вниз?

— Нет, господин инспектор.

— А кто-нибудь к нему входил?

— Тоже нет, господин инспектор. Никто, кроме наших людей, не передвигался по зданию.

— Хорошо.

Паркер и Алекс поднялись по лестнице. На стук в дверь Дэвидсон ответил сразу:

— Пожалуйста, входите!

Видно было, что он не ложился и не сомкнул глаз. Он сидел за столом под лампой и читал.

— Детективный роман! — директор вздохнул и отложил книгу в сторону. — Я не мог уснуть. Вы уже что-нибудь знаете, джентльмены?

— Знаем, — кивнул Паркер. — Мы уже многое знаем. К сожалению, мы еще не знаем, кто убил Стивена Винси. Поэтому хотим отнять еще немного вашего времени. Я хочу, чтобы вы коротко рассказали все, что знаете о членах актерского коллектива и вспомогательном персонале, которые находились вчера в театре во время совершения убийства.

— Боюсь, что о техническом персонале я знаю очень мало. У меня есть заместитель, который нанимает и освобождает от работы этот персонал, так же как и работников столярных, портняжных и малярных мастерских. Вызвать его?

— Нет. Пока нет. Но об актерах вы могли бы нам кое-что рассказать, не так ли?

Дэвидсон на секунду задумался.

— Единственные три человека, о которых я мог бы подробнее рассказать, это Генри Дарси, Ева Фарадей и помощник режиссера Джек Сойер. Остальных я плохо знаю.

— Хорошо. Тогда расскажите нам о них. Не с точки зрения расследования, а вообще…

— Пожалуйста. Итак — Дарси… Этот молодой человек прошел через сложные жизненные испытания. Он родился в цирке, в семье престидижитатора и имитатора голосов. Уже в восьмилетнем возрасте он познакомился с ареной. Как это обычно бывает в таких семьях, начал выступать вместе с отцом и матерью. Цирковой опыт переходит там от отца к сыну. Говорят, что Генри был очень способным мальчиком. Когда его отец умер, он оставил цирк и начал выступать в мюзик-холле с имитационными номерами. Был очень умен, и по-видимому, уже тогда очень много читал, иначе сейчас в возрасте тридцати пяти лет, не был бы столь образованным и начитанным. Когда началась война, он пошел в армию и был тяжело ранен. Как инвалида войны его из госпиталя в Индии отправили на родину. Когда-то он рассказывал мне об этом. Говорил, что читал и учился днем и ночью, потому что мечтал стать театральным режиссером. Ранение, полученное на фронте, и способности, которые, очевидно, были оценены, позволили ему сразу после войны поступить в высшую театральную школу. Его там очень любили. Люди, которые были его преподавателями, и те, кто вместе с ним учился, высказываются о нем как нельзя лучше. Полагаю, он не изменился с той поры. Генри необыкновенно талантлив. Думаю, что это, пожалуй, самый интересный режиссер нашего молодого поколения. Он находится в неустанных поисках, берет пьесу и на ее основе выстраивает собственную, оригинальную концепцию. Театральный мир очень считается с его мнением, а постановка «Стульев» принесла ему большой, подтвержденный всей критикой успех. Даже консервативная часть театральной общественности признала, что в этом спектакле есть гениальные ходы и решения… Ну что еще?.. Историю с Евой Фарадей вы уже знаете. Он познакомился с ней, когда его пригласили на встречу с любительским театральным коллективом одной ткацкой фабрики в провинции. Он поехал туда и вернулся ошеломленный талантом одной из девушек. Ей только что исполнилось двадцать два года. Это была Ева Фарадей. Это ее настоящая фамилия. Дарси сделал из нее актрису. Думаю, что он очень ее любит. Это дело с Винси было большим ударом для него. Я был здесь ежедневно во время репетиций, и почти каждый день мы подолгу обсуждали с Дарси всевозможные вопросы, связанные с подготовкой премьеры. Я видел, чего ему это стоило. Но он сохранял абсолютное спокойствие. Это невероятно сдержанный человек. Кажется, что у него совсем нет нервов. Я никогда не слышал, чтобы он повысил голос на актера. А ведь у иных режиссеров это часто случается. В нем нет ни капли истеричности, которая всегда сопровождает жизнь людей театра.

Он замолчал и задумался. Вероятно, о Дарси он сказал все, что считал существенным.

— А как шла работа над постановкой «Стульев»? — спросил Алекс делано скучающим голосом, но Паркер, который хорошо его знал, поднял брови и взглянул на друга с любопытством.

— То есть? — не понял вопроса Дэвидсон.

— Меня интересует, сложилась ли у режиссера концепция спектакля еще до начала репетиций, или он вносил в нее какие-либо изменения в процессе подготовки к премьере?

— Да… Некоторые изменения он вносил. Сначала он хотел, чтобы весь спектакль шел без антракта, потому что Ионеско ведь написал эту пьесу как одноактную. Но позже он пришел к выводу, что двое актеров не смогут внести на сцену нужное количество стульев, и тогда он решил прервать пьесу в определенном месте и дать публике передохнуть. А в это время технический персонал внесет на сцену двести или триста стульев, выстроив из них самые причудливые проходы. Кроме того, у него были проблемы с Винси. Вначале Винси ни за что на свете не хотел играть в маске. Это такие

тонкие нейлоновые маски; они плотно прилегают к лицу актера, но полностью лишают его мимики. Генри терпеливо и упрямо объяснял Винси, что еще в Древней Греции актеры Эсхила, Еврипида и кого-то там еще играли в масках. Наконец он пообещал ему, что на этот спектакль у него будут самые блестящие рецензии, несмотря на то, что он даже не покажет своего лица. Винси поверил. Ну, и это подтвердилось.

— А почему он сам сыграл эпизодическую роль Рассказчика, а не дал ее никому из актеров театра?

— Для него этот спектакль был очень важен, и он считал, что присутствие режиссера на каждом представлении будет держать актеров в тонусе. Ну, вы знаете, как актеры могут «разыграться» на двадцатом-тридцатом спектакле! Они меняют мизансцены, интонации, и спектакль начинает разлезаться по швам. Генри Дарси является сторонником абсолютного подчинения актеров общей режиссерской концепции.

— Интересно, а почему Рассказчик выходит без маски? — спросил Алекс. — Разумеется, это не имеет отношения к расследованию, но я задумался об этом еще во время спектакля.

— О, я тоже его об этом спрашивал. Он сказал, что Рассказчик — это ведь не кто иной, как сам Старик или то, что останется от Старика. Старик верит: то, что после него останется, объяснит смысл его жизни. Поэтому рассказчик одет точно так же, как Старик. У него только нет маски, потому что маска ему больше не нужна. Он ведь теперь уже не Старик, а лишь идея, тень, которая осталась от человеческой мысли. Поэтому у него на голове огромная шелковая шляпа, напоминающая о традиции бродячих уличных комедиантов. И тут оказывается, что эта тень человеческой мысли лишена какого бы то ни было контакта с теми, кто остался. Она бормочет что-то непонятное и уходит.

— Да-да… — покивал Алекс. — Я понимаю.

— А вот Ева Фарадей, — спросил Паркер, — она тоже считает Дарси очень способным человеком?

— Несомненно. Она верит в него, как в Бога. Я думаю, что для них обоих это была страшная трагедия. Она тоже его очень любила, и я не знаю, быть может, любит и сейчас. Думаю, что да. Он ее тоже. Такие люди, как Дарси, не перестают любить женщин, которые их бросают. Можете мне поверить. Я не знаю, что такого особенного имел в себе этот Винси, но он просто задул ее, как свечу, прежде чем она успела прийти в себя. Полагаю, она сама не поняла, как все это случилось. Но в этом человеке было что-то, перед чем не могла устоять ни одна женщина. Его обаяние было неоспоримым. Ева — очень способная девушка. Она скромна в обычной жизни, она такая тихая умница… Это качества, которыми редко обладают восходящие звезды театра или кино. Я в душе желаю и ей, и ему всего самого лучшего. Однако лишь время покажет, что из этого выйдет.

— У нас остался еще Джек Сойер…

— Это короткая история. Джек Сойер — сын моего одноклассника. Он учится на медицинском факультете. Я дал ему работу в театре, потому что его отец умер и парень должен содержать свою немощную матушку. Эта работа одновременно помогает ему закончить учебу, и мы стараемся, чтобы работа в театре не совпадала в утренние часы с лекциями в университете. Он обожает Дарси. Со своими обязанностями в театре справляется очень хорошо. Быть помощником режиссера вовсе не так легко, как кажется. О его ссоре с Винси вы уже знаете, да?

— Да, — Паркер встал. — Большое спасибо, господин директор. Если мне еще что-нибудь понадобится, вы позволите снова заглянуть сюда, хорошо?

— Разумеется. Я — холостяк. Я и так не мог бы высидеть один дома всю эту ночь. Так что тут останусь. Все равно не усну. А с утра надо будет заняться поиском замены Винси. А кроме того — репортеры! Не хочу даже думать об этом!

— Я тоже, — Паркер направился к двери. — Может, все же попробуете уснуть? Если б не надо было работать, я бы сейчас спал как суслик…

Он улыбнулся и вышел, а за ним Алекс, как верная, неразлучная тень.

XIII. Только никого не спрашивай о маске!

Паркер сел за столик в гримерной комнате убитого и начал вполголоса читать список лиц, присутствовавших в театре во время и после спектакля.

1) Стивен Винси — актер
2) Генри Дарси — режиссер
3) Ева Фарадей — актриса
4) Джек Сойер — помощник режиссера
5) Ричард Карузерс — электрик
6) Малькольм Сноу — рабочий на занавесе
7) Оливер Раффин — костюмер
8) Саймон Формс — пожарный
9) Уильям Галлинс — дежурный портье
10) Джон Найт — суфлер
11) Сьюзен Сноу — костюмер

И авторучкой дописал:

12) Анджела Додд — (имеет алиби) вошла в 10.15.

— Кроме того, двое рабочих сцены, которые во время антракта внесли на сцену стулья, после чего ушли домой. Их зовут: Стенли Хиггинс и Джошуа Брэддон. На всякий случай их тоже вношу в список.

— Это все? — уточнил Алекс.

— Это уже абсолютно все.

— Хорошо, — Алекс чуть заметно улыбнулся и снова стал серьезным.

— Чему улыбаешься? — спросил Паркер. — Хочешь что-то сказать?

— Нет. Ничего. Ага, ну разве что хочу тебя попросить, чтобы ты никого не спрашивал о маске Винси.

— Да? А почему?

— Сделай это для меня. Через час я тебе все о ней расскажу. По крайней мере, надеюсь, что расскажу.

Паркер колебался.

— Ну ладно, — согласился он наконец. — Сегодня ты правишь. Лишь бы только ты оказался мудрым и великим правителем!

— Попытаюсь заслужить признание полиции Ее Королевского Величества, — скромно сказал Алекс, — но в случае неудачи провалюсь со стыда под землю…

— Тогда попробуем без чудес, спокойно и неторопливо, — сказал инспектор. — Но может, начнем уже, Бога ради! Джонс!

— Да, шеф? — Круглая, коротко стриженная голова сержанта показалась в щели приоткрытой двери.

— Пригласи сюда мистера Генри Дарси.

— Слушаюсь, шеф!

Минуту спустя Генри Дарси вошел в комнату. Это был высокий, еще молодой человек, и его даже можно было бы назвать красивым, если бы

не очень высокий, выпуклый лоб, который занимал слишком много места, нарушая тем самым пропорции строения черепа. Алекс видел его первый раз в жизни, не считая эпизода на сцене, когда часть лица режиссера была скрыта полями большой черной шляпы. Джо заметил, что Дарси окинул гримерную спокойным, почти безразличным взглядом, который не задержался на кушетке.

— Садитесь, прошу вас… — Паркер указал ему на стул. — Вы, вероятно уже знаете, кто мы. Я веду расследование по делу об убийстве одного из ваших коллег, Стивена Винси. Можете ли вы что-нибудь сказать по этому делу?

Дарси медленно покачал головой.

— Нет, сэр.

И все. Голос у него был мягкий и приятный.

— Не заметили ли вы чего-нибудь необычного в течение самого спектакля либо после него?

— Нет.

— Гм… — Паркер помолчал. — Быть может, в таком случае, вы опишете нам как можно точнее каждую минуту, которую вы провели вчера вечером в театре «Чембер»?

— Конечно, — Дарси спокойно кивнул головой. — Я пришел в театр за несколько минут до начала спектакля. Поскольку выхожу на сцену под конец второго действия и по сути заканчиваю спектакль, мне не надо было торопиться. Но с другой стороны, я хотел присутствовать в театре во время спектакля. В коллективе возникли некоторые неурядицы… между мисс Фарадей и покойным Стивеном Винси. Поскольку они оба исполняли главные роли, а по сути — единственные роли, я предпочел быть здесь, чтобы в случае чего предотвратить дальнейшие недоразумения, которые негативно сказывались на ходе спектакля.

— Это была единственная причина? — спокойно спросил Паркер.

— Нет. Это была причина, «служебная», если можно так выразиться. А частной причиной было желание оградить Еву Фарадей от грубости со стороны покойного Винси. Он был трусом, а поскольку я пообещал, что убью его как собаку, если он когда-либо ее обидит, то полагал, что мое присутствие должно было его удержать.

— Значит, вы угрожали ему убийством только за то, что он невежливо разговаривал с мисс Фарадей?

— Да.

— Но почему, скажите, Бога ради?

— Не потому, что я действительно хотел его убить, — не думаю, что вообще смог бы убить человека… даже Винси, который, по моему убеждению, немногого стоил. Я думаю, что никто не имеет права убить другого человека ни по какой причине, кроме физической самообороны в каком-либо совершенно крайнем случае. И то, конечно, случайно. Намерение убить вообще не должно присутствовать в мыслях любого нормального человека, потому что убийство не перечеркивает никакого зла, убийство — это атака на все человечество, на все то, что является подлинным смыслом его существования. Даже официальную смертную казнь я считаю преступлением.

— Браво! — негромко сказал Алекс.

Дарси бросил на него быстрый взгляд, но увидев, что Алекс не иронизирует, кивнул головой как бы в знак благодарности.

— Но вы меня не об этом спрашивали. Я сказал так, потому что, как я упоминал, Винси был трусом, а я хотел любой ценой не допустить, чтобы

он еще раз нанес душевную рану человеку, который мне очень близок. Я люблю Еву Фарадей, и пусть это послужит мне оправданием.

— Хорошо… — кивнул Паркер. — Благодарю вас за искренность. Продолжайте, пожалуйста.

— Я оделся и загримировался перед началом спектакля, чтобы потом уже не думать об этом. Когда спектакль начался, я встал за кулисой и наблюдал за игрой актеров. Я обратил внимание на то, что Винси нервничает, — он два или три раза «проглотил» несколько предложений из текста, чего зрители не заметили, потому что это опытный актер и он умеет вести себя на сцене в таких случаях. Но я сразу понял: он чем-то очень расстроен, и не двинулся с места, опасаясь, не случится ли еще что-то. И действительно, в одной сцене, где Старуха, то есть Ева, обнимает Старика и прижимается к нему, я увидел, что Винси почти оттолкнул ее и зло сказал ей шепотом несколько слов, когда они переставляли стулья. Этого зритель тоже не заметил, но я, зная каждое слово и каждую интонацию голоса в этом спектакле, сразу заметил, что Ева расстроена… Когда первый акт закончился и занавес, наконец, опустился, Винси повернулся на месте и сразу скрылся за кулисой, а Ева, пошатываясь и рыдая, сорвала с лица маску. Я подбежал к ней и проводил ее до гримерки. Оказалось, что она запачкала его костюм помадой… — Дарси на минуту замолчал, как бы вспоминая. — Да, — продолжал он: — Я проводил ее до гримерной и там успокаивал вместе с костюмершей. У Евы был такой приступ рыданий, что она никак не могла успокоиться. Актрисы случаи такого рода переживают очень остро, потому что во время спектакля нервы и так напряжены до предела. Потом в гримерку постучал один из рабочих, которого послал помреж. Выяснилось, что произошла какая-то ошибка в расстановке стульев на сцене, и они хотели убедиться, все ли в порядке. Я вместе с рабочим пошел на сцену и пробыл там несколько минут. Потом прошел через всю сцену и направился в коридор, к двери, находящейся напротив гримерки Винси. Там мне встретился электрик Карузерс. Кабель одного из осветительных приборов искрил под конец первого акта. Свет является очень важной составной частью моего спектакля, поэтому я на ходу слушал, что мне говорил Карузерс. Правда, я не очень много слышал, потому что был в ярости. У двери гримерки Стивена я отослал Карузерса, отделавшись от него парой слов. Через три минуты занавес должен был подняться. Я вошел. Винси сидел на кушетке и смотрел на корзину с цветами… Вот на эту… Я подошел к нему. Не знаю, кажется, я хотел его ударить. Но он тут же встал и начал быстро извиняться. Он сказал, что у него был сегодня ужасный день, что его мучает головная боль, а кроме того, у него какие-то неприятности… И он дает мне слово, что это никогда больше не повторится. Когда он начал так говорить, злость у меня сразу прошла, а говорить он умел очень убедительно. Во всяком случае, я вышел, не сказав ни слова, в полной уверенности, что это действительно никогда больше не повторится.

— Это уж точно, — прошептал Алекс.

Дарси бросил на него взгляд и продолжал:

— Во время второго акта я стоял все время в темной кулисе и смотрел до той самой минуты, когда пришла моя пора выходить на сцену. Потом была овация зрителей. Винси не вышел. Я подумал, что, быть может, это из-за головной боли, о которой он мне говорил, или, может, он обиделся на меня и хочет дать мне понять, как режиссеру, что ему плевать и на меня, и на эту роль. Надо сказать, что в последнее время Винси вообще вел себя довольно странно, он постоянно говорил, что ему надоела эта клоунада в масках и что он уйдет из театра… Я вышел со сцены вместе с Евой Фарадей, потом разгримировался, переоделся и позвал костюмера, чтобы

он почистил мой костюм. Я зашел к Еве, которая была уже одета, но еще заканчивала свой туалет, потому что у женщин это всегда занимает больше времени. А потом мы вместе вышли из театра. Вот и все.

— И вы нигде не заметили ничего необычного?

— Нет… ну, может, только вот… Но это, наверно не имеет значения… Когда мы выходили и я проходил мимо двери гримерки Винси, я на что-то наступил… Я наклонился. Это был ключ. Я посмотрел и увидел, что замочная скважина светится, ну я и вложил в нее этот ключ. Я подумал, что Винси, вернувшись со спектакля, так резко захлопнул дверь, что ключ выпал. Изнутри не доносилось ни звука, и мы с Евой подумали, что он, наверно, уже ушел. Ну, и это уже в самом деле все…

— Из вашего рассказа следует, что с той минуты, как вы сошли со сцены и до минуты выхода из театра вы постоянно находились среди людей и ни минуты не были один, правильно?

— Нет. Я был один в своей гримерке. Костюмер тогда находился в коридоре и ждал, когда я его позову.

— Из вашей гримерной нет другого выхода?

— В ней нет даже окна.

— Ясно. Благодарю вас, мистер Дарси. Будьте так добры отправиться сейчас в эту вашу гримерную и ожидать там возможного вызова. Мне очень жаль, что я должен просить вас об этом в половине четвертого утра, но, быть может, вам придется дополнительно дать нам необходимые пояснения, если в том возникнет необходимость. Благодарю вас еще раз.

— Я в вашем распоряжении… — Дарси встал.

Паркер проводил его до двери и спросил у Джонса:

— Здесь помреж Джек Сойер?

— Да, шеф.

— Давайте его сюда через пять минут.

— Хорошо, шеф.

Инспектор вернулся и сел.

— Ну, и что ты думаешь, Джо?

— Думаю, что теперь я уже знаю, кто убил Стивена Винси. Но я все еще не совсем в этом уверен.

XIV. Никто не мог его убить

Когда закрылась дверь за последним из допрошенных членов вспомогательного технического состава театра, Паркер тяжело вздохнул.

— У нас осталась лишь Ева Фарадей, — сказал он. — Если, явившись сейчас, она не скажет с обаятельной улыбкой, что убила Винси, я не знаю, что делать! Но, впрочем, даже если бы она и вправду так сказала, я не мог бы ей поверить! Сам посмотри: отбросив Стивена Винси, который был убит, и Анджелу Додд, которая пришла за кулисы после совершения преступления, у нас остается двенадцать человек. Нас интересует, что они делали с того момента, когда Винси сошел со сцены. Итак:

1) Генри Дарси: вышел на сцену через несколько секунд после ухода с нее Винси, то есть, он никак не мог убить Винси в гримерной, потому что не успел бы вовремя вернуться. Потом он произнес свой нечленораздельный монолог, потом проводил Еву Фарадей до ее гримерной, а сам отправился в свою, что подтверждается показаниями его костюмера, который не отходил от его двери, ожидая, пока его позовут. Были там в коридоре еще рабочий занавеса Малькольм Сноу и суфлер Джон Найт, которые ждали, пока Сьюзен Сноу закончит переодевать Еву Дарси. Таким образом, у

Дарси есть три свидетеля, которые не отходили от его гримерной, а потом видели, как он вошел к Еве. Гримерная Евы тоже без окон, а единственная дверь ведет в коридор, напротив двери гримерной Дарси. Потом они с Евой вышли из ее гримерной, и он повез ее на ужин на своем автомобиле, который стоял у входа в театр. Все! Аминь! Ни минуты один!

2) Ева Фарадей: еще не давала показаний, но у нас есть показания Дарси, костюмерши Сьюзен Сноу и других. После ухода со сцены она стояла в кулисе, а рядом с ней стояли помреж, а также суфлер. Потом она вышла на поклон. Со сцены вместе с Дарси она отправилась в свою гримерную. Дальше — смотри выше. Ни минуты одна! Аминь.

3) Оливер Раффин, костюмер: перед уходом Винси со сцены сидел в гримерной Евы Фарадей и разговаривал со Сьюзен Сноу до самых аплодисментов в конце спектакля. Тогда они вдвоем вышли и ждали, пока придут актеры. Потом… Смотри дальше — ни минуты один! Аминь!

4) Сьюзен Сноу, костюмер: ни минуты одна! Аминь!

5) Малькольм Сноу — рабочий на занавесе…

6) Джон Найт, суфлер: оба показали, что в минуту, когда Винси покидал сцену, они стояли вместе и разговаривали о футбольном тотализаторе. Весь этот театр играет на тотализаторе! Потом они вместе стояли в коридоре перед гримерными Евы Фарадей и Дарси и там заполнили купоны, ожидая Сьюзен Сноу. Потом вместе с ней и Раффином отправились вчетвером на ночной пункт тотализатора. Ни минуты никто из них не был один! Аминь!

7) Джек Сойер, помощник режиссера: нервничал из-за того, как шел спектакль. Сначала Винси вывел из равновесия Еву Фарадей, а потом половину антракта рабочие спорили, куда на сцене ставить стулья, так что он сам начал колебаться, и пришлось посылать за режиссером. После спектакля у него алиби, связанное со следующими людьми —

8) Саймон Формс, пожарный за кулисами, и

9) Ричард Карузерс, электрик.

У Ричарда Карузерса в первом акте возникли проблемы с одним из осветительных приборов. Во время антракта он пытался починить его, но безуспешно. Видя проходившего мимо Дарси, он подошел к нему, чтобы спросить, что делать, если этот прибор погаснет, но Дарси производил впечатление человека не в себе и ответил ему невпопад. Карузерс проводил его до двери гримерной Стивена Винси, а потом быстро пошел обратно, потому что вот-вот должен был начаться второй акт. Не успел он подняться в ложу осветителей и проверить работу приборов, как занавес открылся. С Дарси он расстался приблизительно за три минуты до начала второго акта. Во время второго акта поврежденный прибор начал мигать, и Карузерс почувствовал запах паленой резины. Тогда он подал знак пожарному Саймону Формсу и помрежу. Ему пришлось выключить испорченный прибор и манипулировать другими, чтобы не нарушать освещения сцены до конца спектакля. Но сразу потом они втроем обследовали весь кабель, нашли поврежденное, тлеющее место, ликвидировали повреждение и все вместе отправились в раздевалку для персонала, где пожарник тоже оставлял свою шапку, потому что службу на сцене нес в пожарном шлеме. Никто из них троих не расставался с остальными ни на минуту после спектакля! Аминь!

10) Уильям Галлинс, дежурный портье: сидел до конца спектакля с сестрой жены, которую посадил в такси в 10.10; выходившая в это время из театра четверка, шедшая сдавать купоны на тотализатор, видела, как Уильям сажал девушку в машину, и кто-то даже пошутил, что вовсе не надо быть актером, чтобы отправлять из театра по вечерам домой девушек

на такси. А десять часов — это та граница, которую переступать нельзя, — судебный медик под присягой заявит, что Винси в это время был уже трупом. Значит, Галлинс его не убивал. Аминь!

11) и 12) Рабочие сцены Стенли Хиггинс и Джошуа Брендон отнесли на сцену стулья и расставили их там, поговорили несколько минут с помощником режиссера, а потом ушли из театра, потому что декорации разбирают перед следующим спектаклем. Впрочем, декорация там единственная и смена заключается лишь в установке большего числа стульев в антракте. В связи с этим руководство освобождает их на этом спектакле раньше, потому что больше им нечего делать. Когда Винси погиб, их уже более получаса не было в театре, что подтвердил дежурный Галлинс, который видел, как они уходили. Аминь! И это все. Никто не мог войти в театр через дверь, ведущую в зрительный зал, потому что у этой двери ручка есть только со стороны кулис, а если бы кто-то захотел войти со стороны зала, ему пришлось бы звонить. А звонок как раз предыдущим вечером испортился, и Карузерс забыл его починить! Это чтоб было смешнее! Никто в тот вечер не приходил в гости к актерам за кулисы. Никто не входил со стороны дежурки, где находится портье, ни перед спектаклем, ни во время него, ни после. Единственным человеком, который приходил в тот вечер, была Анджела Додд. Круг замкнулся. Никто не мог убить Стивена Винси!

— Будь оптимистичнее, — мрачно улыбнулся Алекс. — Его все же убили.

— Да, это так, — Паркер вздохнул. — Его убили, а мы еще не допросили Еву Фарадей. Джонс!

— Да, шеф?

— Пригласи сюда мисс Еву Фарадей… Или нет. Пусть она придет в другое место. Есть тут какая-нибудь свободная гримерная?

— Да, шеф.

Джонс указал им дорогу. Они миновали главный коридор и вошли в другой, параллельный тому, где находилась гримерная Винси. Первая пара дверей, расположенных напротив друг друга, вели в гримерные Евы Фарадей и Генри Дарси. По коридору прогуливался детектив Маллинс. Джонс разместил в гримерных шестерых допрошенных лиц, но одна комната оставалась свободной. Туда он и привел инспектора и Алекса.

Через минуту вошла Ева Фарадей. Это была молодая, невысокая девушка со спокойным, красивым лицом, обрамленным длинными прямыми темными волосами. Большие оливковые глаза были слегка покрасневшими. Паркер указал на стул и повторил несколько вежливых фраз, которыми он всегда предварял допрос женщин. Потом попросил ее подробно описать прошлый вечер. Показания Евы не внесли ничего нового. Она лишь подтвердила то, что говорили Дарси и другие.

— Прошу вас теперь подумать: не было ли чего-нибудь, что бы вас удивило или показалось необычным, странным, во время спектакля, перед ним или после него?

— Нет… Н-нет… — она заколебалась.

— Что? В чем дело? — инспектор сделал жест рукой, будто приглашая ее к разговору. — Пожалуйста, скажите нам, даже если это какая-то совсем незначительная мелочь… Никогда не известно, что может быть важным для расследования, пока оно не закончено.

— Ну, может, только одно… Но это такой пустяк… Во втором акте есть момент, когда я, ну, то есть, Старуха, боясь мысли о смерти, бежит через всю сцену в сторону Старика, крепко его обнимает и прижимается к нему изо всех сил… В первом акте тоже есть очень похожая сцена, но там я обнимаю его, стоя перед ним. Именно в первом акте Стив… мистер

Винси оттолкнул меня, когда я нечаянно выпачкала его помадой… Так вот, во втором акте я бежала, все время помня об этом, и во время объятия повернула голову набок. Из-за этого я прижалась к нему, быть может, даже еще сильнее… и…

— И вы почувствовали какой-то маленький твердый предмет в кармане его блузы на груди, верно? — спросил Алекс.

— Да! Но откуда вы об этом узнали?

— Я так предполагал.

Паркер посмотрел на него с удивлением, но не сказал ни слова.

— А как вел себя Винси во время спектакля? — продолжал спрашивать Алекс. — Это очень интересует нас. Не считаете ли вы, что если в первом акте он был очень возбужден, то во втором это возбуждение спало, словно для него что-то прояснилось.

— Да! — Ева Фарадей энергично закивала головой. — Я почти так же подумала. Я боялась второго акта, потому что мои нервы совершенно сдали и… Я опасалась, что могу расплакаться на сцене, если он снова что-нибудь скажет или сделает… Актеры умеют сделать или сказать что-то настолько незаметно, что зрители даже понятия ни о чем не будут иметь, но партнер прекрасно это почувствует и услышит… Я вся тряслась от страха, потому что это было бы хуже всего… Личные отношения людей — это лишь их дело, но если в середине спектакля опускается занавес — это… Этого никто не поймет, если он не актер…

— Мы стараемся это понять. Итак — какое же впечатление у вас было во втором акте?

— Винси изменился. Он играл быстро. Он ни разу не ошибся. Ни разу не перепутал текста… Он был хладнокровнее… Мне никогда еще так хорошо не игралось с ним… Под конец я даже почти забыла обо всех наших конфликтах. Я была просто очарована и из-за этого сама сыграла хуже… но он очень удивил меня…

— Ясно, — Алекс с пониманием кивнул головой. — А вы не подумали о том, как это любезно с его стороны, что он стер пятно от помады?

— Нет, — Ева удивленно подняла брови. — А почему я должна была так подумать? Такие вещи делает костюмер, это его обязанность. Я отметила это без всяких задних мыслей. Это не имело ничего общего с той ситуацией, которая создалась между нами… Нет, мне даже в голову не пришло, что это был какой-то жест с его стороны… Потому что ведь и не был…

— Конечно, нет. — Алекс встал. Паркер тоже.

— Спасибо мисс Фарадей, — сказал инспектор. — Если вы не слишком устали, мы бы попросили вас еще немного подождать в своей гримерной. Вы ведь можете там даже прилечь, не так ли?

— О нет, мне кажется, что я уже никогда не усну! — сказала Ева Фарадей с неожиданным отчаянием в голосе и, отвернувшись, вышла, едва сдерживая слезы.

— Бедняжка… — Алекс смотрел ей вслед. — Она так хорошо держалась во время всего допроса. Но достаточно было лишь одного слова об обычном человеческом состоянии — о сне, как она не выдержала…

— Да бог с ней, с мисс Фарадей и с ее сном! — с горечью сказал Паркер. — Ты можешь мне объяснить, наконец, куда я иду за тобой, а со мной и все расследование?

— Мы все идем вьющейся узенькой тропинкой в сторону убийцы Стивена Винси… — продолжил Джо Алекс. — А следующим моим шагом по этой тропинке будет одна маленькая просьба к тебе.

— Какая же?

— Я прошу тебя дать мне фонарик и ключи от двери, ведущей из коридора на сцену.

Паркер обернулся.

— Джонс!

— Да, шеф? — сержант появился в дверях, как известная игрушка, которая выскакивает из коробочки после нажатия кнопки.

— Фонарик и ключи от двери на сцену!

— Да, шеф, — голова исчезла.

— Будет тебе сейчас фонарик… — сказал Паркер. — Чего ты еще хочешь, чтобы привести меня туда, куда я безрезультатно хочу прийти с 12.25 ночи, то есть с той минуты, как мы пришли сюда?

Алекс взглянул на часы.

— Сейчас двадцать пять минут шестого. Я обещаю тебе, что через час ты будешь знать, кто убийца, хотя я сам еще не знаю со всей уверенностью, кто он. Но тот факт, что Винси не мог погибнуть и все же погиб, очень нам помогает. Ну — подумай.

— Во-первых… — начал инспектор и вдруг умолк. — О Господи! — воскликнул он. — О, Господь всемогущий!

— Давай позовем его сюда, ладно? Но позволь на этот раз мне поговорить с ним…

— Согласен! — сказал Паркер и направился к двери, чтобы отдать распоряжение сержанту Джонсу.

Перевод с польского Роберта СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО
при участии Владимира КУКУНИ
по эксклюзивному праву, предоставленному автором.

Окончание следует.

Зоя ЛЫСЕНКО

Балетное лето под сенью сонетов

Большой театр Беларуси известен в мире не только благодаря обширным зарубежным гастролям и сотрудничеству его солистов и постановщиков с прославленными оперными и балетными труппами разных стран, но и благодаря своим международным акциям. К наиболее знаковым из них относятся Минский международный оперный форум, Минский международный Рождественский конкурс вокалистов и международный фестиваль «Балетное лето в Большом». Последняя из названных акций в очередной раз прошла на сцене главного театра нашей страны в июне текущего года.

По традиции на этом фестивале показываются премьеры Большого театра Беларуси последнего сезона, а также яркие постановки, связанные с громкими именами авторов, хореографов и балетмейстеров, в которых принимают участие зарубежные звезды балета. Всегда в рамках фестиваля выступает также один из приглашенных театров — на этот раз им оказался молодой, динамично развивающийся коллектив «Астана Балет» из Казахстана, который на суд белорусского зрителя и зарубежных гостей привез семь современных композиций — необычных и очень оригинальных, отличающихся от других своей тематикой, эстетикой и принципом постановки. Особый интерес вызвал национальный блок программы «Наследие великой степи», созданный казахскими и зарубежными хореографами с использованием музыки современных казахских композиторов и народной музыки в современной обработке. И как всегда, завершал фестиваль грандиозный гала-концерт с участием ведущих солистов белорусской труппы, участников фестиваля и приглашенных звезд балета из России, Польши и Германии.

В целом «Балетное лето в Большом» было представлено разнообразием хореографических стилей, школ и направлений, образцами классической и современной хореографии, полнометражными балетами и хореографическими миниатюрами.

Но при этом неизменным оставался принцип: начинать фестиваль «Лебединым озером» П. И. Чайковского. Это произведение, впитавшее в себя достижения балетного искусства XIX века и во многом определившее его развитие в XX веке, сегодня является ярчайшим образцом вечно живой классики. Оно есть в репертуаре практически всех театров мира, и без него вообще невозможно представить балетное искусство как таковое. По традиции на исполнение главных партий в «Лебедином озере» Большой театр Беларуси приглашает известных танцовщиков из зарубежных театров. На нынешнем фестивале этот балет был показан два дня подряд, притом каждый раз — с новыми исполнителями главных партий. В первый день фестиваля партии Одетты-Одиллии и Зигфрида исполнили гости из Украины Анастасия Шевченко и Станислав Ольшанский — солисты Национального театра оперы и балета имени Т. Г. Шевченко; во второй день — Нино Самадашвили из Грузинского театра оперы и балета и Игорь Колб из Мариинского театра.

Данная постановка в ее классической версии с хореографией Льва Иванова, Мариуса Петипа и Александра Горского существует на сцене Большого театра Беларуси уже более тридцати лет. В 2012 году была осуществлена ее новая редакция, над которой работали художественный руководитель балета Юрий Троян и балетмейстер Александра Тихомирова, внесшие в постановку также свой хореографический вклад.

В фестивальной афише были представлены еще три яркие постановки Большого театра Беларуси: классическое Гран-па из балета «Пахита» Людвига Минкуса, современная композиция культового чешского хореографа Иржи Килиана «Шесть танцев» на музыку Вольфганга Амадея Моцарта и очень оригинальная премьера последнего сезона — балет «Сонеты», созданный Александрой Тихомировой на музыку британских композиторов Питера Уорлока и Ральфа Воан-Уильямса. Именно эту постановку, литературной основой которой стали сонеты Уильяма Шекспира, следует рассмотреть более детально. Но об этом — чуть ниже.

А вначале хочется рассказать о предшествующей работе Александры Тихомировой, показанной в рамках данного фестиваля в прошлом году, — балете «Маленький принц» на музыку белорусского композитора Евгения Глебова. Именно эта постановка стала лауреатом Национальной театральной премии Республики Беларусь 2016 года в номинации «Лучший спектакль балета». И естественно, говоря о работах балетмейстера, нельзя хотя бы вкратце не рассказать о ее творческом пути и очень плодотворном сотрудничестве с Большим театром Беларуси, о чем свидетельствует государственная награда: в 2016 году Александра Тихомирова была удостоена медали Франциска Скорины.

Штрихи к портрету. *После окончания с отличием Саратовского хореографического училища в 1991 году Александра Тихомирова на протяжении четырех лет танцевала на сцене Мариинского театра. Однако, чувствуя в себе склонность к педагогической и балетмейстерской деятельности, распрощалась с карьерой танцовщицы и с 1995 года перешла на новую творческую стезю. В 2000 году окончила Санкт-Петербургскую консерваторию им. Н. А. Римского-Корсакова по специальности «репетитор-балетмейстер». Ее учителем в консерватории был знаменитый танцовщик и балетмейстер, народный артист СССР, профессор Никита Александрович Долгушин, который в те годы возглавлял кафедру режиссуры балета.*

В период учебы в консерватории Александра Тихомирова активно занималась репетиторской и преподавательской деятельностью, в частности, была педагогом кафедры пластического воспитания Санкт-Петербургской академии театрального искусства, где продолжала работать и в последующие годы. Параллельно как хореограф и балетмейстер сотрудничала с различными театрами России и ближнего зарубежья. А после окончания учебы начала работать педагогом-репетитором балетной труппы под руководством Н. А. Долгушина в Театре оперы и балета Санкт-Петербургской консерватории. Позднее — педагогом-репетитором Санкт-Петербургского академического театра балета имени Леонида Якобсона.

В качестве ассистента балетмейстера Тихомирова участвовала во многих постановках Долгушина, в частности, балет «Эсмеральда» был ими поставлен в трех театрах, в том числе — в Большом театре Беларуси в 1999 году, и сохраняется в репертуарной афише до сегодняшнего дня. Позднее последовала их совместная работа в нашем театре над балетами «Сильфида» и «Жизель».

Начиная с 2010 года Большой театр Беларуси начал приглашать Александру Тихомирову в качестве хореографа и балетмейстера для постановки балетных сцен в ряде оперных спектаклей. А с 2011 года она является штатным балетмейстером-постановщиком нашего театра. За этот период ею был поставлен балет Петра Ильича Чайковского «Щелкунчик, или Еще одна рождественская история» в новой хореографической трактовке, классические «Па-де-катр» и «Праздник цветов в Чинзано», вошедшие в вечер балета «Из века XIX в век XXI», а также три современные постановки, о которых будет рассказано ниже.

«Маленький принц»

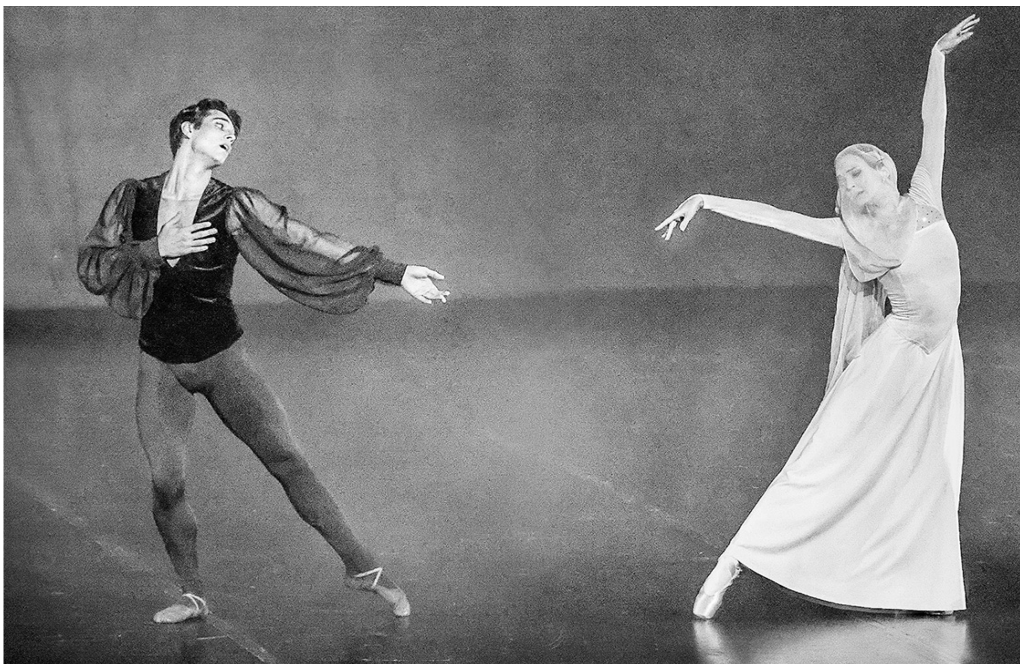
Этот балет был поставлен в сезоне 2015/2016 годов. Как уже отмечалось, он стал лауреатом Национальной театральной премии и был включен в афишу прошлогоднего фестиваля «Балетное лето в Большом». Наш прославленный композитор народный артист СССР Евгений Глебов написал это произведение еще в 1981 году. И оно было вскоре поставлено, но не в Минске и не в одном из городов Союза, а в Хельсинки — в театре Суоми опер. И уже после мировой премьеры в Финляндии «Маленький принц» был поставлен в нескольких городах России, в том числе — в Большом театре в Москве. А его путь на белорусскую сцену оказался длиною почти в 35 лет.

Минская постановка стала новым взглядом и на музыку Глебова, и на литературную основу балета — аллегорическую повесть Антуана де Сент-Экзюпери. Александра Тихомирова в содружестве с вдовой композитора Ларисой Глебовой создала новую версию либретто. Соответственно дирижер-постановщик Олег Лесун пересмотрел партитуру — осуществил некоторые перестановки музыкальных номеров и привнес новые, из других произведений композитора.

В повести Экзюпери, которая по существу является философской сказкой-притчей, нет сюжета в его традиционном понимании, а потому нет и видимого конфликта. Это произведение как бы скомпоновано из отдельных картин, которые отличаются своим образным строем и не связаны между собой общей фабулой. На таком материале трудно выстроить даже драматический спектакль. Но благодаря условной природе балета постановщику удалось в хореографическом тексте соединить эти эпизоды с позиции философского взгляда на их главного героя, как бы представляя общую картину его бытия.

Александра Тихомирова старалась акцентировать внимание на скрытых смыслах, которыми изобилует текст этого произведения, как бы обращаясь к личности самого автора. Ведь не без оснований считается, что образ Маленького принца глубоко автобиографичен и рожден ностальгией Экзюпери по самому себе в детстве — отпрыску древнего дворянского рода, которого из-за кудрявых белокурых волос в семье называли Король-Солнце. Конечно, в произведении образ Маленького принца не сливается с образом Летчика (кем был Экзюпери), однако взаимоотношения Принца с капризной и трогательной Розой, по мнению друзей писателя, очень походили на взаимоотношения самого Экзюпери с его женой Консуэло. Поэтому в спектакле и появились две параллельные пары: Маленький принц и Роза, а также Летчик и его Любимая. Даже одеяние у Розы и Любимой идентичное — красное, отличия между этими персонажами лишь в их пластической персонификации и хореографической лексике.

В этом балете, как и во всех других, несколько составов исполнителей. На фестивальном показе партию Маленького принца исполнял Константин Героник,

Поэт и Мечта (Константин Героник и Ирина Еромкина).Фото Павла Баса.

Розы — Людмила Хитрова, Летчика — Егор Азаркевич, Любимой — Александра Чижик. Особенное место в постановке отведено образу Фонарщика, партию которого исполнял Антон Кравченко. Этот персонаж, осуществляя смысловую связь между отдельными эпизодами, как лейтобраз проходит через весь спектакль. Постановка начинается дуэтом Фонарщика и Летчика и им же заканчивается; Фонарщик становится проводником Летчика в мир грез, и он же возвращает его к реальности, помогая понять мир людей, и главное — понять и принять свою Любимую. В балете присутствуют и такие персонажи повести, как Лис и Змея, а также проходит череда ярких характерных героев: Король, Честолюбец, Пьяница, Финансист, с которыми встречается Маленький принц во время полетов и поведение которых ему кажется очень странным и непонятным.

Этот спектакль можно рассматривать как зримую иллюстрацию развития человеческой личности, где показывается, что все же можно сохранить в себе то, что каждому дается от рождения, но большинством с возрастом теряется. Отсюда — аллегорический мир полетов, так оригинально и ярко представленный в постановке, который воспринимается как полет творческой мысли; а также мир пустыни, в которой оказывается творец, если его не принимают.

Образному восприятию балета очень способствует оригинальная и стильная сценография Вячеслава Окунева — народного художника России, который сотрудничает со всеми ведущими театрами мира, в том числе очень плодотворно и с нашим Большим театром, о чем свидетельствует звание лауреата Государственной премии Республики Беларусь. Естественно, в своей сценографии он использовал авторские рисунки Экзюпери: удава, который проглотил слона, змеи, лиса, и конечно же, — знаменитой фигурки Маленького принца и его Розы. А применение видеопроекции создает впечатление многослойности и объемности декораций, которые, трансформируясь, четко следуют за сценическим действием, погружая зрителя в атмосферу микро- и макрокосмоса. В целом сценография этого балета воспринимается, с одной стороны, как сменяющийся видеоряд иллюстраций к повести Экзюпери, а с другой — как своеобразная расшифровка сценического действия.

«Сонеты»

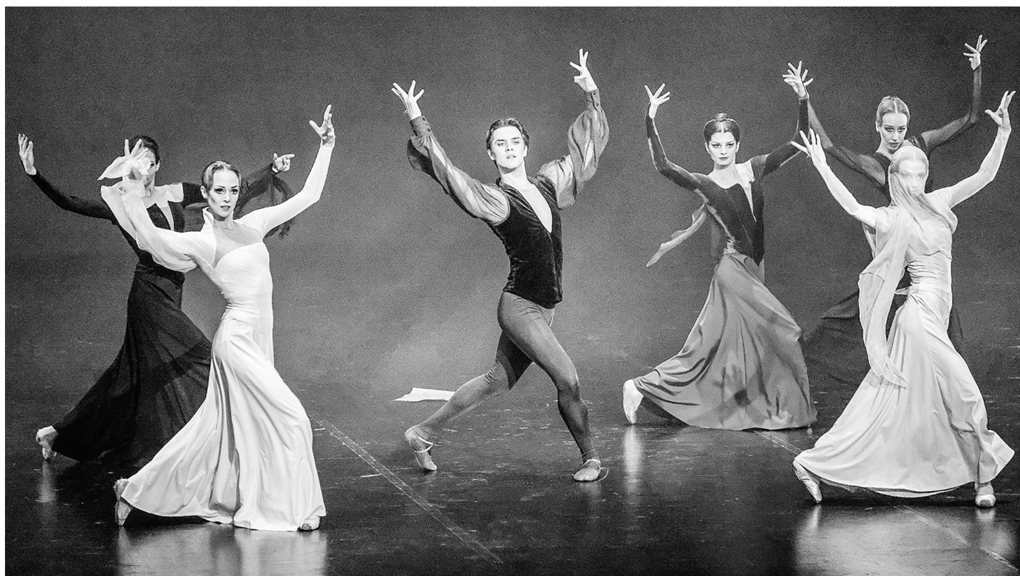
Этот удивительный балет, созданный в стенах Большого театра Беларуси и поставленный в последнем сезоне, сразу же вызвал к себе повышенный интерес. Интриговало само сочетание понятий: сонеты и балет, что в свою очередь подогревало зрительский интерес — каким образом это может быть воплощено на сцене? Одно дело, например, известный балет «Ромео и Джульетта», созданный по одноименной трагедии Уильяма Шекспира, и совсем другое — совершенно новая постановка по его сонетам, в которой нет сюжета как такового. Поэтому и для гостей нынешнего «Балетного лета в Большом» спектакль «Сонеты» стал настоящим открытием. А иначе и быть не могло, ведь это — совершенно эксклюзивная постановка, авторская работа Александры Тихомировой. Ей принадлежит сама идея создания балета, она же является автором либретто и сценографии, и естественно — создателем хореографии и балетмейстером-постановщиком.

В авторском предисловии, размещенном в программке к балету, Александра Тихомирова указывает: «Моему Учителю, блестящему танцовщику и педагогу Никите Александровичу Долгушину посвящается». И это неспроста — ведь сегодня она продолжает разрабатывать ту тематику, в которой так успешно работал Долгушин и к которой он ее приобщил.

— У Никиты Александровича был целый цикл балетов, основанных на произведениях Шекспира: «Ромео и Джульетта», «Король Лир», «Павана Мавра», «Гамлет», «Шекспириана», где он исполнял главные партии, — рассказывает Тихомирова. — И мне очень повезло: на творческом вечере Фаруха Рузиматова, премьера Мариинского театра, я имела счастье танцевать в паре со своим Учителем в балете «Павана Мавра» по трагедии «Отелло», созданном выдающимся американским хореографом Хосе Лимоном на музыку Генри Пёрселла. Партию Мавра исполнял сам Фарух Рузиматов, партию Яго — Никита Долгушин, а я — партию Эмилии (жены Яго). Мое участие в том спектакле инициировал виновник торжества — Фарух Рузиматов, а Никита Александрович его поддержал. Для меня это был настоящий подарок судьбы. Ведь к тому времени я уже на протяжении шести лет занималась другой профессией и как танцовщица на сцену не выходила. И здесь просматривается определенная магия чисел и событий: это произошло 5 июня 2001 года — спустя ровно 10 лет после того, как я получила диплом об окончании хореографического училища. Так что этот день стал очень значимым итогом первого десятилетия моей творческой жизни.

По словам Александры Тихомировой, углубление в творчество Шекспира закономерно привело ее к увлечению шекспировской эпохой в целом и музыкальной культурой того времени в частности. А ведь в таких случаях соответствующие артефакты как бы сами притягиваются к увлеченной натуре.

— В 1999 году мы с Никитой Александровичем ставили в Казани балет «Спящая красавица», — рассказывает Александра Владимировна. — И там у меня произошла встреча с замечательным камерным оркестром «La Primavera» под управлением Рустема Абязова. На одном из лицензионных дисков этого оркестра была записана программа из произведений английских композиторов первой половины XX века. И две вещи из этой программы меня както по-особенному зацепили: сюита «Каприоль» Питера Уорлока и фантазия на тему старинной ирландской песни «Зеленые рукава» Ральфа Воан-Уильямса. Для меня особенно притягательным было то, что эти композиторы черпали вдохновение в старинных аутентичных темах XVI века, пользуясь, естественно, приемами написания музыки конца XIX — начала XX века. С тех пор я этой музыкой, как говорится, заболела и постоянно возвращалась к мысли, что же можно поставить в данной стилистике… Но еще раньше подобным образом меня захватили сонеты Шекспира, и у меня зародилось подспудное желание каким-то образом перевести их на язык хореографии. Так в резуль-

Сцена из балета «Сонеты». Фото Павла Баса.

тате творческих исканий одна идея нашла другую, и они соединились. Своим замыслом я поделилась с руководством театра. Меня поддержали, и я получила карт-бланш на осуществление постановки балета, который существовал тогда только в моем воображении.

Здесь поражает прежде всего оригинальность замысла, и конечно же, творческая смелость балетмейстера. Трудно создать с нуля хореографию даже на программное музыкальное произведение, опирающееся на либретто с конкретным сюжетом и конкретными персонажами. Однако в сонетах, ставших литературной основой балета, ничего этого нет. Тем не менее, Александра Тихомирова сумела создать четкую внутреннюю структуру постановки, разработав своеобразный сценарный план, который отталкивался от музыкальной структуры сюиты Питера Уорлока, состоящей из череды старинных танцев XVI века. Отсюда возникла своеобразная сюжетная зацепка — идея бала, на котором, в соответствии с этикетом того времени, последовательность танцев определяет его начало и конец. Таким образом, балет приобрел номерную структуру, где каждая сцена строилась на конкретном танце, выражающем определенное настроение и даже некий внутренний смысл. А его финальная сцена, построенная на фантазии «Зеленые рукава», наполнилась даже некоторым содержанием, в котором прочитывается рождение шекспировского театра «Глобус» и уход его творений в Вечность.

— Однако нужно понимать, что в своей постановке мы не занимаемся реконструкцией танцев XVI века, — объясняет Александра Тихомирова. — Мы делаем стилизацию танцев того времени, пользуясь при этом современными средствами хореографии. Ведь если рассмотреть музыку Питера Уорлока, то его сюита была написана благодаря тому, что вначале он изучил учебник по танцам XVI века и, взяв оттуда аутентичные темы, создал свою версию, уже пользуясь современными приемами написания музыки. То же самое сделали и мы: взяли элементы танцев того времени, но показали их в динамике развития хореографии дня сегодняшнего. А если говорить о стилистике постановки в целом, то это неоклассика с элементами свободного танца.

В соответствии с характером музыки в постановке задействован не весь состав большого симфонического оркестра театра, а лишь его струнная группа. И дирижер-постановщик балета Иван Костяхин дает интересную характери-

стику музыкального материала, с которым ему пришлось работать: «Сегодня точно воспроизвести музыку XVI века, и разумеется, более раннюю, мы не в состоянии, потому что попросту не имеем музыкальных инструментов того времени. Но стилизации в духе Позднего Средневековья стали очень популярны в музыке XX века — наметился интересный поворот в фантастическую сказочность, и фэнтезийная музыка начала выделяться, я бы сказал, в целое отдельное направление. Питер Уорлок и Ральф Воан-Уильямс работали именно в этом музыкальном стиле. Средневековье изображено в их произведениях стилизованными музыкальными средствами, в том числе с помощью современных гармоний. Я бы сказал, в звучании присутствуют одновременно шекспировская романтичность и некая брутальность: в воображении возникают шершавые стены замков, высокие сводчатые окна, большие камины, плащи из грубой шерсти, тяжелые рукоятки мечей… Музыка так же хороша, как и шекспировские тексты — контрастом мужественной суровости и очень бережной хрупкости внутренних смыслов».

А что касается персонажей балета, то для их определения требовалось немало творческой фантазии. Персонифицированных действующих лиц в нем быть не могло — как нет их и в самих сонетах. Правда, написанные от первого лица, шекспировские сонеты дают нам образ лирического героя с философским складом ума и материалистическим мировоззрением, в коем нельзя не усматривать образ самого автора, который чаще всего обращается к темам дружбы и любви, а также к темам творчества и социальных конфликтов, актуальных во все времена. Поэтому в балете и появился образ Поэта, по существу — самого Шекспира. Неразлучны с ним еще четыре образа, символизирующие основные грани его внутреннего «я»: Любовь, Мечта, Белый ангел и Черный ангел. Кроме того, в каждой сцене есть группа танцовщиков, символизирующих окружение Поэта — друзей и недругов, доброжелателей и завистников, которые есть у каждой творческой личности.

В итоге получился камерный бессюжетный балет, в котором, тем не менее, явственно ощущается ход режиссерской мысли постановщика. Более того, понятна закономерность построения сцен, и что самое важное, — прочитываются внутреннее состояние и мотивация действий главного героя, а также роль окружения в его судьбе.

— Бессюжетный балет вовсе не означает, что в нем не присутствует своя логика развития и своя драматургия, — отмечает Александра Тихомирова. — Самое главное в такой постановке: помимо каких-то смысловых вещей отталкиваться от развития музыкальной драматургии. Наш балет состоит из хореографических номеров, продиктованных музыкальной формой, которая, в свою очередь, имеет определенное содержание. Каждый из этих номеров имеет также свое название по действию, но все они объединены единой темой и единой смысловой задачей. Примерно так же, как и поэтическая форма «Сонеты», где не связанные между собой стихотворения объединены общей идеей. Сонетом 25 наш балет начинается и сонетом 27 заканчивается. А между ними — хореографическая композиция, в которой мы постарались отобразить внутреннее содержание всех 154 шекспировских сонетов. К сожалению, я не владею английским и не могу прочитать этот поэтический шедевр на языке оригинала. Но внимательно изучив версии разных переводчиков, в итоге остановилась на варианте Самуила Маршака.

Таким образом, этот удивительный балет отличается еще и тем, что в нем наравне с музыкой звучит и поэтическое слово. В самом начале спектакля и в его финале зритель слышит шекспировские сонеты в необыкновенно мастерском исполнении признанного мэтра драматического театра Валерия Анисенко, умеющего донести всю глубину их психологической правды и поэтического совершенства.

Сонет 25

Кто под звездой счастливою рожден,
Гордится славой, титулом и властью.
А я судьбой скромнее награжден,
И для меня любовь — источник счастья.

Под солнцем пышно листья распростер
Наперсник принца, ставленник вельможи.
Но гаснет солнца благосклонный взор,
И золотой подсолнух гаснет тоже.

Военачальник, баловень побед,
В бою последнем терпит пораженье,
И всех его заслуг потерян след.
Его удел — опала и забвенье.

Но нет угрозы титулам моим
Пожизненным: любил, люблю, любим.

Поэтическую ауру спектакля подчеркивают и элементы лаконичной сценографии, придуманной Александрой Тихомировой: исписанные листы бумаги как бы витают в пространстве ноосферы и принадлежат уже всему человечеству.

Каждому, кто хотя бы в общих чертах знаком с биографией Шекспира и прочел его сонеты, этот бессюжетный балет будет понятен — уж очень он выразителен по своей форме. Например, в одной из сцен есть момент, когда некий молодой человек из окружения Поэта вкладывает ему в руку перо, вдохновляя на творчество. И сразу возникают ассоциации с содержанием многих сонетов, в которых Шекспир воспевает некоего молодого патрона за то, что он оказывает ему свое просвещенное покровительство. В окружении Поэта можно узреть и загадочную Смуглую леди (так ее называют шекспироведы), у которой *«черной проволокой вьется прядь»,* приносящую ему не только радость, но и большую печаль. Конечно, в спектакле они не персонифицированы, как не персонифицированы даже в самих сонетах, но чем больше знает зритель о жизни и творчестве Шекспира, тем содержательнее ему покажется эта постановка.

На радость и печаль, по воле Рока,
Два друга, две любви владеют мной:
Мужчина светлокудрый, светлоокий
И женщина, в чьих взорах мрак ночной.

Так пишет Шекспир в сонете 144. Но кто тот светлокудрый друг и та Смуглая леди, завладевшие душой поэта, исследователи не могут определенно сказать до сих пор. Одни видят в подобных излияниях лирическую исповедь автора и отражение реальных фактов его жизни, даже называя имя одного молодого графа, другие — просто выражение глубоких чувств дружбы и любви, облаченных в яркие художественные образы. Ведь не нужно забывать, что возвышенно-восторженный тон вообще был присущ манере сонетного жанра. И слова «любовь», «возлюбленный» и им подобные, так часто встречающиеся в «мужских» сонетах Шекспира, в те времена употреблялись в значении дружбы (любимый друг). Но при этом очевидно, что львиная доля посвящений (сонеты 1—126) адресована именно светлокудрому другу, а Смуглая леди впервые упоминается лишь в сонете 127.

— Я не занималась исследовательской работой и не выясняла, кем был этот светлокудрый юноша в жизни Шекспира, — говорит Александра Тихомирова. — Главное, что он был. И благодаря ему, так же как и благодаря Смуглой леди, поэт вдохновлялся на высокое творчество, образцы которого стали всеобщим достоянием человечества. В своем спектакле я старалась показать наши ощущения от

соприкосновения с этим великим поэтическим наследием. Мы позволили себе немножко пофантазировать и прожить кусочек жизни великого творца, чтобы приблизиться к пониманию, в чем же он черпал вдохновение.

Но основное внимание в постановке все же уделяется внутреннему миру Поэта, его чувствам и желаниям, духовным взлетам и падениям, мукам творчества и радости рождения Слова. Поэтому он всегда окружен персонажами, отображающими его внутреннее «я». На фестивальном показе в спектакле были заняты те же исполнители, что и на премьере балета: Поэт — Константин Героник, Любовь — Яна Штангей, Мечта — Ирина Еромкина, Белый ангел — Татьяна Васильченко, Черный ангел — Валерия Грудина.

Художник по костюмам Екатерина Булгакова, создавая современные по крою костюмы, также пользовалась приемами стилизации, передавая дух того времени в деталях, прежде всего — в специфической форме лифов и разрезов на них, а также в конструкции рукавов. Зримо ощущается и определенный стиль в колорите тканей. Лаконичные приглушенные цвета костюмов, сочетаясь с лаконичностью сценографии, в целом придают особый шарм постановке.

«Орр и Ора»

В дни фестиваля шла завершающая работа над новой постановкой Александры Тихомировой, которая является белорусско-российским проектом. Это тот случай, когда не только спектакль, но и само произведение создавались прямо на глазах. Автором этого проекта стал известный российский бизнесмен и меценат Вячеслав Заренков — Заслуженный строитель Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, член Союза писателей и Союза художников Санкт-Петербурга. И как оказалось — уроженец Беларуси. Столь обширная и многогранная сфера деятельности все же не препятствует Заренкову заниматься кропотливым литературным трудом. По его произведениям созданы фильмы, поставлены драматические спектакли, а теперь — и балет.

В последнем сборнике писателя есть небольшое произведение под названием «Орлы и люди», которое вдохновило санкт-петербургского композитора Михаила Крылова на создание музыкального произведения, притом именно балета. И действительно, описанная Вячеславом Заренковым жизненная история, абсолютно лишенная вымысла, но чем-то похожая на сказку, проникнута такой образностью и символизмом, что если переносить ее на сцену, то наибольшую выразительность она может получить именно в балетной форме. Что впоследствии и подтвердила балетмейстер Александра Тихомирова, переведя ее на язык хореографии, придав конкретным событиям обобщающий характер.

А суть этой невыдуманной истории сводится к следующему. Начиналась она в Киеве. Пара молодых влюбленных — Рустам и Людмила — по дороге в загс встретилась с парой ручных орлов, которых их хозяин называл по именам — Орр и Ора. Величественные и гордые птицы настолько запали в душу обоим, что из загса они возвращались уже вместе с ними. Потом судьба занесла молодую пару на Кипр, где невероятный момент их жизненной истории уже наблюдал сам автор повествования. Однажды ночью к нему в балконное окно стала биться огромная птица, норовя попасть внутрь. Насколько можно, он успокоил ее и оставил на балконе. А утром стало понятно, что это орел. Выпущенный снова на свободу, он начал вести себя так, как будто кого-то искал за оконными стеклами... Через какое-то время он оказался на балконе соседнего дома и стал выбивать стекло. И вскоре из разбитого окна в небо взмыли уже две мощные птицы и, делая сложные пируэты, полетели в сторону гор. Как потом выяснилось, в соседнем доме устроилась на проживание Людмила, которая ушла от мужа, покинув дом в горах и

Орр и Ора (Такатоши Мачияма и Яна Штангей). Фото Михаила Нестерова.

прихватив с собой орлицу. И покинутый муж, вдохновленный жизненной наукой орла, вскоре повторил его поступок — вернул свою любимую.

По словам Михаила Крылова, при создании музыкального воплощения этой истории у него сразу же возникли мелодические линии сюжета и музыкальные образы героев. В результате была создана оркестровая версия балета в соответствии с либретто, написанным самим Вячеславом Заренковым. И эта оркестровая премьера прошла в начале 2016 года в Санкт-Петербурге в Государственной академической капелле, а чуть позднее — на Кипре. Однако музыкальный материал в целом имел скорее сюитную форму, нежели балетную.

Таким образом, перед авторами встала следующая задача — воплощение произведения на балетной сцене. И творческая судьба свела их с Большим театром Беларуси, руководство которого предложило Александре Тихомировой взяться за эту работу. То есть, ей предстояло создать хореографию и сделать постановку балета, который решили назвать «Орр и Ора». Но прежде всего нужно было создать новый, именно балетный вариант либретто и осуществить редакцию музыкального материала в соответствии с понятием балетной музыкальной драматургии.

Над новой версией либретто теперь уже вместе с автором работала и балетмейстер. В результате какие-то детали сюжета ушли, в произведении появилась линия универсальности, и оно приобрело более общий, философский характер. Исчезла география событий, не стало и персонифицированных героев. Из конкретной истории конкретных людей выросла общечеловеческая притча.

В соответствии с новым либретто была произведена и редакция музыкального материала, над которой работал белорусский композитор Олег Ходоско. Он же осуществил и оркестровку, придав музыке балета симфонические формы. «Нам много пришлось поработать над адаптацией моих музыкальных тем к хореографии», — говорит Михаил Крылов. — Возможно, в какой-то момент мне было жалко расставаться с теми мелодиями, которые в нее не попали. Создание танцевальной партитуры оказалось для меня делом новым, но очень интересным, и можно сказать, что Олег Ходоско выступал для меня здесь в роли учителя, который помог придать той же музыке балетную форму».

Сцена из балета «Орр и Ора». Фото Михаила Нестерова.

Таким образом, дирижеру-постановщику Андрею Иванову довелось иметь дело с совершенно новой партитурой, которая ранее нигде не звучала. «При знакомстве с этой музыкой меня сразу стали преследовать несколько тем, что говорит о ярком мелодическом мышлении композитора, — говорит дирижер. — Однако сложные взаимоотношения героев балета диктуют абсолютно контрастные мелодическому видению решения. Помимо любовной лирики и эпических музыкальных образов, связанных с орлиным полетом, в музыке слышны усталость, гнев, одиночество... Так же как и в жизни, где светлые полосы чередуются с темными, музыка балета отражает изменения и трансформацию отношений героев».

А для Александры Тихомировой, как хореографа и балетмейстера, кроме музыки очень притягательной показалась сама тема птиц, которые и в искусстве, и во многих религиях символизируют дух, а также тема полетов. Ведь благодаря этому житейская история, рассказанная писателем, так легко вписалась в балетный жанр.

— Образы птиц в балете встречаются очень часто: в «Лебедином озере», в «Жар-птице», во многих других спектаклях. Нередкой для балета является и тема полетов — как в «Маленьком принце», например. Каких только птиц в балете не представляли, в основном сказочных. Но наша встреча с орлами стала просто уникальной. И спектакль этот уникальный, потому что нигде не идет. Нам принадлежит эксклюзивное право его показывать. Одно дело, когда, к примеру, осуществляется очередная редакция «Лебединого озера», и совсем другое, когда здесь и сейчас происходит рождение балета, которого не видел никто и нигде. Чудесные мелодии Михаила Крылова мне очень помогали в работе. Если бы не было такого мелодического ряда, мне было бы намного труднее, потому что хореография напрямую зависит от музыки. Для меня танец — это зримая музыка. И балетный театр — это прежде всего ТЕАТР, где танец является средством, благодаря которому танцовщики могут высказываться как актеры. Это моя доминанта. И мне с этой точки зрения очень интересно открывать танцовщиков и давать им возможность реализовать свои актерские способности.

Как уже отмечалось, пара людей в балете не персонифицирована — просто Мужчина и Женщина, а пара орлов осталась со своими именами — Орр и Ора. Четыре ведущие партии. Но по воле балетмейстера в спектакле очень большая роль отводится кордебалету, участнику многих массовых сцен (в этом — одно из

существенных отличий нового либретто). В начале спектакля кордебалет изображает безликих и бездушных людей-коконов, не знающих любви. Потом — серую людскую массу, окружающую двух влюбленных, которые получили этот дар от птиц. И таких актерских задач у артистов кордебалета много. Ведь в спектакле эта история заканчивается не так радужно, как в литературном источнике…

Балет строится на контрастах — поэзии романтических чувств и прозе жизни. В нем представлены два плана: мир людей и мир птиц, которые по ходу действия часто переплетаются. И птицы выступают в роли оберегов для двух влюбленных, а также связующим звеном между грешной землей и горными высями, куда души влюбленных в конце концов и попадают. Пара людей и пара орлов образуют на сцене духовную вертикаль, а окружающая их серая масса — приземленную горизонталь, которые, пересекаясь, образуют как бы крест.

Художником-постановщиком спектакля является Вячеслав Окунев (который ранее работал над постановкой «Маленького принца»). И здесь его сценография отличается глубокой образностью и ярким языком метафор. Чего стоит только символическое отображение двух прозрачных оболочек, образующих хрустальное яйцо, в котором соединяются мужская и женская сущности, зарождающие любовь. Как всегда, сценограф чутко следует за музыкальной драматургией и находит образы, созвучные музыке и режиссерской мысли. Все кульминационные моменты спектакля подчеркиваются подвижными средствами сценографии, например, яркость узоров в сцене свадьбы и мириады звезд в ночи; изумрудная зелень лета, символизирующая начало любви, и осенний листопад в сцене разлада… Подобный смысловой контекст достигается благодаря применению видеоинсталляций. А костюмы орлов поражают оригинальностью творческой фантазии художника и точностью в проработке мельчайших деталей, где даже линии кроя несут на себе смысловую нагрузку. Они сконструированы так, что каждая птица в отдельности выглядит как бы летящей на одном крыле, и только вместе они представляют из себя настоящую птицу счастья с широко распростертыми крыльями любви.

В премьерном спектакле, который прошел в конце июня, партии орлов исполняли Яна Штангей (Ора) и Такатоши Мачияма (Орр), которые в своих любовных дуэтах буквально парили над сценой, чему способствовал ее второй ярус. Александра Чижик в партии Женщины пленяла зрителя особой мягкостью, можно даже сказать, хрупкостью пластики, что подчеркивало нежность и уязвимость ее героини. А Антон Кравченко в партии Мужчины, напротив, выглядел сильным и уверенным, и очень убедительным в плане актерского воплощения своего образа.

На прощание авторы балета пообещали показать минскую постановку не только в Санкт-Петербурге, но и за рубежом. А также заинтриговали новым совместным проектом, пока, правда, не раскрывая всех карт.

К 500-летию белорусского книгопечатания

Илья ЛЕМЕШКИН

Франциск Скорина и Прага 1541 г.
Старший сын Скорины и дата смерти книгопечатника[1]

500-летний юбилей пражской *Бивлии руской* побуждает к разработке частных проблем и появлению новых обобщающих работ из области скориноведения[2]. В связи с юбилеем Библиотека Академии наук Литвы им. Врублевских и Центральная научная библиотека им. Я. Коласа НАН Беларуси взялись за подготовку к изданию основополагающих источников, проливающих свет на жизнь и деятельность Франциска Скорины. За основу альбома «Pranciškaus Skorinos biografijos ir veiklos dokumentai» / «Дакументы па біяграфіі і дзейнасці Францыска Скарыны», содержащего рукописные и печатные материалы XVI в., взят перечень источников «Дакументы пра Францыска Скарыну», изданный в 1988 г.[3] По просьбе др. Сигитаса Нарбутаса автор настоящей статьи взялся за подборку источников, хранящихся в архивах и книжных собраниях Праги. По ходу работы лишний раз представился случай убедиться, насколько важным является обращение к первоисточникам.

Исследователи прошлого века часто были вынуждены обращаться к вторичным материалам, например, к изданиям XIX в., которые явно не отвечали требованиям (даже своего времени) палеографии и источниковедения. С недоступностью оригиналов подчас сталкивались даже те ученые, которые вводили источники в научный оборот и на работы которых позднее ссылались многие другие. Некоторые исследователи, руководствуясь именными указателями, в сами источники не вникали (отсюда атомистический подход), а некоторые — не обладали необходимой филологической подготовкой. В повседневную практику, таким образом, вошло цитирование вторичных и проблематичных с точки зрения современной филологии изданий. Опыт показывает, что даже солидные (критические, академические) публикации XX в. не лишены просчетов и недостатков. Все это побуждает к ревизии и актуализации источниковедческой базы. Факсимильное издание первоисточников, сопровождаемое подобающим научно-вспомогательным аппаратом, является непременным условием и предпосылкой для адекватного изучения Ф. Скорины.

В данной статье обратимся к давно и, казалось бы, хорошо известному печатному источнику — свидетельству 1541 г. Вацлава Гаека (Václav Hájek z Libočan, †18 марта 1553 г.). Ниже попытаемся предложить объективную интерпретацию памятника (§ 1.1.) и лингвистическй анализ интересующего нас пассажа (§ 1.2.). Одновременно попробуем наметить новую перспективу в изучении наследия Ф. Скорины (§ 2.).

§ 1.1. Начнем с описания и общей характеристики печатного памятника, который в перечне «Дакументы пра Францыска Скарыну» фигурирует под номером 43, — «Паведамленне храніста В. Гаека пра пажар у Празе»[4].

Речь идет о книжице небольшого объема (ff. 1—7) и формата (17,5 x 14 cm), носящей название:

O neſſtiaſtnee przihodie | kteráʒ gſe ſtala ſkrʒe ohen w Menſſim | Miestie Praʒſkém / a na Hradie | Swatého Wacſlawa / y na | Hradcʒanech etc. | Leta. M. D. xxxxj.

(‘О несчастном происшествии, которое произошло вследствие пожара в Малом городе пражском, и в Кремле св. Вячеслава, и в Градчанах и т. д. В лето 1541’)[5].

Рядом с заглавием, тут же на титульном листе (f. 1r), помещено гравюрное изображение св. Вячеслава с флагом и щитом в руках[6]. Второй и последний изобразительно-декоративный элемент — инициал ***W*** (f.1v) — украшает имя автора книги и дедикатора:

Wacſlaw Hayek ʒ Libočan Kaplan waſſij miloſti poniƺenie poddaný / Modlitby ſwé wʒkaʒuge

(‘Вацлав Гаек из Либочан капеллан, Вашей милости услужливый подданный, молитвы свои обращает’).

После дедикации (f. 1v; дедикант — Zdislav Berka z Dubé, ок. 1467—11 сентября 1553 г.) начинается само произведение, состоящее из следующих частей (нумерация моя; рубрики в книге выделены более крупным шрифтом):

1. (f. 2r—5v): Описание пожара, инципит: Léta Panie Tiſycýho Pietiſtého Cƺtyřid⸗|catého prwnijho / we Cƺwrtek … (‘В лето 1541, в четверг…’). Эта часть завершается словами: Skrʒe takowau neſſtiaſtnau přihodu / netoliko dřij⸗|wij neb kamenij wʒalo ſwé poruſſenij / ale y | lidij nemalý počet ʒahynul (‘Вследствие такого несчастного происшествия не только дерево и камень пострадали, но и немалое количество людей погибло’).

2.1. (f. 6r—6v): Перечень людских жертв Nayprwe w Menſſijm Mieſtie | Praƺſkém (‘Сначала в Малом городе пражском’),

2.2. (f. 6v—7r): Na Hradie Praƺſkém tyto oſoby | skrʒe ten wohen ƺahynuly (‘В Пражском кремле эти люди в огне погибли’),

2.3. (f. 7r—7v): Na Hradcƺanech tito gſau | shořeli (‘В Градчанах эти [люди] сгорели’).

В конце книги (f. 7v) приведены сведения о месте и времени ее публикации:

Wytiſſtieno w témƺ Menſſijm | Mieſtie Praƺſkém w do⸗ | mu Bartholomiege | Netholického. | W pátek po Swatém Wijtie. Léta | M. D xxxxj.

(‘Напечатано в том же Малом городе пражском в доме Бартоломея Нетолицкого. В пятницу после св. Вита [т. е. 17 июня], в 1541 г.’).

База данных «Knihopis»[7] содержит сведения о трех экземплярах данного издания (см. *Knihopis* 2871):

(1) sign. 54.J.1484 — Národní knihovna ČR (Прага);

(2) sign. A.A.XIV 4 přív. — Strahovský klášter (Прага);

(3) sign. Sbírka letáků 3 — Moravský zemský archiv (Брно).

Следует отметить, что книга пользовалась спросом: в 1-й пол. XVII в. ее дважды переиздавали на чешском языке. Первое переиздание появилось в 1614 г. и было озаглавлено:

O neſſťaſtné přjhodě kteráƺ | ſe ſtala ſkrʒe Oheň w Menſſjm Městě, a na Hradě | Praƺſkém / y na Hradčanech. | Léta. M. D. xxxxj. [=1541] (Wytlačeno w Starém Měſtě Praƺſkém v Sa⸗|muele Adama ʒ Weleſlawjna. | Léta M. DC. XIIII [= 1614.]).

Известно три экземпляра данной книги (ср. *Knihopis* 2873):

(1) sign. 54.D.203 přív. — Národní knihovna ČR (Прага);

(2) sign. A.A.XIV 4 přív. — Strahovský klášter (Прага);

(3) sign. 31.D.11 дефектн. — Knihovna Národního muzea (Прага).

Второе переиздание увидело свет или в том же 1614 г., или позднее (далее в качестве даты указывается: 1614-)[8] и имело следующее название:

O neſſťaſtné přjhodě kteráƺ | ſe ſtala ſkrʒe Oheň, w Menſſým Měſtě / na Hra⸗|dě Praƺſkém / y na Hradčanech: Nynj w nowě ʒ Starého | Ekſempláře ʒaſe wytlačeno / mnohým nebedliwým Ho⸗|ſpodářům a Hoſpodynjm k wegſtraʒe / aby ʒ takowé žalo⸗|ſtiwé a hroʒné přjhody ſobě přjkľad wzali / yak ʒ doſti malého ʒa⸗|čátku Ohně;

weliká a nenabytá ſſkoda ſe ſtaľa / yak na | Stawenjch ʒnamenitých / tak na Nabyt⸗|cých / téʒ y na Lidech. | Léta Tiſýcýho Pětiſteho Cʒtyrydcátého Prwnjho [б.и., б.г.].

Отсутствие выходных данных, низкие полиграфические качества и ошибки при воспроизведении текста (см. прим. 8) свидетельствуют, что мы имеем дело с контрафактным изданием. Известен единственный экземпляр (Knihopis 2872):

(1) sign. 31.D.10 — Knihovna Národního muzea (Прага).

В конце XVII в. повествование о пражском пожаре использовал Ян Бецковский (Jan František Beckovský) в книге:

Krwe Newinné | Žjʒniwý Wlcý | Dioklecyán / a Maximián | Cýsařowé Rʒjmſſtj; | Kteří | Plnj zůřiwoſtj ačkoliw w Stádu | Krystowém neʒčiſlný Počet newinných Owči⸗|ček a Beránkůw / Obogjho Pohlawj Křeſtia⸗|nůw Wěrných, vſmrtili / a gich newinnau | Krew wycedili / wſſak předce ſwau ʒjʒeň | vhaſyti nemohli. | <…> | Od | Kněʒe Jana Beckowſkýho / Křjʒownjka s | Cʒerwenau Hwěʒdau. | Wytiſſtěno w Praze / v Jana Karla Jeřábka /| Léta / 1697.

Автор, внеся кое-какие изменения, вольно пересказал (pp. 541—546) содержание первой части книги В. Гаека (т. е. f. 2r—5v).

Ян Бецковский вернулся к сочинению В. Гаека на рубеже XVII—XVIII вв. В 1700 г. он издал первую часть объемной компиляции с таким названием:

Poſelkyně | Starých Přjběhůw Cʒeſkých / | Aneb | Kronyka Cʒeſka / | Od prwnjho do nyněgſſý Země Cʒeſké Přjchoʒu | Dwauch Knjʒat Charwátſkých | Cʒecha y Lecha | Wlaſtnjch Bratřj | Aʒ do Sſtiaſtného Panowánj | Cýſaře Rʒjmſkého / Krále Cʒeſkého / ec. | Ferdynanda Prwnjho | Wʒdyckny Wjtěʒe Slawného. | K Rozmnoʒenj Obecného Dobrého / k Ʒwelebenj Gaʒyka Cʒeſkého / | A k Proſpěchu Bliʒnjho / | Od Kněʒe Jana Beckowſkýho Křjʒownjka s Cʒerwenau Hwěʒdau | na Swětlo wydaná. | Djl Prwnj / | W němʒ ſe někteřj Cyʒý Přjběhowé nacháʒegj / kteřj k Domácým při⸗|náleʒegjce od nich ſe odcyʒyti nemohli. | S Powolenjm Wrchnoſtj. | W Králowſkém Starém Městě Praʒſkém / v Jana Karla Geřábka / | DokonaLo ſe geDenáCtého LeDna. [= 1700].

В основу своего труда Ян Бецковский положил хронику В. Гаека, но дополнил ее за счет других источников. Вторая часть произведения, которая должна была охватить период с 1526 по 1700 гг., осталась незавершенной. Рукопись второй части (*Poſelkyně Starých Přjběhůw Cʒeſkých…*) была издана Антонином Резеком (Antonín Rezek) лишь в 1879 г.[9] Повествуя о событиях 1541 г., Я. Бецковский использовал практически весь текст В. Гаека о пражском пожаре (по изданию 1614 г.).

Перечисленные выше публикации 1-й пол. и конца XVII в. представляют определенный практический интерес с точки зрения вариативности текста. Малопонятные места оригинала со временем редактировались, с целью изложить его более понятным образом. Языковая правка особенно чувствуется у Я. Бецковского, что и понятно, т. к. со времени выхода первого издания В. Гаека прошло более 150 лет. Фрагмент, важный для скориноведов, в чешских изданиях передан без каких бы то ни было существенных разночтений. Присутствуют лишь отдельные графические и пунктуационные поправки, не меняющие и никоим образом не уточняющие семантику первоначального текста:

17.06.1541 г., чеш. (*Knihopis* 2871) f. 6v	W domu knieʒe Jana ʒ Puchowa kaʒatele / Mandelena ku⸗|chař-ka. Přitom pacholatko Frantiſſek Syn niekdy Doktora	Ruſa / a geſſtie ktomu druhé pacholatko. |
1614 г., чеш. (*Knihopis* 2873) f. 9v	W domu kněʒe Jana ʒ Puchowa Kaʒatele / Manda⸗|ljna kuchař-ka.: Přitom Pacholátko Frantiſſek Syn ně⸗|kdy Doktora Ruſa / a geſſtě k tomu druhé pacholátko. |
1614г., чеш. (*Knihopis* 2872) f. 7v	W Domu kněʒe Jana ʒ Puchowa Kaʒatele / Mandaljna Kuchař⸗|ka: Přitom Pacholátko Frantiſſek / Syn někdy Doktora Ruſa / a geſſtě | k tomu druhe Pacholátko. |

Таким образом, среди известных изданий на чешском языке важной для нас является лишь первая публикация. Иначе дело обстоит с немецкими переводами сочинения В. Гаека, которые исследователями Ф. Скорины до сих пор, по-видимому, не учитывались.

В первую очередь необходимо обратиться к пражскому изданию В. Гаека на немецком языке (VD16 XL 102)[10]. Книга вышла под заглавием

Von dem erſchrecklichen | vorhencknus vnd ſchaden / ſo durch des | Fewers prant auff der Clainer Stadt | Prag vnd Prager ſchlos / ſampt | dem Ratſchin jſt ergangen / | jm Jare. M. D. xxxxj.

и была издана тем же типографом 25 июня, т. е. неделю спустя после публикации чешского издания. Колофон (f. 8v) гласит:

Gedruckt jn der Cleiner Stadt Prag | durch Bartholomeum Netoliczky / | am Sonabent nach Sandt | Johannis Teüfer [25 июня] / jm | M. D. xxxxj [1541]. Jare.

Книга содержит идентичные иллюстративно-декоративные элементы, ту же самую рубрикацию, одинаковую схему спуска полос, что и чешское издание от 17 июня 1541 г. Отличается лишь язык, причем перевод не везде верно отражает чешские формулировки оригинала. Важно заметить, что в контексте пражского билингвизма (и многоязычия) XVI в. перевод на немецкий нельзя считать переводом на «иностранный язык». Речь идет о чешской и немецкой версиях одной и той же книги, причем читательская аудитория в пределах Праги и чешских земель оставалась той же самой. С экономической точки зрения было бы нецелесообразно ограничиться лишь одной частью этой аудитории. Кроме того, правомерно предположить, что немецкоязычное издание предназначалось на вывоз (известные нам экземпляры хранятся за пределами Чехии).

Свидетельство о Ф. Скорине здесь приобретает следующую форму:

25.06.1541 г., нем., Прага (VD16 XL 102) f. 7v	Jn des herrn hanſen von pucha / ains Behemiſchen prediger | hauß iſt / ſein köchin mit namen Magdalena mit ihr ain knab | Franciſkus genandt / des Doctors Reyſen ſhon / vnnd dorʒu | nach ein knab verprunnen.

В том же самом 1541 г. сочинение В. Гаека было издано в Аугсбурге Генрихом Штайнером:

Newe ʒeytung vonn dem er⸗|ſchrockenlichen fewr vnd brunſt / ſo newlich in diſem | gegenwertigenn M. D. XXXXI. Jar / Dornſtag vor | Pfingſten / das iſt der ij. tag Junij / Jnn der klainern ſtatt Prag | auff dem Künigklichen ſchloß / vnd andern orten mer ge⸗|ſchehen iſt / Auch wie vil Mañ / Weyb vnd Kinder | jemerlich durch das fewr verpreñt / vnd vm̄⸗|kom̄en ſeind / Solliches findeſt alles kler⸗|lich in diſem Büchlin angeʒaigt. (Getruckt zů Augſpurg durch Heynrich Steyner, 1541).

Название книги приведено по экземпляру sign. Res/4 Austr. 166, хранящемуся в Баварской государственной библиотеке. В этой же библиотеке хранится книга с сигнатурой Res/4 Austr. 167:

Newe ʒeytung vonn dem er⸗|ſchrockenlichen fewr vnd brunſt / ſo newlich in diſem | gegenwertigen M. D. XXXXI. Jar / Dornſtag vor Pfing⸗|ſtenn / das iſt der ander tag Junij / inn der klaynern ſtatt Prag | auff dem Küngklichenn ſchloß / vnd andern orten mer ge⸗|ſchehen iſt / auch wie vil Mann / Weyb vnnd Kinder | jäm̄erlich durch das feüwr verprent vnd vmb | kom̄en ſeind | Solliches findeſt alles klär | lich in diſem Büchlin angeʒaigt. (Getruckt zü Augſpurg durch Heynrich Steyner, 1541).

Достаточно сравнить заглавия, чтобы убедиться, что перед нами *разные* издания одного памятника. Помимо отличий в наборе текста, которые далеко не ограничиваются титульным листом (ср. далее фрагмент о Скорине), об этом свидетельствует иная схема спуска полос[11]. В сводном каталоге библиотек, входящих в Баварскую библиотечную сеть (BVB) Gateway Bayern, данные издания имеют разные сигнатуры: VD16 N 845 и VD16 N 846.

Примечательно, что в обоих изданиях использованы те же самые иллюстрационно-декоративные клише. Сведения о книгопечатнике тоже совпадают. Позволительно поэтому предположить, что издатель недооценил спрос на данную книгу, т. е. напечатал недостаточное количество экземпляров. Спустя какое-то время после первого издания книгопечатник, использовав те же самые клише, сверстал новую книгу. Порядок печатания предположительно был таков: VD16 N 846 > VD16 N 845. Фрагмент о Скорине упомянутые издания передают следующим образом:

<table>
<tr><td>1541 г., нем.,
Аугсбург
(VD16 N 846)
f. 6v</td><td>Wer jns herr Hanſen predigers hauß / iſt ein köchin ma″|del genan̄t / vnd ein büb doctors Reyſchen ſun / Frantz ge″|nant vnd noch ein anderer büb / auch alle verbrent worden. |</td></tr>
<tr><td>1541 г., нем.,
Аугсбург
(VD16 N 845)
f. 6r</td><td>Wer jns herr hanſen predigers hauß iſt ein köchin madel | genan̄t / vnd ein büb doctors Reüſchen Sun / Frantz genan̄t / | vnd noch ein anderer büb / auch alle verbran̄t worden. |</td></tr>
</table>

Аугсбургские издания интересны сразу в нескольких отношениях.

Во-первых, использован совершенно иной перевод, который часто передает чешский оригинал точнее, чем пражское издание на немецком языке. Иначе говоря, аугсбургские публикации исходят не из пражского издания В. Гаека от 25 июня 1541 г., а из другого — рукописного — источника. В свою очередь, сравнение аугсбургских изданий между собой выявляет огромное число разночтений, характер которых позволяет предполагать, что набор текста осуществлялся по разным принципам. В одном случае, верстая книгу, наборщик сам читал рукопись, во втором — набирал текст под диктовку. Язык и качество верстки в издании VD16 N 846 являются более «чистыми», поэтому данную публикацию можно считать первоначальной, т. е. первой по очередности печатания.

Кроме того, аугсбургские публикации В. Гаека характеризуются художественными достоинствами, превосходящими пражские издания 1541 г. Обусловлено это тем, что пражские книги готовились в спешке — пожар случился 2 июня 1541 г., и пражские печатные издания (чешский вариант 17 июня 1541 г. и немецкий — 25 июня 1541 г.) отделяли от него всего две-три недели. Аугсбургская версия книги появилась несколько позднее, поэтому печатник имел в запасе какое-то время на ее подготовку. Он уделил больше внимания иллюстрациям, которые использованы логически осмысленно: титульный лист (f. 1r) украшает виньетка и гравюра, изображающая Прагу до пожара; в конце книги (f. 7r или 8r) находим детальный вид пылающего Пражского кремля. Если бы аугсбургское издание предназначалось исключительно для местного (т. е. с точки зрения Праги — заграничного) читателя, то печатнику было бы достаточно поместить схематический образ некоего «обобщенного» города. Иностранец мог отпустить поводья своей фантазии и довольствоваться таким изображением, однако гравюры изображают Прагу реальную. Это говорит в пользу того, что издатель, вероятно, поддерживавший контакты с пражскими коллегами, ориентировал свое издание и на чешский рынок.

Петра Вечержова, определив художественный источник первой ксилографии (*Нюрнбергская хроника* Хартмана Шеделя 1493 г.), высказала предположение об обстоятельствах появления второй, горящей Праги. Оригинальное клише горящего Пражского кремля, появившееся в аугсбургских изданиях *Newe zeytung* 1541 г., могло быть приобретено, по ее мнению, у третьего лица или изготовлено по заказу самого Генриха Штайнера[12]. Изучив всю доступную иконографию Праги, исследовательница пришла также к выводу, что изображение оказалось зеркально перевернутым. С таким выводом можно согласиться. Клише, как

правило, создавалось при участии двоих художников: рисовальщика и резчика. Работая с чужим рисунком отвлеченно, т. е. безотносительно к реальному экстерьеру, резчик нередко ошибался в ориентации изображения. Зеркально обернув гравюру, получаем вид на Пражский кремль, в левой части которого видим Пороховой мост (Prašný most, сейчас на месте моста насыпь и улица U Prašného mostu). За ним виднеется силуэт горящей башни, которую правомерно отождествлять с Далиборкой (Daliborka). Ближе к мосту располагаются Белая (Bílá věž) и Пороховая башни (Mihulka или Prašná věž)[13]. Между последними двумя башнями виднеется шпиль с крестом, изображающий, по-видимому, Еву — северную башню романской базилики св. Георгия. По центру и в правой части гравюры возвышаются клубы дыма, густо покрывающие кафедральный собор свв. Вита, Вацлава и Войтеха.

Следует особо отметить, что с данной перспективы Прага изображалась чрезвычайно редко. И до этого, и долгое время после 1541 г. (вплоть до XIX в.) художники отдавали предпочтение южным панорамам города со стороны Влтавы. По сути, это — самый древний известный вид Пражского кремля с северо-запада. Для нас он представляет особую ценность в силу того, что взгляд брошен с бывшего рабочего места Ф. Скорины, т. е. через Олений ров (Jelení příkop) из Королевского сада. Кроме того, гравюра изображает ту часть Праги и непосредственно те дома, где погиб Франциск Скорина-младший[14]. Последние два обстоятельства могут внушить мысль, что автор рисунка как-то связан со Скориной, однако подобного рода предположения без дополнительных аргументов были бы рискованны. Северную перспективу могли предопределить реальные обстоятельства трагедии. Пожар начался в Малом городе и распространился вверх к Пражскому кремлю, где достиг своей кульминации. Южная перспектива из-за продолжающегося горения и задымления была, вероятно, просто недоступной. В то время, как через Пороховой мост пражане спасались от огня, с безопасной противоположной стороны Оленьего рва наблюдали за событием. В ряду таких наблюдателей мог быть и автор рисунка. Так или иначе, гравюра изображает контур города, каким он был до пожара 1541 г., т. е. таким, каким его видел Ф. Скорина в свою бытность королевским садовником. Одновременно гравюра изображает место и время — самые трагические в восприятии доктора Ф. Скорины.

Таким образом, свидетельство В. Гаека о докторе Русе и о его сыне Франциске не ограничилось исключительно чешской читательской средой. С обстоятельствами пражской трагедии был тут же ознакомлен немецкоговорящий читатель. Природу взаимосвязи пражских и аугсбургских изданий 1541 г., которые правомерно рассматривать как издания параллельные[15], предстоит изучить более подробно. Велика вероятность того, что текстовые составляющие книг равноценны. Учитывая возможные контакты между книгоиздателями Праги и Аугсбурга, можно предположить, что автором перевода, подготовленного для немецкого издания книги, был человек из окружения Бартоломея Нетолицкого или даже сам В. Гаек. Последняя возможность кажется даже более вероятной, так как

В. Гаек владел немецким языком и был лично заинтересован в широкой известности своего сочинения.

В настоящее время мы не располагаем уверенностью, что один из немецких переводов, т. е. параллельный немецкий текст, был авторизирован, но это и не суть важно. Имеющиеся в нашем распоряжении адаптации/переводы — ровесники первого чешского издания (sic!). Немецкие версии В. Гаека, пражская и аугсбургская, представляют для нас герменевтическую ценность именно в силу того, что чешский текст характеризуется многозначностью содержания (с точки зрения современного читателя). К немецким вариантам свидетельства В. Гаека еще вернемся, когда будем рассматривать семантику чешского пассажа. Сейчас же, имея представления об указанных изданиях XVI—XVII вв., обратимся к жанровым характеристикам публикаций 1541 г.

В чешском издании жанровая природа произведения эксплицитно не выражена. Название отражает лишь предмет повествования: O neſſtiaſtnee przihodie | kteráž gſe ſtala ſkrze ohen... (‘О несчастном происшествии, которое произошло вследствие пожара…’). Немецкоязычное пражское издание с небольшими отличиями (vorhencknus vnd ſchaden; Prager ſchlos) повторяет заглавие чешского оригинала. Аугсбургские издания 1541 г. несут в заглавиях определение *Newe zeytung* и в этом плане куда более информативны, так как обозначают и содержание, и жанровую принадлежность книги. Чешским эквивалентом нем. *Newe zeytung* является чеш. *Nowina* (pl. *Nowiny*). Отсутствие данного определения на титульном листе ровно ничего не значит; мы располагаем целым рядом «новин», в которых жанровая характеристика (*nowina*, *aviso*, *relation*, *neue Zeitung*, *historia*, *Schreiben*, *Bericht*) опущена.

Чеш. *Nowina* или нем. *Newe zeytung* — прообраз современных средств массовой информации. В отличие от рукописных «новин», хождение которых было строго ограничено сословно[16], печатные «новины» были ориентированы на более широкого читателя (мещан). «Новины» продавались на рыночных площадях, их можно было приобрести у книгопечатников, продавцов-разносчиков, странствующих актеров. Нельзя утверждать, что принцип периодичности был чужд подобного рода изданиям. Однако периодичность в них имела особый характер. «Новины» издавались не по определенным временным интервалам, а время от времени «по случаю». Главным образом, такие публикации подробно рассказывали о событиях и явлениях, которые заинтересовывали массового читателя и могли достаточно долго сохранять свою интригу: о военных сражениях, знамениях и делах религиозного характера, всевозможных несчастьях и проч. Пожары и погорельцы органично дополняли категорию природных и социальных катастроф: наводнения, голод, мор, землетрясения и т. п.

Жанровую принадлежность «O neſſtiaſtnee przihodie…» иллюстрирует и состав кодексов XVI—XVII вв., в которых похожего объема произведения часто объединялись по их жанровым признакам. В качестве примера можно указать на сборник sign. 54.D.203 (Národní knihovna ČR), в котором помимо издания В. Гаека (1614) находится ряд других «новин»:

(1) Welmi diwnaa y hrozná Widienij a Zázracy kteřijž na Obloze Nebeské widijni gsau w Zemi Marecké Léta rč. LXII [=1562] w Pátek po S: Ržehoři [=13. března] a to trwalo w Nocy od gedenácté hodiny až do čtwrté na půl Orloge počítagijc ... [V Starém Městě Pražském] (U Giřijka Melantrycha z Awentynu) [1562];

(2) Prawdiwá | Gistá a gruntownij Relacý. Yakým Rytjřským prostředkem a ponuknutijm Vrozeného Pána | Pana Jana z Pernssteyna | na Towačowě a Lithomyssli | ec. Hraničná Pewnost Dotis dwadcátého třetijho dne měsýce Máge | Léta tohoto M. D. XCVII. [= 1597] nenadále wzata | a Geho milosti Cýsařské zas w moc vwedená gest. Sepsaná od gednoho kterýž wždycky spolu přijtomen byl. A s milostiwým Powolenijm Wytisstěná w Starém Městě Pražském | v Woldřicha Waldy. [1597];

(3) Hystorické a prawdiwé wypsánij. Kterak skrze přediwné působenij Božij Welikomocné a Wysocevrozené Weliké Knijže w Mozkewských zemjch gménem

Demetrius yakožto prawý Dědic po Janowi Basiliowi welikém Knjžeti Mozkewském pozůstalý Otcowského Králowstwj swého dosáhl. M. DC. V. [=1605] Přitom O Korunowánij geho kteréž se ... Cžerwna dálo y co se od toho času w Mo[zkew]ské y Lifflandské zemi až do konce Roku 16[05?] ... přihodilo. Wytisstěno w Starém Městě Pražském skrze Kasspara Kargezya. Léta Páně M. DC. VI. [=1606];

(4) Prostředkowé a weymijnky | podlé kterýchžto mezy Cýsaři | Rudolffem druhým | Ržjmským | a Hehomatem prwnjm | Tureckým | Přjměřj a Pokog Dwacýtiletý zawřjn a wyzdwjžen gest | w Bhřjch | w Leženj Polnjm | mezy Dunagem a Ržekau Sytwau | gedenáctého dne Měsýce Listopadu | Léta pominulého Ssestnáctistého ssestého. [=11. listopadu 1606.] Cum Gratia Superiorum. Wytisstěno w Starém Městě Pražském | v Jana Ottmara Jakubowa. (1607) и т. д.

Столь же показателен состав кодекса (sign. A.A.XIV 4 přív., Strahovský klášter), в котором содержатся сразу два интересующие нас чешские издания (1541 и 1614 гг.) В. Гаека. Наряду с описанием пражского пожара в кодексе находим «новины» о кутно-горском землетрясении, столкновениях с турками на хорватско-боснийской границе, о последствиях восстания Иштвана Бочкаи:

(1) Nowiny neſſťaſtné ʒ Hory Gutny / | Kteréʒ ſe ſtaly den ſſtie‐|drého wečera (ʒ dopuſſtěnij Boʒijho) ny‐|nij při koncy Roku [15]90. Prwnij / O ohni kterýʒ ſe ſtal w | Sobotu před čtwrtau Neděli Adwentnij. Druhé | O ʒbořenij | dwau Sſtijtů ʒ domu Pana Ʒykmnuda Steyſſka / téʒ v Hory | Gutny. Při tom o ʒmordowaných lidech / gichʒ ſe naſſlo / w | počtu gedenmecytma osob / kteřijʒ od ʒemě třeſenij / a od | týchʒ Sſtijtů zahynuli / a mnoʒý y raněni odtud zdo‐|beywáni. Kdo bude bedliwě čijſti / wſſeho ſe wijcegij dočte. | [V Praze] Jan Filoxenes Gitčijnský wytlačil [1591];

(2) Ʒialoſtiwé Nowinȳ. | Kterak Turek auhlawnj Nepřj‐|tel Křeſtianſký / wýbornau Hraničnau Pewnoſt | w Charwátijch / Wihytſs řečenau / Ʒámek y Měſto / oblehl a do‐|byl : y yakau potom při odtrʒenij na giných mijſtech ſſko‐|du včinil. 19. Dne Měſýce Cʒerwna ginák w Pátek po S. | Wijtu. Létha tohoto M. D. XCII [=1592]. (V Praze) Wytiſſtěno v Jana Sſumana. (1592);

(3) Zeitung auß Willeg: | War Hafftige beſchreibung / wie | Gott der Allmechtige abermal dem Chriſtlichen | Kriegsvolck in Vber Hungern / wider den Türcken glück ſeligen | Sieg verlichen / Alſo das ſie die Stadt Willeck ſambt ihr gewaltigen We‐|ſtung / auch andere Türckiſche Gräntzheuſer erobert / vil Türcken nieder | gehawen / vnd etlich Tauſent Chriſten entledigt haben / in dieſem 1593. | Jar. Wom 16. biß auff den leßſten Novembris. | Gedruckt in der Allten Stadt Prag / | durch Johann Schuman (1593);

(4) Lamentatý / ʒaloſtiwý pláč a | tauʒebné nařjkánij Ʒemě Morawské / na mno‐|hé ohawnoſti / a roʒličné těʒkoſti a trápení gegj / w němʒ ſe gi‐|ſtotně a prawdiwě wyprawuge wſſecko co / yak / a kdy ſe tam dálo a ſta‐|lo : Léta 1605. K budaucij wýſtraʒe a ku politowánij toho / y po‐|nuknutij ſe k ſwatému pokánj / y k ſláwě Ježijſſe Kryſta / ſepſaný | a wůbec wydaný. Kterýmʒ kdoby ſe k poʒelenij nepohnul / | muſylby Srdce kamenného a ʒatwrdilého býti.

Таким образом, чешская «новина» «O neſſtiaſtnee przihodie…» и ее немецкие переводы-адаптации представляют собой жанр публицистики. Произведение оперативно реагирует на актуальные и насущные события современности, а сам В. Гаек выступает здесь как *новеллист* в буквальном значении этого слова (< итал. *novella* ‘новость’). Это обстоятельство заставляет скептически отнестись к прижившимся в скориноведении определениям типа: *сообщение хрониста В. Гаека о пожаре в Праге* / *паведамленне храніста В. Гаека пра пажар у Празе*. Словосочетание *хронист В. Гаек* возможно, но лишь по отношению к «Хронике чешской» (*Kronyka Czeská Cum gracia et Priuilegio Regie Maiestatis*. Praha, Jan Severýn a Ondřej Kubeš 1541). Во всех остальных случаях данная формулировка сбивает с толку. Текст «O neſſtiaſtnee przihodie…» написан не хронистом (!), а публицистом: взгляд автора устремлен не в далекое прошлое, а в современность, им использованы иные приемы изображения, иной метод построения нарратива, качественно иная эмоционально-стилистическая тональность изложения.

Выражение *хронист В. Гаек* нежелательно применять даже в абстрактной плоскости, т. е. как некую обобщенную характеристику автора. Определение *хронист* было бы оправдано, если бы В. Гаек реализовал свои творческие силы исключительно или преимущественно в историографическом жанре. Однако сфера его деятельности была куда богаче. В отличие от своих «монотематических» предшественников В. Гаек удачно реализовал себя сразу в нескольких областях: сначала как публицист (в июньском издании 1541 г.), затем как хронист (в октябрьском издании Хроники чешской 1541 г.), потом как переводчик библейских текстов с латыни (*Biblj Zlata Stareho a Noweeho Zákona Nynij w Nowě z Latinského Jazyku w Českú Řeč přeložena: Každému čtúcýmu w Starém neb Nowém Zákoně welmi vžytečná*. Praha, Ondřej Kubeš 1543 < Antonius de Rampegollis, *Aureum bibliae repertorium*. Ulm, Johann Zainer der Ältere 1496) и как редактор и издатель средневековых памятников (*Snář velmi pěkný z mnohých spisů mudrců starých i nových ... ve dvanáct kněh rozdělený ... vydaný skrze Václava Hájka z Libočan*. Praha, б.и. 1550; *Žiwot Adamůw a neb giná od Starodáwna Solfernus Knijha welmi kratochwijlná a vtiessená*. Praha, Jan Kosořský z Kosoř 1553). Отдавать предпочтение какой-то одной грани его разнообразных литературных начинаний, которая по стечению обстоятельств оказалась для кого-то более заметной, на наш взгляд, не представляется удачным. Нельзя также забывать, что основу деятельности В. Гаека составляли религиозно-церковные занятия. Известно и о других (частных) занятиях и деяниях этого утраквистского, а затем католического священника, однако зацикливаться на них и тем более использовать в качестве определения этого разностороннего деятеля было бы неуместно.

Итак, говоря о свидетельстве 1541 г., важно осмыслить литературный профиль В. Гаека и жанровые особенности его произведения. Перед нами свидетельство католического священника, а в литературном отношении — свидетельство писателя-публициста. «Новеллист» в своей «новине» обращается к дедиканту и к широкому кругу читателей с целью детально информировать их о произошедшей трагедии. Информационная функция предопределяет свойства текста, его документальность и установку на достоверность. Массовая аудитория, в свою очередь, ведет к простоте языка и доступности изложения.

Описание трагического события, не претендуя на полноту, носит личностный характер. Автор сообщает, что исходит, из того, что видел он сам и что ему сообщили заслуживающие доверия лица:

Tyto vſſecky wiecy ſwrchu pſané pilnou bedliwoſti (ʒ ſprawy lidi wijry hodných y také ʒ wlaſtnijbo ſpatřenij) ſem ſepſal (f. 7v)

(‘Эти все вышеприведенные вещи я с усердным вниманием (по свидетельствам людей, доверие заслуживающих, а также по личному опыту) записал’).

Налицо комментарийно-оценочная функция произведения. Формулировка k podiwenij waſſij milosti napſal (f. 1v) (‘к удивлению вашей милости [я] написал’) говорит о том, что текст должен был эмоционально воздействовать на читателя. Формируя общественное мнение, автор развивает идею: пожар — кара Господня, во избежание которой обществу необходимо отречься от своих грехов. Установка автора-публициста, связанная с живым воздействием на аудиторию, в конечном итоге приводит к описанию глубоко экспрессивных сцен (например, обнаружение сгоревшей женщины с ребенком в объятиях) и к использованию соответствующих средств выражения.

§ 1.2. Цитируя информацию о пожаре В. Гаека, энциклопедический справочник «Францыск Скарына і яго час» по непонятной для нас причине опирается на издание Я. Бецковского 1879 г. В конце XIX в. произведения упомянутого автора могли иметь ценность с точки зрения истории чешского языка и литературы, однако источниковедческое значение его трудов уже тогда близилось к нулю. Сочинения Я. Бецковского трудно назвать переизданиями В. Гаека, так как автор своевольно изменяет (сокращает, дополняет, редактирует, иногда просто путает)

используемый текст, причем пользуется поздним, вторичным изданием 1614 г. Для скориноведения данные этой публикации совершенно неприемлемы.

Текст, заимствованный из издания 1879 г., в энциклопедическом справочнике оказался, к тому же, и неверно сегментирован. Интересующий нас фрагмент, оформленный в оригинале 1541 г. как отдельный абзац, в справочнике представлен таким образом:

«<…> у доме ксяндза Яна з Пухава, прапаведніка, — кухарка Магдалена, а таксам хлопчык Францішак, сын колішняга доктора Руса, і яшчэ адзін хлопчык»[17].

В русском переиздании энциклопедии находим тот же самый перевод В. И. Дорошкевича и И. И. Лучиц-Федорца:

«<…> в доме ксёндза Яна из Пухова, проповедника, — кухарка Магдалена, а также мальчик Франтишек, сын бывшего доктора Руса, и ещё один мальчик»[18].

Г. Я. Голенченко фрагмент чешского оригинала перевел как «падлетак Францішак, сын нябожчыка доктора Руса»[19]. Данный способ интерпретации нас отсылает к идеям восьмидесятилетней давности А. В. Флоровского, которые на многие десятилетия вперед предопределили традиционный взгляд на источник.

Русский эмигрант, волею судьбы оказавшийся в пражской академической среде, А. В. Флоровский не имел специального филологического (славистического) образования и опыта работы с древнечешскими памятниками. Впрочем, он не ставил перед собой задачу филологического анализа текста, а сразу перешел к его толкованию.

Напомню, что речь идет о следующем пассаже В. Гаека (по чешск. изд. 1541 г.):

(f. 6v) W domu knieʒe Jana ʒ Puchowa kaʒatele / Mandelena ku〃|chařka. Přitom acholatko Frantiſſek Syn niekdy Doktora | Ruſa / a geſſtie ktomu druhé pacholatko. |

А. В. Флоровский исходил из положения, что В. Гаек говорил о Скорине как об уже умершем:

Hájek o Skorynovi mluví jako o zemřelém („někdy doktor Rus“), jehož už není mezi živými

(‘Гаек о Скорине говорит как об умершем („некогда доктор Рус“), которого уже нет между живыми’)[20].

Лексему *pacholatko* ученый интерпретировал как ‘младенец’: «погибший младенец», «сгоревший в Граде Пражском младенец»[21]. Складывается впечатление, что исследователь просто не понял «новину» В. Гаека. Об этом свидетельствует ряд неувязок и смысловых натяжек, которые становятся очевидными даже при беглом ознакомлении с текстом 1541 г. Остановимся на самых вопиющих.

«Новина» информирует о 51 умершем во время пожара 1541 г. Одну пятую их составляют лица, названные существительным *pacholatko*, — всего 11 человек. Только в двух случаях из контекста явствует, что вместе с таким «младенцем» погиб один из родителей. Итак, одиноких «младенцев» получается подозрительно много. Значит ли это, что пражане XVI в., спасая жизнь бегством, бросали в пожаре своих детей? Конечно, нет. Приписываемое значение «младенец», кроме того, бросает тень и на тех священников, в чьих домах *pacholatka* (pl.) погибают в большом количестве. Так, например, в викарском доме Пражского кремля погиб сам викарий Микулаш, кухарка Дорота и два «младенца». Можно подумать, что «младенцев» викарий прижил со своей кухаркой. Во всех случаях логично встает вопрос, как «младенцы» оказались в чужих домах и что они там делали? В частности, что малыш или мальчик Скорины делал в доме священника Яна из Пухова?

Очевидно, что А. В. Флоровский исходил из узуса чешского языка *начала XX в.*; в это время сущ. *pacholátko* уже было архаизмом, тесно связанным с текстами рождественской тематики. Подобная ситуация сохраняется и до наших дней, когда подавляющее большинство чехов с этим словом сталкивается только раз в году, на Сочельник, слушая и распевая в кругу семьи колядки. Ср. например:

Měj se dobře, Jezulátko,
přespanilé pacholátko!
S tebou se loučíme,
Bohu poroučíme.

или

Slyšeli jsme v Betlémě,
že tam leží na seně
to překrásné pacholátko,
ušlechtilé Jezulátko,
Josef s matkou ho hlídá,
vůl a osel zahřívá.

Характерные примеры словоупотребления приводит Чешский национальный корпус (Český národní korpus, https://www.korpus.cz/). В разделе SYN2015, охватывающем период 2010—2014 гг., представлено всего 5 примеров употребления этого слова, и в каждом случае речь идет о рождественском контексте. Чеш. *pacholátko*, выступая синонимом чеш. *Jezulátko* (см. культ пражского младенца Иисуса — чеш. Pražské Jezulátko, лат. Jesulus Pragensis), в современном чешском языке имеет значение «младенец-Иисус», «новорожденный», «дитя». Отсюда, надо полагать, и взяла свое начало интерпретация А. В. Флоровского.

Совсем иная ситуация представлена в древнечешском языке, где это слово широко распространено и засвидетельствовано с другим значением: ‘слуга’, ‘прислуга’, ‘личный помощник’. «Словарь древнечешского языка» содержит словарную статью *pachole*, *-lete*, где за словом закреплены следующие значения:

(1) ‘младенец, дите, мальчик, мальчонка’;

(2) ‘парень, юноша’;

(3) ‘молодой слуга, служащий парень; [сопутствующий рыцарю] оруженосец, паж’[22].

Многочисленные деминутивные дериваты (кроме *pacholátko*[23] ср. *pacholek*, *pacholík*, *pacholček*, *pacholeček*, *pacholíček*) в древнечешских текстах имеют те же самые значения. Синонимом *pacholátko* в третьем значении выступают лексемы: *služebník*, *tovaryš*, *holomek*, *čeledín*, *panošě*, *přisluhovač* и т.д. В аугсбургской версии В. Гаека чеш. *pacholatko* соответствует *büb*, т. е. (1) ‘мальчик, юноша’, (2) ‘ученик, молодой слуга’[24], которому во втором значении соответствуют лат. *famulus*, *puer*, фр. *garçon*, итал. *garzone* и т. д.

В. Гаек чеш. *pacholatko* использует в обоих указанных значениях, причем семантический объем каждого конкретного слова устанавливается без особого труда. Важен контекст словоупотребления и дифференциальные признаки, которыми автор наделяет субстантив. Так, когда *pacholatko* погибает в огне вместе с отцом или матерью, читателю понятно, что слово может обозначать раннюю возрастную категорию. В случае, когда *pacholatko* погибает один (без родителей) в чужом доме, а таких случаев подавляющее большинство, подразумевается род деятельности. При этом семантику используемого субстантива автор часто уточняет при помощи дополнительных средств, например:

— Ʒiena gedna gménem Ewa … s ʃwým ʃynem Jakubem **malým** pacholatkem;

— Sʃtefan Winopal s ʃynem ʃwým pacholatkem **we čtyřech letech**;

— ʃyn Jana Cukraře pacholatko gménem Lorentz **we dwanácti letech** a druhé pacholatko **malo menʃʃij**.

Настоящие младенцы в тексте обозначаются иначе, с использованием лексем, не допускающих иной интерпретации:

— Sʃtefan Winopal … **s dcerkau w ʃʃeʃti letech**;

— Mandelena **s wnučetem** ʃwým tu padʃʃy vhořala a tak ana to **dietiatko** drʒij na ruce obgawʃʃij ge naleʒena;

— Dwé **dítek** převtieʃʃených.

Значение «молодой слуга», закрепленное за чеш. *pacholatko* и нем. *büb*, устраняет все кажущиеся противоречия. Оба существительные в нашем случае обозначают не младенческий возраст, а социальную роль подростков. Данный семантический контекст характерен для всего произведения в целом. Если внимательно присмотримся, то заметим, что в пожаре 1541 г. погибло не так много патрициев. В основном это лица, состоявшие в домашнем услужении: *kuchařka*, *pacholatko* или *pacholik*, *hauſknecht*, *dijwčatko* или *diewečka*, *pana paſtorkyně*, *ſlužebnijk*, *holomek*. Преимущественный состав погибших вполне понятен и естественен — обязанностью прислуги было озаботиться и сохранить имущество своих господ.

Небезынтересен вопрос о сфере прямых обязанностей лиц, обозначенных сущ. *pacholátko*. Между вышеперечисленными разновидностями прислуги имелись существенные отличия. Иначе говоря, *pacholátko* не являлось полным синонимом чеш. *hauſknecht* и т. д. Об этом хорошо свидетельствует, например, следующая фраза:

Manželku geho owſſem nalezli w Lochu zaduſſenau **s pannau gegij paſtorkynij** a **s pacholatkem** / také y **s Hauſknechtem**.

Нельзя думать, что Скорина-младший, будучи слугой священника Яна из Пухова, занимался делами примитивно-бытового характера. В его обязанности не входила личная гигиена хозяина, он не мыл полы, не носил воду из колодца на кухню и т. д. Для этих нужд были другие. Словом *pacholátko* обозначались лица, служившие непосредственно своему хозяину, исполнявшие его личные поручения. Такой слуга, находившийся на содержании господина-наставника, выступал его компаньоном, личным секретарем, помощником и учеником. Приобретая знания и навыки, они получали необходимый жизненный опыт и образование. В среде мастеровых *pacholátko* был подмастерьем, учеником-ремесленником, у знатных особ — пажом. Сущ. *pacholátko* обозначало слугу в возрасте приблизительно 12 лет. Служение в данном звании в зависимости от физических и умственных способностей могло длиться в период от 7 до 14 лет. Сыну Скорины в 1541 г. должно было быть как раз около 12 лет (дети у Скорины рождаются в браке с Маргаритой до 1529 г.).

Как уже было отмечено, А. В. Флоровский во главу угла своей интерпретации поставил чеш. *niekdy*. Фрагмент pacholatko Frantiſſek Syn niekdy Doktora Ruſa ученый при помощи наречия прочитал как «младенец Франтишек, сын *умершего* доктора Руса». Так в скориноведении возникла гипотеза о ранней, до 1541 года, смерти Ф. Скорины.

Но «Словарь древнечешского языка» за наречием *někdy* закрепляет существенно больше значений:

(1) ‘когда-то, в точно неопределенном прошлом (особенно в отдаленном прошлом), некогда (книжн.)’,

(2) ‘[об однократном действии] однажды, один раз в прошлом’,

(3) ‘[об однократном действии] некогда, когда-то, иногда’,

(4) ‘[о нереализованном действии] некогда, однажды, когда-то в будущем’[25].

Наречие в значении ‘когда-то, в точно неопределенном прошлом, некогда’ нередко использовалось в составе конструкций с приложением, когда adv. *niekdy* и посессивная форма существительного (в нашем случае: *Doktora*) распространяли определяющее существительное (*Syn*): «сын некогда кого?». Определяемым словом в рамках оппозиции чаще всего выступало имя собственное (в нашем случае: *Frantiſſek*). Словосочетание *niekdy* + subst. gen. обозначало преходящее свойство существительного-приложения, в нашем случае — былую принадлежность, обусловленную родственными связями (*Syn Doktora*). Однако нельзя утверждать, что в посессивную конструкцию, а именно в обозначение обладателя, наречие *niekdy* всегда и везде вносило облигаторную сему ‘мертвый, умерший’.

Особенности использования синтаксической конструкции можно проследить на материале *Хроники* В. Гаека. Это произведение особенно репрезентативно для

нас, так как было создано тем же автором и издано в том же году, что и описание пражского пожара. В объемном (DXVI f.) историографическом сочинении интересующее нас наречие использовано 510 раз. Синтаксическая конструкция с отношением оппозиции, содержащая adv. *někdy*, засвидетельствована не менее 110 раз. Первым членом оппозиции в подавляющем большинстве случаев (94) выступает имя собственное. Вторым членом идет субстантив: *syn* (60), *manželka* (19), *dcera* (15), *bratr* (4), *otec* (3) *pravnuk* (1), *vnuk* (1), *služebnice* (1), *manžel* (1), *kaplan* (1), *hrad* (1), *biskup* (1), *maršalek* (1), *sestra* (1). Таким образом, конструкция Franti∫∫ek — Syn, судя по хронике, принадлежит к наиболее распространенной модели оппозиционных отношений. В формальном плане тождественность конструкций вопросов не вызывает, однако жанровая специфика предопределяет существенные семантические отличия.

Коннотативное значение «умерший» в зависимости от того или иного контекста действительно может закрепляться за посессором. Такое значение часто предопределяют экстралингвистические факторы. Возьмем, например, хронографический жанр, где повествуется о веренице различных правителей древности, которые в права наследования *всегда* вступают после смерти своих отцов. Соответственно, когда говорится, что «король *X* — сын некогда короля *Y*», относительная хронология предельно ясна: «некогда король» — «некогда» умер. То же самое наблюдаем и с брачными отношениями. Выражение Anna Manʒelka niekdy Cy∫aře Karla «Анна жена некогда императора Карла» легко понять как «Анна — вдова Карла». Иной интерпретационной возможности, ввиду отсутствия в те времена института развода, быть не может (т. е. нельзя представить отношения: Анна — бывшая жена Карла, который жив и, например, женат на другой). Однако данный семантический оттенок вторичен и окказионален. Синтаксическая оппозиция Anna — Manželka при помощи сопутствующей посессивной конструкции выражает значение: «Анна, приходившаяся женой императору Карлу». Акцентировать то, что Карл мертв, — излишне, так как о смерти императора читатель был прекрасно информирован и до этого. В качестве красноречивого примера можно привести предложение из той же хроники В. Гаека:

Na ten den přiʃʃla take Wdowa / manʒelka niekdy Hrabiete předpowiedieneho k Sau|du / a taynie pod Plaʃʃtiem hlawu Manʒela ʃweho přineʃla… (LXXXXVIIv)

«В тот день пришла также вдова, жена некогда графа вышеупомянутого, в суд и тайно под плащом голову своего мужа принесла…».

И в данном случае нет ни малейшей нужды подчеркивать, что граф мертв (без головы жить трудно), и тем более, что он умер «некогда» (был убит перед этим и об этом в тексте только что было сказано — předpowiedieneho). Предназначение конструкции — выявить и указать родственную связь.

Итак, хроника изображает правителей глубокой древности. Из-за характера престолонаследия сема «умерший» появляется здесь практически автоматически. Совсем иное дело, когда в центре повествования оказывается не король или иной власть предержащий, а ничтожный *pacholátko*. В конце концов, даже в хронике встречаются случаи, когда *někdy* + subst. gen. обозначают принадлежность лица здравствующему (!) члену рода, например:

Břetiʃlaw niekdy | Otec Spitihniewuow <…> Poručil byl k ʒprawowanij y k vʒywanij Spiti|hniewowi Ziatecku kraginu… (CXXIIIIv)

«Бржетислав — отец некогда Спитигнева <…> передал на управление и пользование Спитигневу жатецкую землю…».

Исходя из вышесказанного, можно прийти к заключению, что синтаксическая оппозиция, распространенная за счет посессивной конструкции с adv. *někdy*, обозначает бывшее, утраченное притяжательное свойство некоего лица или вещи (‘приходиться в прошлом кому-то сыном, мужем, женой и т. д.’). Иногда может появляться семантика, что лица-посессора в живых уже нет, тем не менее данное

коннотативное значение факультативно и ситуативно. В рамках распространенной посессивной конструкции наречие обстоятельства времени *niekdy* распространяет коррелят manʒelka/syn/bratr… («жена/сын/брат… некогда кого?»).

Кроме того, можно также предположить, что наречие распространяло не коррелят (Manʒelka), а посессор, т. е. Cyʃaře Karla. Тогда необходимо реконструировать эллипсис: «Анна — жена (кого?) императора Карла (какого?) некогда [умершего]». Такой способ интерпретации и избрал А. В. Флоровский: «Франтишек — сын доктора Руса некогда [умершего]». Однако, рассматривая данную взаимосвязь, необходимо учитывать и иное семантическое толкование (без эллипсиса): «Франтишек — сын Руса некогда доктора». В 1-й пол. XVI в. пражане знали своих докторов поименно, поэтому пишущий мог ссылаться на хорошо известное для его современников лицо, т. е. на доктора, по каким-то причинам уже не практикующего медицину. Известные биографические данные о Ф. Скорине данному соотнесению не противоречат: до 1539 г. он — королевский садовник, в прошлом — доктор.

Поиск эксклюзивного логического ударения и иная формальная и семантическая сегментация текста в принципе возможны, однако подобные попытки всегда будут иметь статус предполагаемой реконструкции. Предпочтение поэтому мы должны отдавать эксплицитно выраженному значению, которое обозначает родовую принадлежность саму по себе безотносительно к возможным (умалчиваемым) качествам посессора. Для нас важно и то, что фрагмент pacholatko Frantiʃʃek Syn niekdy Doktora Ruʃa «слуга Франтишек, приходившийся сыном доктору Русу» органично и убедительно осмысляется в контексте социально-возрастных категорий, которые составляют основу и общий фон «O neʃʃtiaʃtnee przihodie…» 1541 г. Иными словами, до приобретения социальных прав и обязанностей, т. е. до поступления на службу, Франтишек был дитятею-иждивенцем Ф. Скорины (категория dítě по А. Коменскому — 1—7 лет).

Итак, анализ текста, представляющего интерес для скориноведения, необходимо начинать с сущ. *pacholatko*. Учитывая специфику произведения, в котором весомое внимание уделяется роду занятий и социальному статусу жертв, можно высказать уверенность, что слово употреблено в значении «личный слуга, помощник-ученик». Иное истолкование слова («младенец», «мальчик», «ребенок» и под.) вносит в текст «новины» алогизм.

Вместе с тем, мы сталкиваемся с проблемой альтернативного прочтения конструкции с наречием обстоятельства времени, при котором возможны следующие семантические интерпретации:

(1) ‘слуга Франтишек, приходившийся сыном доктору Русу’,

(2) ‘слуга Франтишек, приходившийся сыном Русу, который когда-то занимался докторской практикой’,

(3) ‘слуга Франтишек, сын умершего доктора Руса’.

Первая возможность представляется наиболее адекватной.

К счастью, в нашем распоряжении имеется материал, который позволяет проверить изложенную выше интерпретацию, так как мы располагаем двумя немецкими переводами текста — ровесниками чешского издания 1541 г. Один из переводов, как мы помним, мог быть создан или авторизирован самим В. Гаеком. Как бы то ни было, но переводили текст современники, люди, хорошо знакомые со словоупотреблением чешского языка середины XVI в. В немецкоязычных изданиях (пражском и аугсбургских) посессивное значение выражено при помощи обычного генетива, что говорит в пользу первого значения этой фразы — ‘слуга Франтишек, приходившийся сыном доктору Русу’, ср.

— ein büb doctors Reyʃchen ʃun / Frantz ge‥|nant (Прага);

— ain knab | Franciʃkus genandt / des Doctors Reyʃen ʃhon (Аугсбург).

При переводе свидетельства В. Гаека 1541 г. на современный русский или иной язык следует опираться именно на эти тексты:

17.06.1541 чеш., Прага (*Knihopis* 2871) f. 6v	W domu knieȝe Jana ȝ Puchowa kaȝatele / Mandelena ku⁼| chařka. Přitom pacholatko Frantiſſek Syn niekdy Doktora | Ruſa / a geſſtie ktomu druhé pacholatko. |
25.06.1541 нем., Прага (VD16 XL 102) f. 7v	Jn des herrn hanſen von pucha / ains Behemiſchen prediger | hauß iſt / ſein köchin mit namen Magdalena mit ihr ain knab | Franciſkus genandt / des Doctors Reyſen ſhon / vnnd dorȝu | nach ein knab verprunnen.
1541 г. нем., Аугсбург (VD16 N 846) f. 6v	Wer jns herr Hanſen predigers hauß / iſt ein köchin ma⁼| del genañt / vnd ein büb doctors Reyſchen ſun / Frantz ge⁼| nant vnd noch ein anderer büb / auch alle verbrent worden. |

Дословный перевод: В доме священника Яна из Пухова, проповедника, [сгорели]: Магдалена кухарка, также слуга Франтишек, сын некогда доктора Руса, и еще к тому другой слуга.

Литературный перевод: В доме священника, проповедника Яна из Пухова, сгорели: кухарка Магдалена, слуга Франтишек, приходившийся сыном доктору Русу, и еще один молодой слуга.

§ 2. Небольшое по объему свидетельство В. Гаека рассматривалось исследователями жизни и деятельности Ф. Скорины в единственной плоскости — биографической. Сравнительно-текстологический и лингвистический анализ показывает, что это свидетельство не может служить аргументом, подтверждающим раннюю (до 1541 г.) датировку смерти Ф. Скорины. Фрагмент «новины» лишь сообщает, что один из его сыновей в это время служил в Праге и там погиб. Из текста неясно, где к тому моменту находился сам доктор Рус. Тем не менее, при всей своей немногословности свидетельство привлекает внимание с другой, малоизученной, перспективы — перспективы межличностных и, возможно, творческих контактов.

До сих пор остается недостаточно исследована возможная связь самого Ф. Скорины и В. Гаека. Говоря о жанровых особенностях «новины», мы упомянули о личностном характере произведения. Автор, не претендуя на полноту изображения, описывает *свое* видение трагедии; отсюда фрагментарность и субъективность общей картины. Само собой разумеется, что В. Гаек не мог одинаково хорошо быть знаком со всеми жертвами пожара. Кого-то из них он знал лучше, а о ком-то знал только понаслышке. «Новина» скупо сообщает о городских патрициях, а о ряде жертв низкого социального ранга нет вообще никакой детализирующей информации. На этом фоне выделяется упоминание Скорины-младшего и слуги по имени Лоренц, которые составляют редкое исключение. В обоих случаях слуга не только назван по имени, но и указано его происхождение. Так, о Лоренце говорится:

ſyn Jana Cukrařе pacholatko gménem Lorentz we dwanácti letech

‘сын Яна кондитера, слуга по имени Лоренц, двенадцати лет’.

Логично предположить, что В. Гаек мог быть знаком с кондитером Яном и доктором Русом. Более того, можно думать, что сами лица эти были общеизвестны, и именно поэтому их погибшие сыновья и они сами оказались упомянуты поименно. О возможном знакомстве В. Гаека с Ф. Скориной можно только предполагать. Однако они оба были католики и оба, занимаясь переводами библейских книг, были связаны с книгоиздательством. В этом контексте изучение литературного наследия В. Гаека потенциально может оказаться полезным для скориноведения: возможно, в «Хронике чешской» и в других трудах Гаека удастся обнаружить «следы Скорины».

Если личное знакомство Ф. Скорины с В. Гаеком представляется вероятным и даже правдоподобным, то сомневаться в непосредственных контактах между

Скориной и священником Яном из Пухова, в доме которого погиб сын Скорины, не приходится. Трудоустройство Скорины-младшего не могло быть заочным или случайным. Между Яном из Пухова и Ф. Скориной должны были быть определенные отношения, скорее всего, дружественные и доверительные[26], подкрепленные авторитетом «работодателя» и осознанием того, что служба у каноника пражского кафедрального капитула будет иметь для сына положительные последствия. Иначе говоря, выбирая хозяина-наставника для сына, Ф. Скорина должен был руководствоваться вполне определенными соображениями, так как данное решение предопределяло будущность потомка. Если бы не пожар 1541 г., Скорину-младшего могли ожидать карьера католического священника и даже книгоиздательская (!) деятельность.

До сих пор исследователи уделяли преимущественное внимание словосочетанию niekdy Doktora Ruſa, но в тексте присутствует, на наш взгляд, куда более ценная информация, выраженная вышеоговоренным субстантивом *pacholatko* и инициальной формулировкой W domu knieȝe Jana ȝ Puchowa kaȝatele. Исследователи Ф. Скорины в полной мере должны осознать, что Ян из Пухова — не рядовой священник, в доме которого в силу случайных обстоятельств погиб сын Скорины. Речь идет о докторе теологии Johannes (Podbradský) de Puchov († около 1557) — одном из самых известных и влиятельных людей середины XVI в. Архидиакон плзеньский, с 1536 г. он становится каноником пражского кафедрального капитула, в 1542 г. — пробстом мельницкого коллегиального капитула, в период 1543—1555 гг. — администратором пражской архиепархии, с 1549 г. он — пражский архидиакон[27]. Помимо высоких церковных чинов, Ян из Пухова известен своей литературной и книгоиздательской деятельностью. Именно Ян из Пухова инициировал и издал чешскую версию «Космографии» Себастиана Мюнстера:

MDLIIII. Koȝmograffia Cȝeſká: To geſt wypſánij / o poloȝenij Kragín neb Ȝemij | y Obyčegijch Národuow wſſeho Swieta / a Hyſtorygij podlé Počtu Leth naněm ȝběhlých / prwé nikdá | tak poſpolku w ȝádném Jazyku newidaná. Cum gratia et privilegio Sacre Regie Maiestatis. (Wytiſſtiena a dokonána gest | Knijha tato w Praȝe / w Pátek den Powy⸗ſſenij Swatého Křijȝe [14 сентября]. Létha Pánie | Tiſýcýho / Pětiſtého / Padeſátého / Cȝtwrtého. Jan Koſořſký ȝ Ȝkoſoře.).

Изданная в 1554 г. при его непосредственном участии и покровительстве книга представляет собой выдающийся памятник чешского книгопечатного искусства середины XVI в. По словам Петра Войта, чешское издание мюнстеровской «Космографии» — чудо, не имеющее аналога в ойкумене чешского книгопечатания периода инкунабул, палеотипов и старопечатных книг[28]. Таким образом, перед нами «случайная неслучайность»: потомок первопечатника Великого Княжества Литовского погибает на службе и в доме другого знаменитого книгоиздателя!

История появления чешской «Космографии» имеет такую хронологическую канву. В 1550 г. Себастиан Мюнстер послал королю Фердинанду I один экземпляр своего труда[29]. Король, заботясь о просвещении чехов и «других народов, которые в языке с ними сравниваются», в разговорах с Яном из Пухова многократно упоминал о необходимости появления чешского перевода Мюнстера[30]. Администратор пражской архиепархии, Ян лично взялся за исполнение пожелания короля, однако не смог совместить литературную работу со своими прямыми церковными обязанностями[31]. Поэтому Ян нашел подходящего человека из своего окружения — Зигмунда-младшего из Пухова, которому после «нескольких лет» усердного труда удалось завершить трудоемкую работу. Второе предисловие, в котором Зигмунд-младший из Пухова обращается к своему дяде Яну из Пухова, содержит важные дополнительные сведения. Так, мы узнаем, что перевод был сделан с латинского языка (přeloȝenij Koȝmografie / z Rȝečy Latinſké do Čȝeſké; f. IVv) и что Зигмунд трудился не покладая рук

более четырех лет (wíjce neʒ čtyry Léta pořád / dotčenau Koʒmograffigi překládal a ʒbíjral; f. Vr).

В этой связи сразу возникают вопросы по относительной хронологии событий, как они представлены в предисловиях издателя и собственно переводчика. Дело в том, что на латинском языке сочинение С. Мюнстера впервые было опубликовано в 1550 г., а чешская версия появилась в сентябре 1554 г. Следует учитывать, что верстка такой объемной книги требовала очень много времени. Набор тиража в типографии Косоржского наверняка проводился в течение большей части 1553 г. Таким образом, переводчик не мог работать с латинской «Космографией» «более четырех лет». Данное противоречие можно объяснить двояко. Зигмунд из Пухова мог указать неверный временной отрезок для своей работы, т. е. обобщил время, затраченное на работу над переводом. В таком случае выходит, что над объемным переводом он трудился всего три года с небольшим. Учитывая трудоемкость мероприятия, напрашивается другое объяснение: переводчик мог начать работу по одному из *немецких* изданий, которые вышли несколькими годами ранее латинского — в 1544, 1546, 1548 гг., а потом продолжил работу по латинскому изданию 1550 г. В таком случае роль Фердинанда I была бы номинальной (инициативу издания могли искусственно связать с экземпляром «Космографии», который С. Мюнстер в 1550 г. послал Фердинанду I).

Так или иначе, работа над книгой интенсивно велась в период 1550—1552 гг., а возможно, и ранее, т. е. в период, когда Ф. Скорина бы еще жив. Данное соображение определило исследовательскую задачу: проверить, нет ли в чешском тексте «Космографии» отступлений и дополнений, появление которых можно было бы объяснить за счет прямого или опосредованного влияния Ф. Скорины. При поиске потенциально возможных глосс мы ограничились только главами, повествующими об истории и современности Великого Княжества Литовского. Результат получился весьма интересный.

В чешской версии Мюнстера находим значительный текстовый массив (две страницы текста, f. DXXXIIv-DXXXIIIv), который не имеет аналога ни в немецком, ни в латинском, ни в польском изданиях Мюнстера и носит ярко выраженную идеологическую направленность. Переводя латинскую фразу о поклонении литовцев духам, огню, лесам и змеям (Lithuani numina, ignem, syluas, aspides & serpentes, quos etiam in singulis domibus uelut deos penates nutriebant, sacrificia faciebant & uenerabantur; 1552, p. 906), чешский переводчик развивает ее совсем неожиданным для нас образом:

Ta Wíjra Diábelſká aʒ poſa|wád w Ʒemijch Křeſtianſkých aʒ y ʒde w Ʒemi Cʒeſké / při mnohých ʒuoſtá‗|wá… (f. DXXXIIv)

‘Эта вера дьявольская до сих пор в землях христианских, даже и здесь, в земле чешской, у многих остается…’.

Далее следует многословное осуждение протестантов, которые уповают «на счастье» ровно так же, как и современные чешские почитатели змей[32].

Второе отступление от оригинала касается Грюнвальдской битвы. Латинский текст содержал о ней краткое упоминание, которое завершалось сообщением о 50 тысячах погибших. Чешская вставка существенно развивала этот фрагмент:

Ale Kroniky Polſke | vkaʒugij / ʒe poſtraně Germánuow wijce mnohým neʒ Padeſáte Tiſýc geſt po‗|mordowáno / Ʒdruhé ſtrany také Tiſýcůw mnoho padlo / neb Křiʒownijkům | ʒe wſſij téměř Germanye Lid napomoc táhl / meʒynimiʒto Sſweycaruow nie‗|kolik Tiſýc / pěſſijho y Gijʒdného Lidu bylo. A natom welikém a ſſirokém | Polí / naněmž tato převkrutná Bitwa byla / aʒ poſawád nic neroſte / ale Ʒemie | od Krwe geſt wſſecka ſpalená a Cʒerwená / ʒhlaubij Dwau a třij Loket. A | Hromady weliké Koſtij Lidſkých a Konſkých aʒ poſaeád tu leʒij (f. DXXXv)

‘Но хроники польские говорят, что со стороны немцев более 50 тысяч уничтожено, с другой стороны тоже много тысяч погибло, так как к крестоносцам люди шли на помощь практически со всей Германии. Одних швейцарцев между

ними было несколько тысяч пехоты и конных. И на том большом и широком поле, на котором произошло это кровавое сражение, до сих пор ничего не растет, а земля кровью вся сожжена и красная до глубины двух-трех локтей. И большие кучи людских и лошадиных костей до сих пор здесь лежат'.

Первая часть приведенной выше глоссы представляет собой исторический экскурс. Вторая часть, обращенная в современность, дважды повторяется наречие poſawád «до сих пор» и создает впечатление, что переводчик опирался на сведения, заимствованные из личного жизненного опыта. Ф. Скорина мог быть источником таких сведений, так как служил в Прусском герцогстве, на территории которого и произошла Грюнвальдская битва. Нельзя, однако, исключать возможность того, что данное свидетельство воспроизводило какой-то книжный источник, но и в этом случае факт расширения латинского оригинала представляет известный интерес. Необходимо учитывать, что многие адаптации «Космографии» на национальных языках уточняли и расширяли те ее части, которые касались их собственной национальной истории. Чешский перевод Мюнстера в этом смысле не явился исключением. Он существенно полнее и качественнее изображал местную историю и современные чешские реалии[33]. Это — вполне закономерное явление, однако чем руководствовался *чешский* переводчик, дополняя не чешские, а *литовские* сведения? Для чешского читателя сер. XVI века Грюнвальдская битва не представляла особого интереса. В этом легко убедиться на примере *Хроники* того же В. Гаека (см. f. CCCLXVIv-CCCLXVIIr)[34]. Еще более удивляют морализаторские размышления о греховности протестантов, искусственно увязанные с поведением древних литовцев-язычников и обычаями современных чехов.

Особенности «перевода» говорят в пользу того, что перечисленные глоссы были внесены человеком, который не только обладал какими-то сведениями о Великом Княжестве Литовском, но и счел необходимым поделиться этими сведениями с чешским читателем. Отсюда актуальным становится вопрос выяснения, как часто и в каких именно главах (помимо частей, посвященных непосредственно чешским землям) чешский перевод Мюнстера отклоняется от латинского оригинала. Если выяснится, что такие отступления обнаруживаются при описании Польши, Дании, Италии, Прусского герцогства, то возможность потенциального влияния Ф. Скорины на этот текст только усилится.

Подведем итоги.

1. Энциклопедический справочник «Францыск Скарына і яго час» ошибочно датирует свидетельство В. Гаека 2 июня 1541 г., т. е. днем пражского пожара. На самом деле это свидетельство следует датировать 17 июня 1541 г. (25 июня 1541 г. датируется первое немецкоязычное свидетельство).

2. Для адекватного восприятия свидетельства В. Гаека необходимо определить жанровые особенности произведения. Описание пражского пожара 1541 г. принадлежит к числу публицистических творений. Перед нами «новина» (*Newe zeytung*), которая, не претендуя на полноту и объективность, молниеносно отреагировала на трагические события современности.

3. У данной «новины» — сиюминутное предназначение, а ее целевая аудитория — не современный исследователь Ф. Скорины, а читатель того же 1541 г. Огромное количество информации передается имплицитно, так как пражанин 1-й половины XVI в. не нуждался в объяснении очевидного. Доктора в те времена относились к лицам общеизвестным, поэтому было бы излишним сообщать о том, что Ф. Скорины уже нет среди живых (если бы это было действительно так).

4. Об авторе произведения 1541 г. неправомерно говорить как о хронисте. Текст написан «новеллистом», т. е. публицистом. В. Гаек успешно себя реализовал и в других жанрах, в частности, занимался, как и Ф. Скорина, переводами и изданием библейских книг. «Новина», отражающая личностное восприятие

трагедии, может свидетельствовать о личном знакомстве и творческих контактах В. Гаека и Ф. Скорины.

5. Жанровая специфика предопределила популярность произведения в более позднее время (чешское переиздание 1614 г. и его контрафактное издание в период 1614—1650 гг.). О небывалой востребованности «новины» от 17 июня 1541 г. свидетельствуют: (a) параллельное пражское издание (VD16 XL 102), изданное в типографии того же Б. Нетолицкого 25 июня 1541 г. на немецком языке, (b) первое аугсбургское немецкоязычное издание (VD16 N 846) Г. Штайнера, (c) повторное аугсбургское немецкоязычное издание (VD16 N 845) Г. Штайнера.

6. Издания Я. Бецковского 1697 и 1879 гг., ввиду их вторичности и неточности, для изучения свидетельства В. Гаека использоваться не могут. В таком изучении необходимо исходить из текста первого издания, но ограничиваться лишь чешским текстом «новины» нельзя. Скориноведение располагает минимум тремя релевантными формами источника: (a) пражским изданием на чешском языке от 17 июня 1541 г., (b) пражским изданием на немецком языке от 25 июня 1541, (c) первым аугсбургским изданием (VD16 N 846).

7. Аугсбургские издания (VD16 N 846 и VD16 N 845) Г. Штайнера представляют особую ценность по двум причинам. Во-первых, издатель использовал перевод, отличающийся от немецкоязычного издания Б. Нетолицкого, причем формулировки чешского оригинала в нем часто переданы точнее. Велика вероятность того, что данный перевод сделал / авторизировал сам В. Гаек. Во-вторых, аугсбургские издания содержат ценный иллюстрационный материал. Уникальная панорама Пражского кремля изображает город с перспективы, которую королевский садовник Ф. Скорина знал лучше всего. Одновременно ксилография изображает место и время, где и когда погиб Скорина-младший.

8. Чешское существительное *pacholatko* и его немецкий вариант *büb* употреблены в значении ‘слуга, помощник, ученик’, что, таким образом, определяет социальный статус Скорины-младшего. Посессивная конструкция niekdy Doktora Ruſa (в немецких переводах без adv. *weiland*) в свою очередь обозначает родственную связь безотносительно к свойствам посессива: «некогда доктора Руса». Соответственно, с учетом параллельных немецких переводов фрагмент Frantiſſek Syn niekdy Doktora Ruſa следует переводить как «[сгорел] Франтишек, приходившийся сыном доктору Русу». Свидетельство В. Гаека, таким образом, сообщает, что «В доме священника, проповедника Яна из Пухова сгорели: кухарка Магдалена, слуга Франтишек, приходившийся сыном доктору Русу, и еще один молодой слуга».

9. А. В. Флоровский в подтверждение своей гипотезы о ранней кончине (т. е. до 1541 г.) Ф. Скорины привел единственный аргумент — свидетельство В. Гаека. Предложенную им интерпретацию текста невозможно признать состоятельной, т. к. свидетельство В. Гаека не имеет никакой доказательной силы. Речь идет о научном недоразумении, которое, как ненужный балласт (ср. спекуляции относительно имени Георгий), на долгое время отяготило скориноведение. Ф. Скорина умер в конце 1551-го или в начале 1552 г. Для других возможностей никаких оснований нет.

10. Свидетельство В. Гаека сообщает, что в пражском пожаре 1541 г. погиб Скорина-младший. Где в тот момент находился или жил сам Ф. Скорина и чем он занимался, нам доподлинно не известно. Служба одного из сыновей у каноника пражского кафедрального капитула сама по себе значима. Она свидетельствует о личных контактах между Ф. Скориной и священником Яном из Пухова. Место Франтишка-младшего в окружении Яна из Пухова мог занять второй сын Ф. Скорины — Симеон. Примечательно, что сын первопечатника Великого Княжества Литовского был отдан в услужение лицу, которое в 1554 г. приобрело репутацию видного чешского книгоиздателя.

Комментарии

[1]Впервые статья издана А. Б. Страховым в журнале *Palaeoslavica* (XXIV/1, 2016, pp. 52—78). Вниманию читателей «Нёмана» предлагается ее исправленный и дополненный вариант.

[2]К системному изучению пражского периода жизни и деятельности Ф. Скорины побуждают открытия последних лет, а именно скориноведческие исследования Петра Войта. См. Войт П. Новые сведения о деятельности Франциска Скорины в Праге (1517—1519) // Vilniaus universiteto bibliotekos metraštis. 2015. Vilnius: Vilniaus universiteto biblioteka, 2015, pp. 339—373; Idem., Пражская книжная культура в период деятельности Франциска Скорины // Матэрыялы X Міжнародных кнігазнаўчых чытанняў «Книжная культура Беларуси XVI — середины XVII в.: к 440-летию издательской деятельности Мамоничей», Минск 17—18 красавіка 2014 г. Минск, 2014, стр. 10—22; Voit P. Výtvarná složka Skorinovy Bible ruské jako součást české knižní grafiky // Umění 62/4, 2014, pp. 334—353); Idem., Český knihtisk mezi pozdní gotikou a renesancí. I. Severinsko-kosořská dynastie 1488—1557. Praha: Koniash Latin Press, 2013.

[3] Дакументы пра Францыска Скарыну // Францыск Скарына і яго час: Энцыклапедычны даведнік. Мінск: БелСЭ, 1988, стр. 564—582; вторично издан в 1990 г. на русском языке, см: Франциск Скорина и его время. Энциклопедический справочник. Мінск: БелСЭ, 1990, стр. 584—603.

[4] Там же, стр. 578.

[5]Здесь и далее цитируем точно по тексту: знак (|) указывает на строкораздел, знак (/) принадлежит цитируемому тексту, знак (〃|) перед строкоразделом означает перенос и принадлежит цитируемому тексту.

[6] Издатель книги использовал старое иллюстрационное клише нюрнбергской художественно-декоративной школы, которое впервые было опубликовано (f. CXVIIIr) в книге: Hortulus anime. Zahradka dussie naboznymi modlytbami A pieknymi figurami ozdobena. 1520. I Nadiege ma z wysostij M.[antuan] [Norimberk: Hieronym Höltzel]. О предыстории гравюры см.: Voit P. Český knihtisk… (как в прим. 2 выше) pp. 255—256; Voit P. Role Norimberku při utváření české a moravské knižní kultury první poloviny 16. století // Documenta Pragensia, 2010, roč. 29, pp. 389—357.

[7] *Knihopis Digital* — база данных, регистрирующая инкунабулы, палеотипы и ранние печатные книги с 1476 по 1800 гг., была создана отделением Документации и изучения культурного наследия чешских земель до 1800 г. в Центре классических исследований Академии наук ЧР (Dokumentace a výzkum kulturního dědictví v českých zemích do roku 1800, Kabinet pro klasická studia AV ČR). С 2015 г. база данных *KPS — Databáze Knihopis* Национальной библиотеки ЧР (Národní knihovna ČR): http://aleph.nkp.cz/F/?func=file&file_name=find-b&local_base=KPS.

[8] База данных *Knihopis* датирует книгу первой четвертью XVII в. В настоящей статье мы сужаем временной рубеж появления книги на период с 1614 г. Книга представляет собой сокращенное переиздание «O neſſťaſtné přjhodě…» 1614 г. издания. Об этом свидетельствует заглавие книги, а именно формулировка Nynj **w nowě** ȝ Starého | Ekſempláře ȝaſe wytlačeno (‘В наше время опять по старому экземпляру вновь напечатано’). Первое издание В. Гаека 1541 г. не могло быть использовано наборщиком этого издания, так как присутствуют пропуски и ошибки, допущенные наборщиком 1614 г. Ср., например, такие случаи: (1) …a wſſech tré hanebnie obhořelo a ȝamřeli (1541), …a wſſech tré (hanebně obhořelo) ȝamřeli (1614), …a wſſech trý (hanebné obhořelo) ȝemřeli (1614-); (2) …wſſak proto ti oba ſau geſſtie ǯiwij (1541), …wſſak proto ǯiw ȝůſtal (1614), …wſſak proto ǯiw ȝůſtal (1614-); (3) абзац W domu pána Jryſpeka / vhořal Jiřijk geho ſluǯebnijk (1541) в повторных изданиях 1614, 1614 гг. отсутствует и т. д. Текст издания 1614- значительно сокращен по сравнению с изданием 1614 г.: отсутствуют дедикация и стихотворное обращение к читателю Wſſem wěrným Cǯechům k památce / | Jest wydaná tato práce… (в издании 1614 г. оно занимает лл. 11v—12r). На титульной странице видим геральдического чешского льва, качество изображения которого сильно уступает оригиналу (в издании 1614 г.:

f. 1r); других декоративных элементов (в издании 1614 г.: виньетки: 11v, 12r; заставки: 10v, 12r) — нет вовсе.

[9] Beckovský J. Poselkyně starých příběhův českých. Díl druhý (Od roku 1526—1715). Sv. 1—2. Praha: Písmem knihtiskárny B. Stýlovy, 1879.

[10] Благодарю за ссылку на источник Петра Войта. См.: http://digital.staatsbibliothek-berlin.de/werkansicht/?PPN=PPN771566069&LOGID=LOG_0005.

[11] В первом случае повествование о пожаре начинается сразу на обороте титульного листа (f. 1v), во втором случае он оставлен пустым (соответственно весь текст смещается на одну полосу). В одном случае колофон помещен на последнем пустом листе книги (8r) после ксилографического изображения Праги (7v), в другом случае — в конце текстовой части (7r) перед иллюстрацией (8r).

[12] Večeřová P. «O nešťastné příhodě» Václava Hájka z Libočan // Knihy a dějiny, roč. 3, č. 1. Praha, Knihovna AV ČR 1996, pp. 33—49.

[13] Ян Козак и Петр Хотебор высказали сомнения относительно конфигурации двух последних башен, ср. Kozák J., Chotébor P. Ilustrace k soudobé zprávě o požáru Pražského hradu roku 1541 // Průzkumy památek. Roč. VIII, č. 1, 2001, pp. 145—152. Действительно, Белая и Пороховая башни круглые, на гравюре же видим строения скорее прямоугольной формы. Такую метаморфозу можно объяснить за счет трудностей оптического восприятия, так как замок запечатлен под углом приблизительно 15—20 градусов.

[14] В. Гаек сообщает о гибели некоего Йиржика, смотрителя башни, ближе всего расположенной к Пороховому мосту: Giřijk kterýž Mihulku ȝprawowal / a miel domek w ȝamku | v ſamých wrat / ten kdyȝ hořalo wybiehl s manȝelkau a s die"|wečkau před duom Miſtra Jana / a tu kde ſtali dwie diela a | moȝdijř ſám třetij vhořal / a neoſtaly gich wſſech neȝ koſti (‘Йиржик, который был смотрителем Мигулки и у которого был дом в кремле у самых ворот, когда горело, выбежал с женой и служанкой к дому мистра Яна и здесь, где стояли две пушки и мортира, вместе с женой и служанкой сгорел. Остались от них одни кости’). Мистра Яна правомерно отождествлять с каноником Яном из Пухова. Таким образом, возможно предположить, что сын Скорины погиб в доме, непосредственно прилегавшем или находившемся в непосредственной близости с Пороховой башней.

[15] Природа взаимосвязи приблизительно такая же, как между белорусским и русским изданиями энциклопедического справочника «Францыск Скарына і яго час», с тем отличием, что между чешским «оригиналом» и его немецким «переводом» не было двухлетнего промежутка.

[16] Подписчиками рукописных недельных «Новин» была горстка состоятельных дворян. О жанре «новина» см. статьи «Novinový leták» и «Noviny» в «Энциклопедии книги» Петра Войта: Voit P. Encyklopedie knihy. Starší knihtisk a příbuzní obory mezi polovinou 15. a počátkem 19. století. Praha: LIBRI, 2006, pp. 634—638.

[17] *Францыск Скарына…* (как в прим. 3 выше), стр. 578.

[18] *Францыск Скарына…* (как в прим. 3 выше), стр. 598.

[19] Галенчанка Г. Я. Францыск Скарына — беларускі і ўсходнеславянскі першадрукар. Мн.: Навука і тэхніка, 1993, стр. 103.

[20] Florovskij A. V. Nové zprávy o pobytu Františka Skoryny v Praze // Časopis národního musea 1936. Oddíl duchovědný. Roč. CX. Praha, p. 17.

[21] Флоровский А. В. Чешская библия в истории русской культуры и письменности // Sborník filologický. III Třída České akademie věd a umění. Sv. XII. V Praze, 1946, p. 214.

[22] Staročeský slovník. 15 (*paběničský — pevnina*). Praha: ACADEMIA, 1985, s. 12. См. там же *pachole* (s. 12—13), *pacholátko* (s. 12).

[23] Ср. распространенную словообразовательную модель у сущ. ср. р.: *dítě — děťátko*, *kuře — kuřátko*, *tele — telátko*, *mládě — mláďátko* и т. д.

[24] См. *Bube* в словаре немецкого языка братьев Гримм (*DWB*: Bd. II (1860), s. 457—462). Словарная статья по [1]DWB и примеры словоупотребления (*Deutsches Textarchiv*): http://www.dwds.de/?qu=Bube.

[25] Staročeský slovník. 4 (*nedobře — neosědlý*). Praha: ACADEMIA, 1972, s. 504—505.

[26] Находясь в Вильнюсе, Ф. Скорина служил лекарем у католического епископа Яна. Услугами доктора мог пользоваться и пражский высокопоставленный католический клирик.

[27] Podlaha A. Series praepositorum, decanorum, archidiaconorum aliorumque praelatorum et canonicorum S. Metropolitanae Ecclesiae Pragensis a primordiis usque ad praesentia tempora (Editiones archivii et bibliothecae S. F. Metropolitani capituli Pragensis, n. X). Pragae: Typis officinae typographicae Cyrillo-Methodianae V. Kotrba, 1912, pp. 119—120.

[28] Voit P. Český knihtisk mezi pozdní gotikou a renesancí. I. Severinsko-kosořská dynastie 1488—1557. Praha: Koniash Latin Press, 2013, p. 431.

[29] Briefe Sebastian Münsters. Lateinisch und deutsch, Ingelheim am Rhein, 1964, p. 181.

[30] Ср. предисловие Яна из Пухова: …Królowſká miloſt / ʒ obʒwláſſtnij k | Národu Cʒeſkému miloſtiwe náchylnoſti / negednau roʒ|mlauwánij ſemnau mijwati ráčila / Totiʒ aby ſe Národu Cʒeſkému Koʒmo|graffia / Knijha o poloʒenij wſſeho Swěta / a wſſech Národech / yaʒykem Cʒe|ſkým ſebrala a ſepſala… (f. IIIr).

[31] Из предисловия Яна из Пухова: … tím | bedliwěgij a pilněji k tomu ſem ſe vſtawičně ſnaʒowal / a beʒ přeſtáníj y w | ſwých Nemocech ſtaral … (f. IIIv).

[32] Данный фрагмент чешской «Космографии» заслуживает особого внимания и будет рассмотрен в отдельной статье.

[33] См. Trávníček D. Popis Čech v «Kozmograffii čzeské» od Zikmunda z Púchova. Zikmund z Púchova a jeho dílo // Sborník Československé společnosti zeměpisné 61, 1956, p. 7—20; Freidhof G. Sebastian Münsters «Cosmographia» und ihre Tschechische Bearbeitung // Studien zum Humanismus in der Bömischen Ländern. Köln/Wien 1988, p. 441—466; Pánek J. Praha a středoevropské metropole v Kosmografii české Zikmunda z Puchova // V komnatách paláců — v ulicích měst. Praha 2007, p. 103—118; Šimák B. Mapa Zikmunda z Púchova a její původ // Sborník Československé společnosti zeměpisné 51, 1946, p. 1—9.

[34] Глосса не только не повторяет информацию В. Гаека, но, напротив, некоторые вещи преподносит иначе. В «Хронике чешской» 1541 г. сказано, что король Владислав приказал всех погибших похоронить (Wladiſlaw Kral kazal | wſſecky zbite natom mijſtie pohřebiti Pruſſaky/ zwlaſſt Litwany/ Ruſſaky/ Czěchy/ | Polaky/ každy narod obwlaſſtnie — CCCLXVIIr), а в чешской «Космографии» речь заходит о грудах человечьих костей, до сих пор лежащих на поле брани.

К 100-летию Янки Брыля

Любовь ТУРБИНА

Творчество Янки Брыля в контексте мировой литературы

В соцветии выдающихся белорусских писателей XX века Янка Брыль занимает особое место. Он прожил 89 лет. На протяжении шестидесяти с половиной лет писал художественные произведения; многое написанное им почти сразу становилось классикой и нашло широкое признание в мире. И это совсем не случайно, потому что он принадлежит к тем художникам, которые в глубинных основах своего творчества и всей жизни ориентированы на вечные представления о жизни и смерти, о добре и зле и потому, насколько возможно, свободны от сиюминутной злободневности. Как никто из белорусских писателей, пришедших в литературу после Второй мировой войны, он был предельно открыт миру. Очень точно сказал об этом его друг и соавтор документальной книги «Я из огненной деревни…» Алесь Адамович: «Я. Брыль ставит Беларусь, белорусское слово в широкий контекст человечества».

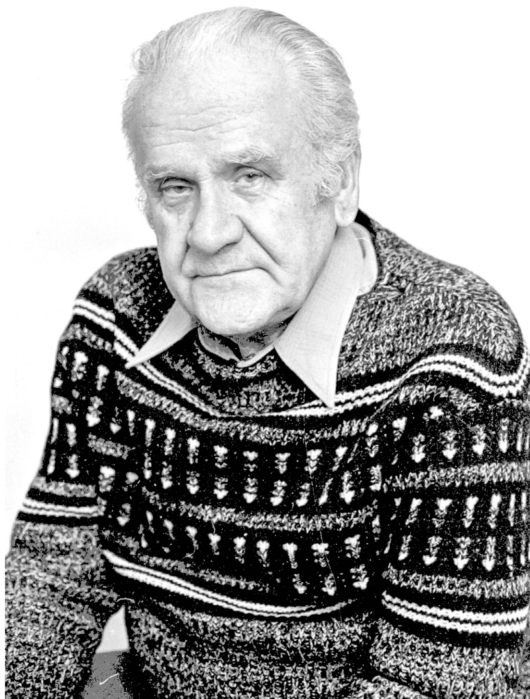
Янка Брыль неоднократно писал об огромной важности «контекста всемирности». В очерке «Душа — не странница» он признается: «…Счастье, настоящее человеческое счастье, в ощущении, что Земля — одна для всех, что нам, человечеству, нужно ее и хорошо узнать, и разумно обживать».

Однако открытость миру, нежная приязненность к человеку независимо от его национальности, уважение к морально-этическим ценностям никогда, ни при каких обстоятельствах не ослабляли преданности писателя родному краю, кровная связь с которым у Янки Брыля была очень сильной, непоколебимой. «Тихое, теплое ощущение нежности к родной земле, к природе, к людям нашим, к нашей мове и к песне всегда жило во мне… И никакое это не «хуторянство», не ограниченность, не национализм, и ничуть это не мешает моей любви к нашей многонациональной необозримости, общей человеческой родине — Земле. Как не мешает моей любви к семье народов, к семье человечества моя любовь к моей родной маме — к той единственной, что была, что есть в памяти моей души, зачарованной Ею с самого начала и навсегда», — так исчерпывающе и весомо сказал Я. Брыль еще в 80-е годы.

Родился Иван Антонович Брыль 4 августа 1917 года в Одессе. Отец его, Антон Данилович, имел сельские корни, однако работал в Одессе проводником вагонов. Там прошло раннее детство будущего писателя, он был самым младшим у родителей, имевших десять детей.

Летом 1922 года, обессиленный двумя приступами тифа, Антон Данилович, поддавшись на уговоры жены, вернулся с семьей на родину, в деревню Загорье на Новогрудчине. Через два года, простудившись в лесу, он слег и вскоре умер; растила троих малолетних мальчишек одна мать, она была женщиной сильной и по-деревенски работящей. Оттого колыбелью писательских дум Янки Брыля стала не Одесса, а Загорье, если брать шире — Новогрудчина, которая после Рижского раздела Беларуси отошла полякам.

В Загорье Янка Брыль окончил польскую начальную школу. Потом была семилетка, тоже польская, в соседнем местечке Турец. В 1931 году он поступает в Новогрудскую гимназию, однако не смог учиться из-за материальных трудно-

стей. Пришлось учиться самому: с четырнадцати лет, работая за взрослого на хозяйстве, он много читал, настойчиво занимался самообразованием (даже эсперанто выучил), многие ночи просиживал над первыми пробами пера. Несмотря на достаточно сложные материальные условия, психологический климат многодетной семьи, в которой рос и воспитывался Янка Брыль, способствовал раннему приобщению мальчика к наукам. Учебу в школе, а потом недолгое время в Новогрудской гимназии он с исключительной настойчивостью сочетал с самообразованием, приобщался к сокровищнице всемирной литературы, популярных общественно-философских концепций и течений. Культурно-массовая и просветительская работа, которую будущий писатель развернул в родной деревне, отдавая ей много времени и усилий, способствовала росту его авторитета — так, скажем, под его руководством была организована театральная труппа. Для премьеры юный режиссер выбрал раннюю пьесу Максима Горецкого «Отрава»; позже в его книгу «Сегодня и память» вошли воспоминания о первых спектаклях и впечатлениях зрителей.

Поначалу он писал стихи. Одно стихотворение в 1938 году появилось в вильнюсском журнале «Шлях моладзі». Это было первым выступлением Янки Брыля в печати. Однако настоящий успех пришел к нему в прозе, которую писал с тех пор, когда «не умел еще как следует косить».

Чутко улавливающий сдвиги в общественном сознании и перемены в социальной психологии в первые послевоенные десятилетия, Янка Брыль обращается к актуальным темам современности: вхождение в новый лад жизни старой западнобелорусской деревни. Настоящим началом своей литературной работы он называл «Марылю» — рассказ, под которым стоит двойная дата: 1937—1943. Шлифовался этот рассказ не только на бумаге, но и в мыслях, когда бумаги под руками и быть не могло, когда Брыль, пулеметчик из морской пехоты разгромленной польской армии, попал в немецкий плен, из которого бежал на родину и стал партизаном. В окончательном варианте «Марыля» превратилась в произведение не просто глубокое и выразительное, а выдающееся.

Янка Брыль — один из самых блестящих мастеров белорусского рассказа. Классическим по всем параметрам можно считать его знаменитую «Галю» и еще целый ряд безукоризненно написанных, выношенных в глубинах души художника произведений этого жанра. Под пером Янки Брыля обычные вещи приобретают поэтичность. Рассказывая про то, как родилась «Галя», писатель вспоминал, что однажды, во время летнего отдыха на Новогрудчине, ему целую ночь не давал спать гул трактора. Фантазия подсказала ему, что этот гул воспринимался бы иначе, если бы его слушала женщина, влюбленная в тракториста. Для нее он бы наполнялся высокой поэзией, которая и звучит в рассказе Брыля, описывающем любовь тракториста Сережи и молодой Гали.

Но вышла замуж Галя не за Сергея, которого не дождалась из тюрьмы (он туда попал за революционную деятельность), а за нелюбимого, Хаменко-

вого сына. Старая как мир история: девушка любит одного, а выходит замуж за другого. Янка Брыль с такой психологической проникновенностью, с точным знанием характеров персонажей подает эту историю, что не восхищаться его мастерством нельзя. Его ранние рассказы можно сопоставить с рассказами Марии Домбровской, классика польской литературы XX века. Упоминания о Домбровской не удалось обнаружить на страницах его записных книжек и мемуарной прозы, но можно быть уверенным, что с ее творчеством Брыль был знаком: типологические схождения налицо. «Деревенские» рассказы писательницы из раннего сборника «Люди оттуда» (1924), такие как «Дикое зелье» и «Люция из Покутиц», имеют сходство с рассказами Брыля «Марыля» или «Галя». И там, и здесь в центре — образ девушки, для которой главное в жизни — любовь; автор намеренно не сворачивает на привычные сюжетные повороты о неверном возлюбленном и поруганной девичьей любви. Так, певунье Марине из «Дикого зелья» удается-таки выйти замуж за любимого, несмотря на то, что всем персонажам рассказа, и читателю в том числе, кажется: вот-вот он ее бросит. Однако конец рассказа вполне реалистично рисует трудную будничную жизнь молодой семьи; поэтическая интонация в сочетании с реалистичностью деталей свойственны как Домбровской, так и Брылю.

О типологическом сходстве двух писателей свидетельствует многое. Вот один из примеров. Небольшой эпизод с курами, забравшимися на цветочные клумбы, в раннем рассказе Домбровской «Дикое зелье», посвященном любовной истории Марины, разворачивается позднее в отдельный рассказ «Куры в нашем саду» (1938), что свидетельствует о том, как с годами писательница возвращается к уже использованным в творчестве случаям из жизни. Она не меняет приоритеты, а просто пристальнее смотрит вокруг — если в раннем рассказе эпизод с курами вызывает лишь досаду влюбленной Марины и играет незначительную роль в повествовательной структуре, то позднее этот курьезный случай разворачивается в самостоятельный рассказ. Кончает его писательница словами о равнозначности живых существ на земле. Брыль тоже не раз возвращается к некоторым впечатлениям, описанным им ранее, но по другому поводу и под другим углом.

Тезис Марии Домбровской о равнозначности всех живых существ на земле близок белорусскому писателю. Так, убийство деревенским полицаем просто из удальства веселого щенка в смысловом контексте рассказа приравнивается к настоящему преступлению. А в рассказе «Укор» (1966) — не будем подчеркивать его автобиографический характер, все рассказы писателя в той или иной мере построены на фактах собственной биографии — молодой отец посещает с двумя маленькими дочками послевоенный убогий зоопарк. Герой рассказа, как и его автор, ростом намного выше прочих посетителей, потому невольно сопоставляет себя именно с грустным слоном и от души ему сочувствует, хотя судьба всех обитателей этого зверинца крайне незавидна.

Янке Брылю удавались и сатирические рассказы — сталкиваясь с абсурдом действительности, он не брезговал и въедливой ироничностью, а иногда переходил на сарказм. Однако это нетипично для Брыля-художника, который с особой душевностью и восхищением писал про радость жизни и красоту людей. По характеру таланта он был лириком в прозе, склонным к повышенно открытой эмоциональности письма. Но за лирической атмосферой его произведений ощущается самое вдумчивое проникновение в глубину человеческой психологии. У Я. Брыля, как писал Алесь Адамович, человек раскрывается во всей сложности его чувств.

Потрудился Янка Брыль и на ниве повести; выделяются такие произведения, как «Сиротский хлеб», «В семье», «Рассвет, увиденный издали», а также созданная на документальной основе повесть «Мундштук и папка» (1990). Появилась она после того, как автор, получив доступ к закрытым ранее архивам, узнал, наконец, про судьбу брата Володи, погибшего на Украине, где тот работал во время массовых репрессий 1937(?) года. Вспоминается ему в этой повести и

нелегкая судьба еще одного брата — Игната, который стал священником, был репрессирован, работал на строительстве Беломорканала, а доживал свой век уже за Уральским хребтом. Про это Янка Брыль не мог рассказать раньше, в послевоенные годы, когда многое приходилось скрывать.

К современному белорусскому роману Брыль относился весьма скептически: «Роман, — писал он, — это огромный дворец с многочисленным населением; его издали видно, однако часто в нем не работает водопровод, системы обогрева, а также сломан лифт. …Поэтому нельзя подняться на верхние этажи, а также существовать в его неуютных коридорах». И еще более едко: «С важными минами поднимают и с места на место переставляют большую и среднего размера, пустую и полупустую фанерную тару, например, спичечные коробки — так временами говорится про нашу скороспелую, ничем не наполненную эпику».

Им написаны два романа: «Граница» (1947—1949), который остался незавершенным, и «Птицы и гнезда» (1942—1949; 1962—1964) — оригинальное и глубокое произведение, в котором преобладает автобиографическое начало. Однако писатель, не желая сводить все к событиям собственной жизни, прячется за героя — Алеся Руневича, биография которого совпадает почти полностью с лично пережитым. В подзаголовке этот роман назван «книгой одной молодости». Гитлеровский фашизм, с которым Я. Брыль столкнулся непосредственно во время своего плена, был увиден писателем вблизи и потому показан изнутри, с корнями и почвой, на которой он вызревал.

И все же главные достижения — новаторские поиски и творческие эксперименты Янки Брыля принято связывать в первую очередь с миниатюрами и лирическими зарисовками. Их первая публикация в середине 1960-х была воспринята как новое слово в отечественной литературе и как самое яркое доказательство принадлежности прозы Брыля к европейской традиции. Сразу после их публикации многие, в том числе Алесь Адамович, заговорили про огромные возможности малых жанров, про внутреннюю свободу автора, про отсутствие надоевших мифологем и стереотипов, когда, не связывая себя обязательным сюжетом, писатель осваивает более высокий уровень художественной правды. Именно в это время особенно утверждается в творчестве Я. Брыля открыто поэтическая, пафосно-лирическая манера повествования.

Возникло даже впечатление, что с книги «Пригоршня солнечных лучей» (1965) начинается «новый Брыль», во многом противостоящий «раннему», который работал в традиционных жанрах рассказа, повести, очерка и романа. Правда, в этом утверждении было известное преувеличение: недоставало дистанции времени для объективной оценки. За прошедшие сорок лет лирическая миниатюра заняла в белорусской литературе прочные позиции. Исследование истоков жанра с начала XX века не повлияло на то, что Брыль по-прежнему считается его отцом, поскольку именно его творческая практика окончательно закрепила в белорусской литературе жанровый статус миниатюры и лирического наброска. Причем к активному самовыражению через лирическую миниатюру автор пришел самостоятельно; это стало закономерным итогом его индивидуальной эволюции.

Делать записи «для себя» Я. Брыль начал еще в 1932 году. Как и многие известные писатели, он заносил в блокнот слова, неожиданные выражения, наблюдения, которые вскоре пригодились ему для реализации замыслов первых рассказов 1935—1938 гг. («Как маленький», «Марыля», «Просто и ясно» и т. д.) То есть, прежде чем обратиться к жанру рассказа, молодой Брыль попробовал свой дар в форме свободных заметок, помня рассуждение Л. Н. Толстого: все, что поражает сердце и разум, должно быть записано. Про один из таких ранних художественных экспериментов писатель откровенно пишет в «Своих страницах» за 1981 год: «Вспоминаю, как в начале тридцать третьего года записал отъезд нашего Коли в армию. Его последний день дома. Как на небе до солнца была заря, как снег скрипел от мороза. Пока дошел я до главного, до горя нашей семьи. Про зарю и про снег писал с волнением, которое теперь повторилось воспоминанием.

Запах и красота простоты. И, наверно, предчувствие творческого счастья в будущем». Возможно, с этого и началось мастерство Бряля-миниатюриста.

В таких литературных упражнениях будущий писатель почувствовал, а затем и осознал лирическую специфику своего дарования. Практика блокнотных записей «для себя» помогла эстетическому самопознанию молодого Брыля, и это способствовало выработке особой творческой манеры писателя, основанной на глубинном соединении лирических и эпических принципов миропонимания. Именно этой манерой обусловлены неповторимые особенности жанрово-привычных прозаических вещей писателя (рассказов «Один день», «Двадцать», «Осколочек радуги», «Под треск костра», романа «Птицы и гнезда»).

Что касается заметок, то после успешных первых публикаций они заняли в прозе Я. Брыля приоритетное место, причем не в традиционной, утилитарной роли материалов для будущих произведений, а как нечто идейно и эстетически самостоятельное. Недаром он сам писал: «С удовлетворением думается, что мои миниатюры могут быть своеобразной «книгой моей жизни» — если пополнять ее все время, отбирать лучшее, самое значительное».

Как заметила белорусская исследовательница творчества писателя Ольга Никифорова, «не боясь попреков за самоповторы, Я. Брыль раз за разом возвращается к старым замыслам, которые уже были использованы в его произведениях». Критик замечает, что возвращения зафиксированы и в лирических миниатюрах. Например, в 1966 году писатель замечает: «Какое обычное дело — кто-то куда-то идет, что-то делает, идет по какому-то делу… Так вели на расстрел четырех бойцов и старую мать-крестьянку. В Столбцах, осенью сорок первого. Как передать эту дрожь?»

Приведенный эпизод уже был использован при написании одного из самых известных рассказов писателя «Мать» (1957), который успел войти в золотой фонд белорусской советской прозы. Автору важно было зафиксировать возможность качественно иной интерпретации использованного однажды художественного материала. В рассказе последние земные часы старой крестьянки вырастали в великую трагедию, хотя и разворачивались они — как всегда у Я. Брыля — в конкретных, бытовых обстоятельствах.

Пограничная скромность заметки может быть выразительнее вдохновенных слов.

С особым чувством Брыль относится к своим ранним произведениям, как к живым существам: «Мои самые ранние произведения не остались, не выжили. Однако до сих пор осталась в памяти радость работы над ними». Отсюда понятно желание автора разделить с читателем эту радость. Справиться с этой задачей и помогают лирические записи, «приспособленные» наилучшим образом для того, чтобы открыть сферу духовного мира личности. Так, разбирая в зрелые годы на страницах книги «Сегодня и память» свои юношеские стихи, автор делится с читателем очень важным ощущением, которое, по его собственному мнению, не совсем удалось выразить тогда — кровную, потаенную связь со всем родным, что и сейчас, впрочем, не удается выразить так, как хотелось бы: и лучше, и более глубоко.

Ностальгия — один из ведущих мотивов творческого наследия писателя, которая необходима для выявления того главного, что составляет сущность его идейно-эстетической позиции, и для самокритики в том числе. Нельзя не отметить сугубую современность подобного подхода к своей работе со стороны автора: исследование собственного дара, ощущение его границ и возможностей развития и самоограничения, а главное — посвящение читателя в писательскую лабораторию. По сути, Янка Брыль, как мало кто из белорусских писателей, делится на страницах своих произведений сомнениями, замыслами и надеждами. Так, в одном эссе он пишет: «Впереди у меня что-то, — что не объяснишь и самому себе… Некое радостное светлое облако в бескрайней голубизне неба — счастье, которое ждет меня. Оно никому не помешает, а мне оно необходимо, в нем смысл,

надежда, жизнь… Если бы я мог это достойным образом выразить!» Предельная откровенность уже состоявшегося мастера, когда он пишет эти строки, близка по манере авторам современной экспериментальной прозы. Янка Брыль считает возможным себя еще и комментировать; именно лирические миниатюры дали ему такую возможность, способность к рефлексии — одна из главных особенностей его дара. Немаловажно заметить также, что склонность к рефлексии составляет неотъемлемое свойство современного литературного процесса.

Фактически все написанное Брылем имеет «открытый» финал, потому что он неоднократно обращался к написанному ранее с добавлениями, пояснениями, комментариями, использовал прежде реализованные сюжеты или эпизоды из жизни.

Он стремился к максимальной свободе самовыражения в интерпретации подлинных жизненных фактов и обстоятельств. Специально сконструированные сюжетные ситуации, конфликты, выдуманные персонажи представлялись ему с течением времени все более условными, которые совсем не помогают людям «расшифровать жизнь» в ее разнообразных проявлениях, — а именно в этой расшифровке видел он главнейшую задачу литературного творчества, во многом опередив требования будущего литературного процесса.

Откровенный лиризм становится художественной доминантой «послероманного» творчества Брыля (где-то с середины 60-х гг.), а в своих лирических записях он разворачивает целую дискуссию о природе самовыражения, отдавая явное предпочтение подлинности над вымыслом. «У вас тут проза или воспоминания? — пишет Брыль. — Такой вопрос поэтической редакции и удивил меня, и показался обидным. Потому что цену воспоминаниям как прозе все более постигаю. Та проза, которой у нас, к сожалению, до обидного мало, — рядом с вялой и приблизительной беллетристикой, которая все не может вдоволь наговориться».

С годами Янка Брыль тяготел исключительно к свободным формам художественного самовыражения. Однако рассказы, повести и роман — с одной стороны, и лирические миниатюры и наброски — с другой, не соперничают в наследии писателя, а существуют и вдохновенно взаимодействуют между собой, воспринимаясь как неделимый живой организм. Учитывая преобладающее использование личного материала во всем написанном Брылем, можно утверждать, что по сути дела он писал почти исключительно автобиографическую прозу. Писательское «я» задано в ней как отдельная тема, центр композиции и сюжетный стержень. «Субъективное о субъективном» (сам о себе) — так можно обозначить суть специфики достаточно разной по жанрам и по стилевым особенностям письма его прозы. Лирический герой отождествляется с автором, что возвращает нас к старой проблеме литературного героя, которая в 70—80-х годах минувшего века активно обсуждалась на страницах печати. Индивидуальность таланта конкретного писателя более всего ощущается в соотнесении между событиями внутренней, духовной, и внешней, событийной, биографиями героя.

Достоинства этого вида прозы определяются не степенью правдивости, с которой автор придерживается своей реальной биографии, а тем, насколько выразительно и откровенно он проявляет себя как личность. Надо сказать, личность писателя достаточно отчетливо проступает в любом художественном произведении, независимо от его жанровой и тематической ориентированности. Однако тот, кто старается избегать автобиографических совпадений, сознательно разворачивает действие, отталкиваясь от реальных фактов, — по контрасту или используя фигуру умолчания.

«Молчание есть момент языка, — писал в статье «Что такое литература?» Жан Поль Сартр, — молчать не значит быть безголосым, это означает отказ говорить. Когда писатель выбрал молчание относительно некоторого аспекта мира, …тогда по праву можно будет задать… вопрос: почему ты говоришь об этом прежде, чем о том?»

Феномен Янки Брыля в том, что его творческая личность развивалась внутри белорусской литературы, но не в «генерации» — среди своих коллег-писателей,

вошедших вместе с ним в белорусскую литературу, опыт творчества Брыля стоит особняком; одно из неотъемлемых свойств таланта Я. Брыля — это роднит его с Максимом Богдановичем — есть осознание своего творчества как миссии. Миссия эта в том, чтобы вписать свою родную белорусскую литературу, а значит — свою, кровную белорусскую мову — в мировое культурное пространство. Не случайно Брыль пишет о Богдановиче: «В нашей классической троице — Купала, Колас, Богданович — самый молодой выделяется не только своим голосом, но и тем, что он первый так активно и плодотворно повел белорусскую литературу в большой мир, на сближение с другими литературами».

Практически равное тяготение Янки Брыля и к востоку, и к западу, его обращенность и к русской литературе, и к польской можно вывести из биографии писателя — родная деревня его родителей в 30-е годы была под Польшей. Поэтому он окончил польскую школу и затем учился в польской гимназии, владея с детства русским языком.

Из опубликованных в журнале «Нёман» в девяностые годы записей узнаем, что писатель одинаково гордится своим отменным русским языком и хорошим польским — за русский его хвалил А. Г. Островский, за польский — Владислав Броневский, по словам которого, певучий акцент Брыля свойственен жителям Крэсов — восточных окраин Польши. В этих же записях писатель сетует на то, что украинский язык, который он выучил в польской армии, а затем в германском плену, где подружился с украинцами, у него значительно беднее русского и польского.

Худшей из всех неприятностей, случившихся после развала Союза, писатель считает распад культурного пространства, после которого были разорваны личные связи между ним и его друзьями — литераторами из разных стран. Человек исключительной терпимости и широты интересов, Брыль становится резок и нетерпим, когда сталкивается с пренебрежением к родному белорусскому языку, идущим все равно от кого: от случайного попутчика в поезде или от власть предержащих. Существует бесконечное множество высказываний, рассыпанных на страницах его произведений, больших и малых: «…В театре имени Купалы некому выступить перед школьниками по-белорусски»; «Прозу нашу, более-менее пристойную, некому переводить»; «На конференции общества «Родина» меня попросили выступить по-белорусски... Белорусского писателя просят говорить по-белорусски!..»

Радуясь тому, что польский писатель Тадеуш Конвицкий называет его лирические записи прекрасными и волнующими, Брыль недоумевает, когда тот же Конвицкий упрекает его за то, что у него якобы «есть потребность, сорвав с головы шапку, пасть на колени перед Москвой». Янка Брыль так комментирует эти обвинения: «Чем я наношу ущерб своему национальному достоинству? Тем, что люблю Толстого, Чехова, других великих русских, которых такой же, общечеловеческой любовью любят на всех континентах?..»

Внимание к слову — также неотъемлемая часть мироощущения писателя; он любит повернуть словечко разными гранями, перекатывает камешком по ладони. Отсюда — русский литературный контекст: «Камешки на ладони» Владимира Солоухина, который, будучи уже известным прозаиком, одним из первых в послевоенной литературе обратился к жанру коротких записей. Вслед за ним Ю. Бондарев и другие русские прозаики тоже отдали дань этому ныне популярному жанру; однако датировка убеждает в приоритете Брыля — мастера малоформатной прозы. Он умеет остановить мгновение, записать неуловимость интонации и эмоционального движения, придать слову выразительность цвета, запаха, звука. Но в этой мгновенности, непосредственности всегда присутствует раздумье с дистанции времени.

Исследовательница творчества Янки Брыля Вероника Стрельцова проводит типологические параллели между его художественной практикой и «малоформатной» ассоциативной прозой М. Пришвина. И дело здесь не только в формальном,

структурно-стилевом сходстве, в своеобразной незавершенности, в бережном и точном обращении со словом, в той необычной гармонии глубинной энергетики их прозы, благодаря которой возникает целый комплекс брылевско-пришвинских реминисценций. Сам Брыль тоже не отрицает известного творческого сходства, которое основывается на схождениях внутреннего плана и возникает из совпадения ориентиров духовного восприятия. Однако есть еще некая особенность, свойственная обоим писателям, — это свое ощущение во времени, которое объединяет их художественную реальность. Про этот феномен относительно Пришвина хорошо сказал Владимир Солоухин: «Объективно Пришвин — огромное и уникальное культурное сокровище… Для того чтобы войти в Пришвина, разговориться с ним, надо замедлить течение своей души… Когда течение вашей души замедлится и сравнится с пришвинским, вы увидите мир его глазами, научитесь понимать его особую, до сих пор скрытую от вас прелесть».

Будто в подтверждение сказанного, в книге «Сегодня и память» Янка Брыль приводит обширную цитату из Пришвина: «Знаю очень хорошо, что если бы я вслух сказал среди поэтов и художников о каком-то поведении, то все бы смеялись. Я это знаю и таю про себя мысль о том, что в художественном произведении есть какое-то настоящее творческое поведение». И далее рассказывает, как слушал Пришвина на совещании молодых писателей в 1951 году, и что никто тогда не смеялся над словами о творческом поведении, и что «сущность этого чем дальше, тем все больше и моя».

Вероятно, именно такой особенный ракурс видения, особый отсчет художественного времени, который не совпадает в чем-то с трезвым обозначением реальных пространственно-временных координат, позволяет «выядрить» (словечко Брыля) из кожуры будничности то особое совпадение сущности и формы, которое рядовой факт у обоих художников внезапно переводит в ранг художественного явления. Как тут не вспомнить известную мысль про многозначность и многослойность художественного факта, про исключительные возможности его художественной интерпретации! Пришвин собирался написать целую книгу о «творческом поведении», создать своего рода учение о личности писателя. К этому термину он возвращался много раз, рассматривая его с разных сторон: «Творческое поведение я понимаю как усилие в поисках своего места в общем человеческом деле и как долг в этом общем деле оставаться самим собой». Вот этим «творческим поведением», позволившим ему «оставаться самим собой» на протяжении своей насыщенной творчеством жизни, Янка Брыль безусловно владел, и это самое важное, что объединяет двух писателей.

Вообще разобраться в миропонимании художника как ничто другое помогают его предпочтения в художественной литературе; в записях белорусского писателя литература занимает совсем особое место. Брыль талантливый, доброжелательный и на редкость дотошный читатель. Среди его литературных пристрастий на первом месте, безусловно, находится Лев Толстой. Можно сказать, Брыль неоднократно «сверяет часы» по Толстому, он для него бесспорный моральный авторитет. Вот, например, цитата: «В последнем номере «Литгазеты» много о Чечне… Но лишь одна москвичка из киоска «Союзпечать», судя по всему, немолодая и интеллигентная, сказала автору заметки: «“Хаджи-Мурата” Толстого почитали бы, прежде чем вводить войска». И — трудно удержаться: «Вздрагиваю… и плачу. От простоты и ясности? Или от чего-то иного?.. Не впервые такое со мной при чтении толстовских «Акула» и «Прыжок» — теперь в хорошем переводе Скрыгана, не мешающем мне еще раз почувствовать оригинал».

Перечислить всех любимых Брылем русских писателей практически невозможно, по его заметкам часто можно вспомнить, что именно издавалось в те годы. Вот он в Кисловодске смотрит на цветущие вишни и вспоминает Лермонтова, в Старом Крыму — Грина… Постоянно, вторым после Толстого, присутствует на его страницах Чехов, к посещению домика писателя в Ялте тоже возвращается неоднократно. Отдельно необходимо рассказать об особых отношениях Брыля

с Гоголем — объемистый том «Избранного» Гоголя был изъят в 1922 году при переезде семьи через границу (из России в Беларусь). Не хватило наличных денег на уплату таможенной пошлины, и отцу будущего писателя пришлось продать две книги — одной из них и было «Избранное» Гоголя. К счастью, такой же однотомник был, как вскоре выяснилось, у соседа — остался с тех пор, как в его хате стояли царские офицеры. Когда младший сын подрос и стал заядлым книгочеем, то Гоголя ему приходилось брать на время у соседа: «Пробовал как что-то невыразимо близкое и необходимое… страница за страницей, страница за страницей — за один раз никогда вдоволь не насытишься. И так это было хорошо — с чувством тихого беспредельного уединения… И предчувствие, неясное счастливое предчувствие красоты и силы слова».

Однажды, по собственным его воспоминаниям, юный книгочей передал чужую книгу почитать школьному товарищу, а сосед как раз явился за ней сам, и было очень стыдно: «Больше просить этот однотомник, так меня очаровавший, я не смел, а собственного Гоголя удалось мне приобрести только лет через пятнадцать…»

Одним из самых близких по духу современников для Брыля был К. Г. Паустовский — в присутствии автора этих строк в Королищевичах, в Доме творчества СП БССР, в 1964 году он называл его «лучшим из живущих» писателей. В журнале «Нёман» (№ 2, 1997) есть горестная запись о том, как летом 1967 года его настигло известие о кончине Паустовского. Автор сетует, что только однажды решился написать ему, послал поздравительную открытку, но ответа получить не успел. В самом характере творчества этих двух писателей многое объединяет. Это особый способ видения действительности, когда злое и безобразное не воспроизводится на страницах произведений, они не сосредотачиваются на отрицательных впечатлениях, то, что ненавидят, предпочитают просто игнорировать, чтобы никоим образом не множить в мире зло. Зато каждое проявление человеческой доброты, красота отдельных мест природы, светлые и сильные переживания вызывают настойчивую потребность их зафиксировать, «продлить очарованье». Может быть, потому воспоминания и занимают в творчестве этих авторов системообразующее место — это подтверждают итоговые два тома «Повести о жизни» К. Паустовского и почти все написанное Брылем после 60-х гг.

Говоря о нежелании автора писать страшное и уродливое (а что может быть страшнее и безобразнее войны?), приведу примеры из двух военных рассказов Я. Брыля: «Кровь на стене» и «В глухую полночь».

Материалом для первого из них послужило пребывание автора в немецком плену в качестве офицера разгромленной польской армии, где один из пленных, не выдержав голода и холода, старается угодить хозяевам и за это попадает в господский дом, а после рассказывает своим бывшим однополчанам, что там у них, у господ немцев, увидел. Среди прочего он восторженно описывает, какими фотографиями с восточного фронта, присланными оттуда хозяйским сыном, молодая хозяйка украсила стены своей спальни. Именно этот эпизод и послужил последней каплей для взрыва прежних сотоварищей против прикормленного счастливчика: «Он твоим горем!.. Кровью нашей!.. Стены свои!..» Писателю важна психологическая подоплека, а не натуралистическое описание кровавой бойни. Брыль в высшей степени чужд как натурализма, так и романтизма: не преувеличение чувств, но точность в их изображении — вот к чему он стремится.

В рассказе «В глухую полночь» Брыль описывает эпизод уже из своего партизанского прошлого после побега из плена. Замерзшие и голодные, трое партизан заезжают на заброшенный хутор, стучатся в дверь с надеждой получить еду и ночлег; они долго стучат — дверь им открывает десятилетняя девчушка, и автор с теплотой и болью пишет: «Это было так страшно. Нет, так необычно и неожиданно, и это так перевернуло всего меня, что я… чуть не всплакнул. — Ты запирайся, ну! Беги на печь». И вспоминая этот случай двадцать лет спустя, Брыль все не может успокоиться, что не успел ей сказать ничего ободряющего… Он помнит, и ему больно — ребенку было холодно.

Правда чувств — то, что волнует его, и возникает еще одна очень важная, стержневая тема Янки Брыля: это детство. Дети, и особенно девочки, возникают на страницах, им написанных, многократно, есть и книга с названием «На тропинке — дети». Книга написана после Чернобыля, когда самыми уязвимыми в обществе снова оказались дети, их будущая судьба. Но и тут Янка Брыль остался верен себе — он может говорить об общем только через самое личное, потаенное. Трепетно и нежно относится писатель к детству как к важнейшему этапу в формировании человеческой личности. То, что сейчас считается практически нормой в отношении детей и детства — пристальное внимание к их внутреннему миру, бережное отношение к их впечатлительности, — не было таковым в войну и в суровые послевоенные годы.

Это лишний раз подтверждает наблюдение: важнейшая особенность Брыля-писателя в том, что написанное им не устарело, потому что почти не имеет четко выраженных примет времени написания. Хотя начинался писатель Янка Брыль еще до войны, но печататься стал в конце войны и сразу после ее окончания. Бесконечно дороги при чтении его рассказов те самые послевоенные детали быта, которыми инкрустирована его проза. Например, в рассказе «Укор» (1966) — первое после войны купленное пальто с ватными плечами, в котором молодой отец идет с маленькими дочками в приехавший в город зоопарк. Но восприятие важнейших жизненных обстоятельств удивительно современно — потому что мера внутренней свободы писателя была для него всегда величиной неизменной. И в этом он стоит, надо сказать, в белорусской литературе особняком. Да, из его произведений изымались отдельные места (трудно сказать — страницы, при его лаконичном письме вымарывались строки и строчки) — в последних публикациях писателя в журнале «Полымя» (1996) печатались именно эти выпущенные кусочки. Откуда это особенное чувство внутренней независимости у писателя, который, образно говоря, был богатырского роста, в силу чего возвышался над прочими людьми и не сгибал шею в прямом и переносном смысле? Возможно, эту свободу он ощущал именно благодаря своей биографической принадлежности сразу к нескольким культурам, что априори обеспечило ему более широкий кругозор даже в годы ограниченного доступа к любой информации. Польская культура была ему органически близка всю жизнь, знание языка облегчало живые контакты с польскими литераторами, а также позволяло знакомиться с непереведенными новинками польской литературы. Попытаемся сопоставить творчество польского писателя Сократа Яновича с белорусским писателем Янкой Брылем.

Сократ Янович — одна из ключевых фигур белорусской диаспоры в Польше. Признанный лидер среди писателей Белостотчины моложе Янки Брыля на целых двадцать лет, автор около двух десятков книг прозы — лирических миниатюр, рассказов, новелл, повестей, эссе, опубликованных в Польше и переведенных на английский, немецкий, итальянский и норвежский языки, вошел в литературный процесс в основном как яркий представитель лирической прозы, достижения которой в белорусской литературе связаны прежде всего с именем Янки Брыля.

Попытаемся осмыслить книгу Яновича «Долгая смерть Крынок» (1996) в контексте традиций лирической прозы Янки Брыля, в сопоставлении тематики, способов выявления личности автора и образно-структурных поисков писателей. Логика такого сопоставления подтверждается и многочисленными совпадениями в жизненной и творческой биографии Я. Брыля и С. Яновича. Родные деревни этих писателей находятся совсем близко друг от друга и до 1944 года входили в состав Гродненской области; наиболее важные детали для создания лирических воспоминаний детства этих писателей базируются фактически на одном и том же материале. Один из первых рассказов Яновича назывался «Родная глухомань» — именно так была озаглавлена сначала и повесть Брыля, которая после переименования получила новое название «На Быстрянке». Сам Янович как-то заметил, что в одинокие часы пешего путешествия по Беларуси мечтал оказаться в уютном кресле с книгой «Пригоршня солнечных лучей» Янки Брыля.

Оба писателя часто возвращаются к памяти детства, к западнобелорусской реальности; правда, время, которое они рисуют, имеет интервал почти в поколение — в девятнадцать лет (повести «Сиротский хлеб» Я. Брыля и «Долгая смерть Крынок» С. Яновича, многие их лирические миниатюры). Как давно заметили критики, двух авторов объединяет поэтическое видение мира. И у Яновича, и у Брыля не найдешь описания для описания, не найдешь и предложения, не пронизанного волнением. Эмоционально осмыслить действительность С. Яновичу, как и Я. Брылю, помогает желание постигнуть слияние эстетически впечатлительной человеческой души с живой природой. В картинах и образах, сотворенных творческим воображением, Янович всегда стремится увидеть внутренний смысл происходящего, перекладывая большую нагрузку на подтекст, используя в том числе и гротеск, прием условного письма. Брыль предпочитает несколько иной способ говорения — более рассудительный (что легко объясняется хотя бы и разницей в возрасте), местами остроумный и всегда более ясный.

Как и Янку Брыля, с детских лет простая деревенская жизнь приучила Яновича замечать красоту в обыденном, привычном, не приукрашенном; однако в процессе писания, для концентрации внимания на своих образах, он часто пользуется инверсией: «иконостас с материнской улыбкой далекой», «ливень душный», «окно вишневое», «аллеи жестколистые» (прием, как и все искусственное, абсолютно чуждый Брылю-прозаику).

В миниатюрах С. Янович напряженно и взволнованно рассуждает о судьбе белорусского языка; он высказывает свои чувства в открыто публицистической форме, не скрывая тревог за белорусское слово, что характерно и для миниатюр Брыля.

И Я. Брыля, и С. Яновича глубоко волнует проблема родных корней, судьба белорусской деревни. Однако если Брыль в лучших традициях белорусской и русской (В. Белов, В. Распутин) деревенской прозы поэтизирует деревню как хранительницу национальных традиций, всего самого чистого и светлого, то С. Янович настроен менее оптимистично. Как отмечает В. Гниломедов, книга «Долгая смерть Крынок» утверждает «архетип драматичного восприятия бытия, которое временами поднимается до трагического звучания». Его лишенные всякой идеализации рассуждения про судьбу деревни, «мордобойной белостоцкой провинции», подтверждают различие подходов этих двух писателей к одной из самых важных для них тем.

Повесть «Нижние Байдуны» композиционно строится Брылем при помощи того же приема, который позднее использовал и С. Янович при написании повести «Долгая смерть Крынок». Речь идет о создании серии сценок из жизни односельчан. Но если Я. Брыль создает картины, проникнутые искрящимся юмором, светлой любовью к односельчанам и восхищения ими, то настроение написанного Яновичем минорное, тоскливое, даже болезненное. Брыль в большей степени оптимист, и потому белорусский критик Владимир Юревич точно определяет писателя как «влюбленного в жизнь человека, который умеет черпать полной мерой радости этой жизни и приобщать к этой радости многих». Сам писатель в книге «Витражи» (1974) подчеркнул, что видит задачу искусства в том, чтобы передать ощущение радости, красоты жизни и любви к ней.

Очень важное в контексте всего творчества писателя признание. Это не значит, что он полностью отворачивается от трагического; он просто поворачивает тему по-своему, как, к примеру, в небольшом рассказе «Ты жива» (1966), посвященном матери. Он не успел приехать на ее похороны и вспоминает последние дни ее жизни в городе, у сына. В ходе повествования ему удается преобразить трагическое в жизнеутверждающее, то есть вызвать тот самый катарсис, который, казалось бы, возможен только в драматургии — уже заглавием «Ты жива» автор утверждает преодоление скорби любовью.

В записях конца 90-х гг., опубликованных в журнале «Нёман» за 1997 г., Брыль пишет в основном о болезнях и кончинах своих друзей-ровесников: Васи-

ля Витки, Анатоля Велюгина, Пимена Панченко, Максима Танка, о последних и о самых запомнившихся встречах с ними. В его записях появляются сны, где он снова встречается с дорогими ему коллегами-писателями, которых уже нет. Желание вспомнить трогательные подробности, собственное бессилие в утешении и желание отдать должное, сказать что-то очень важное, известное только ему, движет его пером. Скорбь, но не отчаяние, доминирует на этих страницах.

Следующей, последней прижизненной книгой писателя стала «Блакітны зніч» (2004). Книга написана после кончины жены писателя, и могла бы называться «книгой потерь», однако его преданность семье, детям и внукам удивительна, все подлинные ценности жизни совпадают с традиционным крестьянским сознанием. В книге приводятся его военные письма, написанные невесте, а потом и жене, записи о детях, особенно о маленьком сыне, — писатель стремится заново пережить и перечувствовать лучшие мгновения жизни и в этом находит утешение.

Подведем итог: главное отличие писательского феномена, именуемого Янка Брыль, от его сверстников-современников по белорусской литературе — в его равномерной направленности, равноудаленности от востока и запада, от России и Польши. Что дала ему его биографическая и творческая «включенность» в две родственные культуры? Два определяющих качества. От польской литературы Брыль унаследовал душевное изящество, сдержанность, его открытость имеет свои границы, которые в некоторые моменты могут показаться читателю холодностью, отстраненностью, если бы не терпимость, никогда не покидавшая автора, если бы не мудрость его человечности. Эти же свойства можно назвать особой интеллигентностью сельского жителя, потому что и в своем творчестве, и в жизни Брыль производил впечатление исключительно интеллигентного человека. А от русской литературы, в особенности от Толстого, на всех очень непростых этапах жизни и творчества хранились в нем четкие моральные ориентиры, точная выверенность всего написанного самой строгой, почти библейской моралью. При этом по всему внутреннему складу он остается человеком века Просвещения, в котором присутствует легкая антирелигиозная, но ни коем случае не атеистическая компонента. Так, в романе «Птицы и гнезда» (1964) молодой Алесь Руневич вспоминает сцену из детства, как они со старшим братом пародируют в своей хате церковную службу, как их застала мать, и как им с братом попало. Автор с уважением относится к вере своей матери, но в романе долю собственного скепсиса при этом воспоминании не скрывает; на протяжении жизни это отношение не слишком меняется. В самых последних своих заметках, повествуя о гибели родных и самых близких друзей, он имеет мужество оставаться самим собой, не следуя «моде» на веру.

И — контрапункт к вышесказанному — цитата из А. Эйнштейна, которую приводит в своих записях Я. Брыль: «…Моя религиозность в смиренном восхищении безмерно величественным духом, который приоткрывается нам в том немногом, что мы, с нашей слабостью и скоропреходящей способностью понимания, постигаем в окружающей действительности. Нравственность имеет громадное значение для нас, а не для бога… Люди моего склада считают мораль чисто земным делом, хотя и наиболее важным в области человеческих отношений».

Эта цитата — одна из немногих — приводится в книге без всяких комментариев.

У такого прилежного читателя, каковым является Брыль — а многие страницы его записей представляют собой подлинный дневник прочитанного, — вопрос о литературных влияниях и взаимодействиях решается значительно проще. Вернемся к раннему роману писателя «Птицы и гнезда». Представляется важным, что к началу войны Янка Брыль был знаком с романом Э. М. Ремарка «На западном фронте без перемен». Подтверждение — в его книге «Сегодня и память»: «В отличие от многих, с кем я сидел в польских окопах или ходил на немецкий огонь, я уже знал антивоенное слово Толстого и Гаршина, Ремарка и

Гашека… Книги «На западном фронте без перемен» и «Приключения бравого солдата Швейка» говорили о том, что было совсем недавно, казалось — только вчера». Это подтверждает впечатление, которое возникло при чтении романа: интонации автора до боли знакомы, сразу вспомнился роман Ремарка, одного из самых читаемых авторов в шестидесятые годы двадцатого века. Можно предположить, что юный Брыль, столкнувшись на собственном опыте с перипетиями новой войны уже в 40-м году, когда Германия напала на Польшу, имел возможность выстраивать свои впечатления «по Ремарку»; опыт прочитанного до войны романа ему в этом очень помог.

И тон написанного сильно отличается от тона произведений других белорусских (и русских тоже) советских писателей о войне. Возможно, потому, что Янка Брыль не долго участвовал в военных действиях: польские войска почти сразу капитулировали, писатель вместе со своими однополчанами попал в плен. По сути дела, роман повествует о мытарствах Алеся Руневича в плену и о побеге из него. Роман Ремарка сугубо пацифистский, и потому главное, о чем повествует автор, — представление о ценности жизни, что особенно ощутимо во время войны. Именно этот роман более, чем любое другое произведение белорусских авторов, помогает вписать белорусскую литературу в современный общеевропейский контекст.

Тут уместно будет процитировать известного белорусского писателя Михася Стрельцова. Прекрасный прозаик, оригинальный поэт и тонкий критик пишет: «…мне до сих пор тяжело понять, как это мы в свое время могли проглядеть (и в этом нас не поправила всесоюзная критика) урок выдающегося, по-настоящему новаторского романа «Птицы и гнезда» Янки Брыля. Горестная и в то же время оптимистическая одиссея западнобелорусского хлопца Алеся Руневича, который волею обстоятельств угодил в водоворот социально-исторических событий своего времени, необычно много сказала нам про природу жизненной силы, базирующейся на мужественной «толерантности» национального характера».

И далее, углубляя мысль о белорусской ментальности, Стрельцов продолжает: «Рассудительность, «слабость», которые в критические моменты оборачиваются силой героического деяния, — насколько же долго они могут служить национальному нашему самовыявлению и самому национальному ладу при каждом новом испытании историческим опытом? Вот те вопросы, которые встают при обращении к роману Брыля, и не только к роману — ко всей его новеллистике тоже».

Дополняют тему русского и польского контекста в творческом наследии Янки Брыля также его переводы: например, книга рассказов Войцеха Жукровского или пьеса Михаила Рощина «Старый новый год». Янка Брыль — читатель в первую очередь, вернее, один из немногих писателей, которые не ленятся читать и современников, и классиков. А после делятся впечатлениями; первоначально казалось, что в задачу данной работы входит упомянуть все имена, возникающие на страницах записей Брыля. В процессе работы выясняется, что труднее найти, кого он не вспомнил, вне всякой литературной моды и злободневности. В последнем своем прижизненном сборнике он неожиданно вспоминает французского поэта Беранже, не самого популярного последние лет двадцать по меньшей мере, и приводит добрые слова о нем самого высокого авторитета Л. Н. Толстого: «Склад народный, благородный, нравственный и бодрый», — вот те качества, которым и сам Брыль отдает преимущество перед многими иными.

Янка Брыль сделал многое, чтобы вписать родную литературу в как можно более широкий контекст мировой культуры: «У нас есть литература. У нас она будет — Великая литература на нашем богатом, красивом и бессмертном языке». Эти слова звучат как заклинание и как завет последнего белорусского классика тем, кто продолжает и будет продолжать его дело.

Все переводы с белорусского выполнены автором статьи.

К 100-летию Пимена Панченко

Владимир ГНИЛОМЕДОВ, Николай МИКУЛИЧ

«Болем працяты ўсе мае строфы...»

Пимен Панченко — один из крупнейших белорусских поэтов XX в. Его творчество проникнуто активными, даже горячечными художественными поисками, ненасытными эмоциями и страстями, стремлением к высоким идеалам и сомнениями в них, ощущением многоголосия жизни и ее острых противоречий. О Панченко смело можно сказать, что он — сын своей эпохи и одновременно ее оппонент. Это поэт европейской традиции: творчество было для него способом духовного приобщения к жизни через лирическое переживание явлений и событий мира. Критик Р. Шкраба на этот счет заметил очень точно: «П. Панченко пишет только о том, что всколыхнуло его самого, заставило сильнее биться сердце, вывело из равновесия. Неравнодушие, чувство личной заинтересованности, стремление донести свой взгляд, поделиться самым сокровенным с другим человеком — в этом есть признак настоящей поэзии:

Я вершы пішу, бо душа устрывожана
Любоўю і болем за кожнага з вас.

Поэт современности — такое определение за ним закрепилось сразу и надежно. И действительно, у Панченко связь со своим временем была особенно неравнодушная, особенно острая, что отразилось на всем идейно-художественном и жанрово-стилевом облике его поэзии, ее эмоциональном ладе. Поэтому первое, что сразу бы хотелось отметить в разговоре о Панченко, — это его выдающийся талант лирика, талант, который виден буквально в каждом произведении независимо от того, что мы называем идеологическим содержанием и мировоззренческой концепцией. Лирика Панченко, подчеркнули бы мы, — это драма, которая случилась с ним самим — белорусом XX века.

На протяжении всей своей жизни П. Панченко находился в неоднозначных отношениях с коммунистической партией и государственной властью, но при этом был обласкан ими, имел почетное звание народного поэта Беларуси (1973), являлся Почетным академиком АН Беларуси (1994), лауреатом Государственной премии СССР (1981, за книгу стихов «Где ночует жаворонок?»), Государственной премии Беларуси имени Я. Купалы (1968, за сборник стихов «Пры святле маланак»), Литературной премии имени Я. Купалы (1959, за поэму «Патрыятычная песня»). Звания и премии присваивались и присуждались ему, думаем, заслуженно — они соответствовали и таланту поэта, и активности его гражданской позиции, и его вкладу в развитие белорусской литературы.

Начало литературной деятельности П. Панченко пришлось на середину 30-х гг., когда в альманахе «Ударнікі» (1934, № 3) были напечатаны его стихи «Ураджайнае» и «Моладзі», а в газете «Літаратура і мастацтва» (1935, 23 декабря) — «З песняю вясны» и «Сустрэча».

Поэтическая дорога П. Панченко у своих истоков отмечена строками, в которых непосредственность чувства органически соединяется с яркой, пластической образностью:

Адгрукаў гром. Адгаманіла лета
На мове зор малінавых і кветак.
Там, дзе гулі пшаніцы і жыты,
Сядзяць снапы, як рыжыя браты.

«Упэўненасць»

Из таких стихотворений состоял первый сборник поэта — «Упэўненасць» (1938). Трудно в них узнать будущего неугомонного, полемичного, философско-публицистического П. Панченко, каким он стал в 60—70-е гг. И позже. Изобразительность, пластика, живопись не предвещали в нем поэта глубоких психологических переживаний, каким он стал позже. Однако и в тех, первых стихах были искренность чувств, глубокое восхищение созидательной деятельностью человека:

Я спакойны юнак, можа, нават крыху сарамлівы...
Не пакрыўджу і птушкі, бо знаю: ёй хочацца жыць:
Але тых, хто жадае напасці на край мой шчаслівы,
Я сваімі рукамі без жалю гатоў задушыць.

За строкой стоял живой характер, неподдельный, своеобразный, достаточно очерченный и индивидуальный. Характер непростой! Уже эти строки молодого Панченко отмечены некоторым дуализмом характера лирического героя. С одной стороны, он полон нежности и ласки, а с другой — очень колючий и грозный, готовый на решительный поступок, отмобилизованные действия. Можно было допустить, что юноша обладает немалым морально-энергетическим потенциалом.

Второй сборник П. Панченко — «Вераснёвыя сцягі» (1940). Он развивал предыдущие мотивы творчества поэта. В нем больше, чем в предыдущей книжке, стремления к жизненным реалиям, конкретики и вероятности, но много и прямолинейности, привычных схем:

Я не выпушчу стрэльбу з рукі,
Пакуль ёсць паны ў палацах,
Пакуль ёсць на зямлі жабракі.

«Жабракі»

В этом также проявился характер поэта, творчество которого оказалось ангажированным идеологией того времени, которая активно диктовала соответствующие социальные, морально-этические и эстетические взгляды и представления.

«Вераснёвыя сцягі» отобразили белостокские впечатления Панченко. Он оказался в Белостоке осенью 1939 г. — с известным освободительным походом Красной Армии. Здесь, в этом городе, он впервые встретился с буржуазной действительностью, и кажется, впервые в его поэзии выразительно прозвучали сатирические ноты. В поэме «Беластоцкія вітрыны», в некоторых довоенных стихах возникает разговор о духовных ценностях человека, проявляется запал полемиста, утверждается героическая природа советского строя. И в этом смысле поэт был сыном своего времени, подготовленным к трудным испытаниям.

П. Панченко не выходит за рамки традиционной поэтики. Однако уже в некоторых довоенных вещах («Пра смерць», «Беластоцкія вітрыны» и др.) поэт словно хочет, старается расширить просторы монологичности, ищет пути к полифоническому стилю, который мог бы сблизить с жизнью и ее противоречиями, с разными точками зрения. Поэма «Беластоцкія вітрыны» написана под сильным влиянием Маяковского, на которого равнялись многие поэты 30-х гг. и более поздней поры. У Маяковского они учились активизации и укрупнению лирического начала, масштабности поэтического мышления, которое охватывало вместе с внутренним, интимным и социальные бури времени.

Отметим сразу, что в суровые годы Великой Отечественной войны слово Панченко достигло высокого гражданского подъема и лирической проникновенности. В его переживаниях органически соединились любовь и ненависть:

Краіна мая, радасць мая,
Песня мая маладая!
Па нівах тваіх, па тваіх гаях
Сынава сэрца рыдае.

«Краіна мая»

А рядом — выразительный призыв: «Страляй, маё гора, без стомы ў немцаў з гарматаў і стрэльбаў...»

Литературная продукция поэта-фронтовика очень разнообразная: публицистические и сатирические стихи, фельетоны, острозлободневные статьи, очерки.

Многие из его военных стихов распространялись на временно оккупированной врагом Беларуси как листовки. Их и сегодня можно встретить в музеях Великой Отечественной войны. На протяжении 1943—1944 гг. была создана лирическая поэма «Нянавісць», которая славила подвиг солдата. Произведения, в которых отобразились военные события, впечатляют и удивляют правдивостью показа переживаний и поведения людей на войне. Достаточно вспомнить широко известное стихотворение «Герой» (1943) о подвиге солдата-пехотинца, который «лёг на змяіныя скруткі дроту», чтобы по его спине пошли в атаку «дзвесце салдацкіх запыленых ботаў» и боевая задача была, такой ценой, выполнена.

Известно: когда грохочут пушки, музы молчат, однако муза Панченко не только не молчала — его поэтический дар развивался, и развитие шло вглубь. Война не помешала ему стать выдающимся поэтом-интровертом, который как раз в это время, как заметил Р. Березкин, «начинает все больше и больше осваивать законы внутреннего превращения явления в переживание, факта — в чувство, в размышление, в исповедь, и это не привело поэта к отрыву от реальности, а наоборот, оно отметило, что поэт начинает глубже проникать в сущность жизненных процессов и явлений». Личность поэта у Панченко стала, иначе говоря, своеобразным инструментом для выявления поэтической души действительности, усилилось субъективное начало, приобрела высокую ценность неповторимость личного человеческого опыта. В его произведениях периода войны, начиная с 1942—1943 гг., фактически невозможно найти границу между сферой интимного и гражданского — сочетание первого и второго выливается в чрезвычайно органическом лирическом пафосе, который широко включает тему вечных ценностей человека. В тяжелой напряженной атмосфере военной действительности родился нежный,

филигранно обработанный образ синих ирисов — как символ Родины, мирной жизни и красоты (стихотворение «Сінія касачы»):

А калісьці і я прачынаўся ў бацькавай хаце.
Чэрвень. Раніца. Росы і цішыня.
На гародзе спявае паціху маці
Пра маладога жаўнера, пра гнядога каня.

А пад вокнамі мята п’е сонца гарачае,
І глядзяць мне у вочы красой нерастрачанай
Сінія касачы.

В войну П. Панченко довелось воевать на четырех фронтах: Западном, Брянском, Калининском, Северо-Западном, а День Победы встречать аж в Иране, где он неожиданно оказался вместе со штабом армии и редакцией фронтовой газеты, в которой работал в начале 1944 г.

Дзіўна тут усё і незнаёма:
Песня-крык і востры пах пладоў,
Казачныя постаці харомаў,
Сцены глінабітыя платоў.

На асфальце трапяткія цені,
Пад ліствою звоняць арыкі,
І пераліваецца адзеннем
Буйны вір натоўпаў гаваркіх.

«У Тэгеране»

«Іранскі дзённік» — выдающееся явление в белорусской литературе. Загадочный Восток удивил белорусского поэта своими социальными контрастами. С Ираном (Персией) он был знаком до этого только по книгам, сказкам «Тысячи и одной ночи», по стихам С. Есенина (который, кстати, в Иране и не был), переводам М. Богдановича. Поездка в Иран обострила патриотические и интернациональные чувства. Заслуга П. Панченко в том, что поэт увидел и изобразил Иран таким, каким он был, — с его экзотикой, древней культурой, старинными обычаями и ужасающей нищетой:

І дзе яны, князевы дочкі,
Што ззялі заморскай красой?
Вось гэта, што чэрпае з бочкі
Руды селядцовы расол?

Ці тая гандлярка худая,
Што варыць з баранінай плоў?
Іду я, і злосць разбірае:
Ну хто гэта казак наплёў?

«Рамантыка»

«Иранские» стихи насыщены оригинальной, сочной образностью, юмором и иронией, как, например, стихотворение «Бутэлька «Цынандалі», в котором перед читателем разворачивается пестрая картина восточного базара. Чего здесь только нет: «Дываны персідскія, пярсцёнкі, Копія з Гагена, ром і бром, Абразы армянскія і тонкі Звонкага Саадзі вершаў том; Пацеркі, вясёлкавыя шалі, Дарагіх гадзіннікаў гара...» Однако все это, на самом деле, мало интересует поэта:

Кніг індускіх я чытаць не ўмею,
Шоўк не для салдата. Дываны?
Гэта — рэч. Усходняй казкай вее.
Вось калі б іх бачыў да вайны!

И в мыслях поэт возвращается в разрушенную войной Беларусь:

Будзе яшчэ некалі багатым
Мой адбудаваны новы дом.
А цяпер няма ў мяне і хаты,
Попел не прыкрыеш дываном.

В предисловии «Жыццё пачынайце ізноўку любіць!» к книге П. Панченко «Выбранае» (1993) Р. Бородулин резонно писал, что «Іранскі дзённік» учил, как писать о зарубежье. Не вздыхать по дому, не охаивать все и отрицать, а смотреть, видеть, замечать, думать и любить!»

Послевоенная поэзия П. Панченко очень разнообразна тематически. Поэт восславляет созидательную деятельность советского народа, борьбу за мир, разоблачает поджигателей новой войны, стремится раскрыть многогранный образ Родины.

Страна залечивала раны войны, восстанавливая экономику, отстраиваясь. У Панченко одна за другой выходят книги «Прысяга» (1949), «За шчасце, за мір!» (1950), отмеченные, кстати, теми же самыми недостатками, о которых он вел разговор в «Лісце з Ірана», критикуя своих коллег. Не желая отстать от стремительного дня, поэт довольно оперативно отзывался на его события, в том числе разные даты, юбилеи, но стремясь отобразить явления действительности, не всегда мог уловить глубинную, многосторонюю связь времени и человека, найти то, что связывает дело человека с его душевным самочувствием, слово с поступком, «гражданское» с «моральным», «интимным». Ради справедливости надо отметить, что хорошие, талантливые произведения все же были, например, стихотворение «Беларусі» (1948). Он еще раз напоминает, что самым сильным и ценным свойством таланта Панченко был и оставался дар видеть и чувствовать красоту — красоту земли, пейзажа, человека, человеческих отношений, и нередко это ему удавалось перенести в стихотворение. Тем не менее, в целом его поэзия много в каких моментах разошлась с правдой жизни и с тем «человеческим измерением», которое составляет его гуманистическую сущность. Мешал культ личности, тоталитаризм идеологических установок и мышления. В многих стихах («Свой горад», «Ураджай 47 года», «Зарачанскі музей», «Мінск навагодні») автор выдавал желаемое за действительное, не мог воздержаться от идеализации, прихорашивания действительности, сбивался на описательность и схематизм.

Середина 50-х годов отмечена попыткой демократического обновления общества. В 1956 г. прошел ХХ съезд КПСС, который разоблачил культ личности Сталина и обратил большее внимание на человека как на цель и меру всех возможных общественных преобразований. Из белорусских поэтов это, может, раньше всех почувствовал Панченко. Самые сильные стихи, написанные в 1955—1956 гг., — «Радзіме», «Здарэнне ў гасцях», «Прыстасаванцы», «Выстаўка ў Дамаску», которые стали его отзывом на события, гражданским поступком и исповедью. Разоблачение культа личности сильно впечатлило поэта:

Дзяўчына падмане —
памучыцца сэрца ды сцерпіць,
Разыдзешся з другам —
балюча, ды час перамеле.
А вось калі вера ў бацьку
загіне у сэрцы —
На хвілю змярцвееш
і чорнымі стануць праменні...

«Радзіме», 1956

Но идеологическая ангажированность и вера в коммунизм не поколебались. Понятно, поэт очень сильно переживал, но тяжелую правду встретил мужественно.

Ленинские идеи в его представлении, как и в представлении многих его современников, были связаны с традиционными ценностями народного бытия, и эту связь он высоко ценил и проверял ею реальное содержание общественной жизни. Вставал, однако, неотступный вопрос: кто же виноват в ошибках и недоработках, в нарушении так называемой революционной законности, в том, что все идет не так, как надо? Кто мешает? Мешают — считал поэт — те, кто подменяет живую, активную деятельность ее имитацией, практическую работу канцелярскими циркулярами, — бюрократы, паразиты, мещане, приспособленцы. Он и тогда, и позже был уверен, что есть настоящие советские люди, а рядом «множество обывателей, рвачей, которые заботятся только о чинах, должностях, деньгах, машинах, дачах, власти и сладкой жизни…» Потому не уставал обвинять чиновников и «мещанство» в индивидуализме и патологической жажде стяжательства. В написанном как раз в это время стихотворении «Здарэнне ў гасцях» он с возмущением говорит о тех, кто покупает книги «для мэблі», не выпуская их из плена застекленных шкафов.

Эстетическая реальность лирики П. Панченко — это реальность его «я», как оно раскрылось в стихах. Такая реальность находит в это время выявление в резких контрастах (в том числе эмоциональных), неожиданных сопоставлениях, стремительных переходах, моральной бескомпромиссности. Его поэзия утверждает, если можно так сказать, диалектический взгляд на действительность, в котором соединены мягкий лиризм с довольно жестким аналитизмом. Растет напряженность стиха, его социальная наполненность. Поэтическое увлечение жизнью уживается и совмещается с ироническим и даже сатирическим взглядом на нее. А в некоторых стихах, как, например, в «Прыстасаванцах» (1956), сатира преобладает. Это образец лирико-сатирической поэзии, разоблачения и оголения уродливых явлений той системы, которая впоследствии приобретет определение командно-бюрократической. Толковый словарь дает следующее определение понятию «приспособленец»: «Человек, который приспосабливается к обстоятельствам, утаивая свои настоящие взгляды». У поэта — свое, художественно-публицистическое определение, более конкретное и более емкое:

Станкоў не знаюць, араць не ўмеюць,
Да воза з гноем не йдуць і блізка.
Разумнае, вечнае, добрае сеюць
Між мас працоўных амаль з калыскі.

. . . .

Разлік дакладны ды плюс удача,
Паклон начальству ды жартаў крышку —
Глядзіш — і стаўка,
а там і дача,
Грунтоўны базіс ашчаднай кніжкі.

Язвительно развенчивает автор низший «эшелон» функционеров государственной и общественно-политической системы, их громкое пустословие и закоренелый догматизм, ограниченность мысли, эгоизм: «Застылі твары кароўім лоем, // Нос падпірае тупая веліч...» Каждая строфа — как афоризм, как целостная фраза, у которой есть свое начало и логическое завершение. При этом поэт пользуется как средствами сатиры («Цытата з вока, цытата з вуха...»), так и требованиями позитивной гражданской позиции и честного публициста, что, по его мнению, и давало ему такое право. Позже, в 1972 г., по этому поводу он выразился следующим образом: «Я имею право на критику худшего в нашем обществе, потому что я сын его, люблю свой строй, во мне боль и радость народа, и я принимаю жизнь целиком — со светлым и темным».

Впервые стихотворение было напечатано в газете «Літаратура і мастацтва» 27 октября 1956 г. Наиболее смелой и острой была концовка — она аккумулировала в себе всю разоблачительную энергетику стихотворения:

А хто памкнецца іх быт парушыць,
Адразу трапіць у іх засаду —
Яны аблаюць, яны заглушаць,
Яны задушаць салідным задам.

Я знаў на фронце, што вораг — вораг.
А як жа стукнуць па гэтых мордах?
Між нас прыжыўся, зашыўся ў норы
Прыстасаванцаў агідны ордэн.

Продолжение темы раскрытия отрицательных явлений в жизни общества аналогичными лирико-публицистическими средствами находим в стихах «Трэснула, грукнула...», «Верхалазы», «Навагодняе слова», написанных с непревзойденным мастерством.

«Кніга вандраванняў і любові» (1959), а также сборник «Тысяча небасхілаў» (1962) явились итогом творческих исканий поэта периода «оттепели». В этих книгах есть то, что можно назвать восхищением жизнью: «Сэрца і тугой, і сонцам поўнае, і жыццё — цудоўнейшая рэч!..» Слово в его строке начинает чувствовать себя более вольно и непринужденно, наметилась тенденция взаимодействия жанров. Перестало наблюдаться былое контрастное разделение на «интимную» лирику и «политическую» — автор стремится к синтезу первого и второго и пишет буквально обо всем: о Родине, о любви и влюбленных, о лесах и озерах, о верхолазах и приспособленцах, чиновниках и функционерах.

Художественный мир поэта приобретает плюралистичность, которой ему ранее, в послевоенное десятилетие, не хватало, — многоцветность, своеобразный полифонизм, многозначность. По причине этой плюралистичности не все, что выходило из-под пера, сразу попадало в печать. Нужно сказать, что и Панченко приходилось писать «в стол». Созданное в 1956 г. стихотворение «На сходах часта ў звон мы гучна б'ём...» появилось в печати только в 1993-м — через 37 лет:

Каб разжаваць пытанняў важных соль,
Да старшыні у кабінет нас клічуць.
«Трэ узгадніць!» — і пальцам тыц у столь.
А там, на версе, столь падлогай лічуць.

«Не будет ошибки, если скажу, что печально известный Главлит со страхом ждал каждой новой подборки стихов поэта, каждой новой книги, — отметил Р. Бородулин в упомянутом предисловии к книге избранного П. Панченко. — Лес карандашей и ведра пасты для шариковых ручек извели чекистски бдительные главлитчики, запрещая, правя, перечеркивая, режа по живому телу поэзии. Както однажды в самый полдень брежневщины Пимен Панченко почти в отчаянии сказал, что у него насобирался увесистый том стихов, запрещенных советской цензурой». И далее: «Строка любимого народом поэта пробивалась зеленым подорожником из-под плит сталинского соцреализма, из-под плит цензуры, изпод свинцовых туфлей идеологов от райкома до ЦК. И оставалась панченковской, а это значит бескомпромиссной и задиристой, неповторимой и непокорной, новаторской и классической».

В конце 50-х годов П. Панченко побывал в США в составе белорусской делегации на XIII сессии Генеральной ассамблеи ООН. Летом 1960 г. он гостил в Канаде (шекспировский фестиваль), немного позже посетил Турцию, Грецию, Италию, Марокко, Сенегал, Гвинею... «Здесь сердце каждое на хуторе», — так скажет он о капиталистической действительности, и в этом, конечно, много правды, однако произведениям о загранице во многом мешают прямолинейность и схематизм. Они насквозь политические. Впечатление от «заграничных» стихов поэта такое, будто они написаны человеком, который излишне предвзято смотрит

на ту жизнь и порядки, куда он попал, нередко давая понять, что межнациональная близость для него важнее, чем национальная особенность какого-нибудь народа. Автор лелеет надежду, что человечество возьмется, наконец-то, за ум и начнет жить по законам всемирного братства...

После возвращения из заграничных командировок по-новому, с каким-то особенным умилением воспринималось родное:

Росная зялёная айчына!
На цябе, паўнюткую святла,
Пазіраюць круглымі вачыма
Птушаняты з цёплага дупла.

З гнёздаў мы даўно павылятали,
Ды не развучыліся глядзець,
Як па спелым полі, па атаве
Дождж грыбны на дыбачках ідзе.

«Дождж ідзе...»

Образ «роснай зялёнай айчыны» найден в сердце поэта, он натурален, выношен и чрезвычайно органичен — с грибным дождем, который «на дыбачках ідзе».

В 60-е годы в поэзии Панченко появился живой, «не эклектический» человек в богатстве и неповторимости его и биографии, и судьбы. Об этом убедительно свидетельствовала книга «Пры святле маланак», которая вызвала живой интерес критики. «Огнями двух гроз, — сказал о книге Р. Березкин, — вчерашней военной и сегодняшней мирной, «природной», — озарены страницы сборника». Атмосферу войны, моральный климат войны П. Панченко, надо сказать, не забывал никогда. Боль, которая поселилась в сердце поэта с того времени, не давала покоя: «Сябры мае, // Прашу цішэй паліць: // Зямлі яшчэ баліць. // І мне баліць».

И еще одна черта его поэзии 60-х годов — она становится все более исповедальной и аналитической. Одно из лучших в сборнике с этой точки зрения — стихотворение «Жыццё маё...», в котором задушевно-тихий лиризм синтезируется с публицистическими интонациями. Это исповедь перед временем со всеми его бедами и противоречиями, перед родной человечностью с чувством собственной вины за неизмеримые утраты и все бремя принуждения, нечеловеческого отношения, за порабощение человеческих душ.

Мой белы свет,
Мой свет цяжкі ды мілы,
Я ведаю, як трэба шмат рабіць,
Каб нам было бліжэй, чым да магілы,
Да шчасця і да сонечных арбіт.
Таму крывінкай кожнай ненавіджу
Я раўнадушных,
Чэрствых,
Прагных,
Хіжых,
Якія, каб паболей адхапіць,
Гатовы праўду Леніна забыць.
Гаворыце, што выйшлі вы з народа?
Куды? Чаму?
Якой цяпер пароды?
Я са свайго народа не выходзіў
І жыць да скону буду ў народзе.

У поэта, как видим, все более развивается чувство жизненной правды как истины в процессе ее движения и постижения. Он как бы и защищает «правду Ленина», но принцип узко понятой партийности уступает место более широкому,

общечеловеческому взгляду на вещи. «Жыццё маё...» проникнуто антиноменклатурным пафосом. «Гаворыце, што выйшлі вы з народа?» — в этом риторическом вопросе есть перекличка с известной песней «Вышли мы все из народа». «Куды? Чаму? Якой цяпер пароды?» Вопросы одновременно содержат как бы и ответ: вышли — значит, покинули народ, предали его. Автор выступает, в сущности, против партийной гегемонии над жизнью общества и — объективно — против самого строя, который к тому времени во многом уже исчерпал запас правды, на котором держалось его существование.

Мне сорамна народ агітаваць,
Каб людзі больш і больш штодня рабілі,
Мясілі гліну, валуны драбілі:
Ён ведае і сам, як працаваць...

Это, думается, сказано и старым, и новым идеологам, которые хотели бы регламентировать развитие человеческой личности и мысли, лишить человека свободы творчества и самостоятельности. Постепенно поэт начинает освобождаться от вируса тоталитаризма, но процесс этот идет понемногу, довольно медленно.

В начале 60-х годов он стал вести дневник. Среди записей за 1961 г. встречаем и такую: «Государство рабочих и крестьян. Но кто отучил крестьян любить землю?» Подобные вопросы — насколько неожиданные, настолько же, оказывается, на то время и актуальные, — начинают все более беспокоить поэта, и этот процесс позволяет сделать вывод о расширении онтологических, бытийных просторов мышления поэта и обновления на этой основе системы духовных ценностей. Одной из таких, наиболее приоритетных ценностей для человека всегда был родной язык. Панченко как поэт об этом хорошо знал и с ужасом чувствовал активное наступление ассимиляции.

Кажуць, мова мая аджывае
Век свой ціхі: ёй знікнуць пара.
Для мяне ж яна вечна жывая,
Як раса, як сляза, як зара.

Так начинается стихотворение «Родная мова», в котором воспеваются красота и духовная содержательность родного слова, которое содержит в себе генетическую память поколений, самобытность народного мировосприятия и национальный колорит. Это, по мнению поэта, ярко отразилось в неповторимом ладе языка, в его лексике, например, в названиях месяцев. Он упоминает эти названия и в каждом находит отпечаток душевно-эмоционального опыта белоруса: «Студзень — з казкамі снежных аблокаў, // Люты — шчодры на сіні мароз, // Сакавік — з сакатаннем і сокам // Непаўторных вясновых бяроз...» Взволнованно и прочувствованно звучат заключительные строки стихотворения:

Ці плачу я, ці пяю?..
Восень. На вуліцы цёмна…
Пакіньце мне мову маю,
Пакіньце жыццё мне!

П. Панченко еще и еще раз доказывает, что его стихи — искренний и обеспокоенный разговор с современником о проблемах насущных и неотложных. Автору свойственна причастность ко всему, что происходит в мире. Забота и тревога звучат в его сборнике лирики «Снежань» (1972). Эта тоненькая книжечка богата и разнообразна по своему содержанию. Лирический герой этой книжки — человек-гражданин, однако нельзя его ограничивать только общественной характеристикой. Он не абстрактное воплощение социальной практики. У каждого своя

жизнь. Разве ее нет у поэта? Другое дело, что она связана с жизнью всех. «Жыццё ўсіх» преломляется у него через частную судьбу человеческой единицы. Но единица эта с богатой душой. Вот, казалось бы, свое, частное: «І мяне хвароба тузанула, ведзьме рыхтавала на пасаг». Нет, не через собственное, личное поэт обращается к нам, утоляет нашу жажду познания. Значение частного, личного можно понять только в связи с общим, потому что жизнь каждого человека стала теперь полностью зависеть от путей и судьбы всего человечества. Персональное у поэта осмысливается в сочетании с множеством других судеб, событий, фактов. Отсюда полнота чувств и размышлений. Отсюда же — усиление роли поэтической выразительности, что благотворно отразилось на творческом своеобразии П. Панченко. Его характер выступает очень целостно, объемно. И что особенно важно: в этом характере судьба человеческая соединена с судьбою народной, что хорошо видно во многих стихах, поэмах, публицистике...

Философичность пришла к нему с возрастом. В 1967 г. он отметил свое пятидесятилетие. В 60-е годы мы не раз убеждались, что его строка становилась все более и более вдумчивой: в стихах отражалось размышление над смыслом человеческой жизни и временем.

Стихи философского звучания: «Вопыт», «Прырода надзіва праўдзіва...», «Паўвека... Гэта шмат — паўвека...», «Не люблю я слова «пакарыцель…», «Мае настаўнікі». В них можно видеть усиление социально-философской мировоззренческой основы Панченко. Шире стал его мир, глубже взгляд — в прошлое и в будущее. Именно в это время можно было наблюдать, как нарастал, обострялся у Панченко вопрос отношения человека к окружающей среде.

Но со временем он переосмыслил тему взаимоотношения человека и природы, начал раскрывать пагубность поверхностно-потребительского отношения к окружающей среде и ее богатств. В результате этого и появилось стихотворение «Не люблю я слова «пакарыцель...»:

Не люблю я слова «пакарыцель»,
Не люблю я слова «уладар»,
Вось зямля зялёная — бярыце
Для жыцця, і працы, і для мар.

Тема природы осмысливается здесь в качественно новых связях с духовной жизнью человека. Отношение людей к миру, природе связано с их взаимоотношениями. Природа требует от людей моральной устойчивости. Она, по убеждению поэта, обладает большой воспитательной силой; гармоническая личность, утверждает он, невозможна без духовно развитого чувства природы, с которой связана не только практическая деятельность, но и вся жизнь.. «Не люблю я слова «пакарыцель...» — один из образцов публицистической лирики, лишенной громкого пустословия и декларативности, где публицистический пафос переведен в «регистр» горячей личной речи. Убеждение поэта основывается при этом не на внешней лозунговой звучности строки, а на точности внутренней формы: мастерской озвученности («Хто ўладарыць, той і ўдарыць раптам»), этимологической выверке корневой сущности привычных слов и дефиниций, введении разговорной лексики, даже газетного жаргона.

Из биографии Панченко известно, что его детство прошло на милой сердцу Бегомльщине, на лоне лесов. «Меня всегда удивляло, — пишет поэт в эссе «Пра сябе», — какие у нас разнообразные, неповторимые леса: могучие пущи, всегда взволнованные осинники, звонкие высокие боры, просторные дубравы, веселые березовые рощи, застывшие в неприступных колоннах ельники, калиновые и черемуховые заростники... Для белорусских мальчишек лес — первая школа, зеленая энциклопедия. Он шумит, шелестит, кукует, перекликается, воет, гудит, грозно молчит. Душистая звонкая земля, родной дом, наполненный сказками, преданиями, легендами. С малых лет все мы учились пасти в лесу коров, собирать ягоды и грибы, вязать веники, вырезать из березы чечетковые посохи, а из лозы — дудки и свистки, находить птичьи гнезда, запасать на зиму орехи и рябину. Мы никогда не боялись своего леса».

Отсюда берет исток образ «сваёй баравіны», который возникает в его поэзии в 70-е годы:

У кожнага быць павінна
Свая баравіна,
Дзе трымаюць на зялёных руках
Сосны
Самае зыркае сонца.
. . . .
Дзе б я ні быў —
Баравіна са мной.
Хоць аднойчы за лета мне трэба
Паляжаць пад высокай сасной,
Парадніць вочы з небам.

«Баравіна»

После десятков произведений о малой родине и детстве стихи Панченко привлекают читателя новой точкой зрения, свежим поворотом темы, вызывают неожиданные ассоциации, размышления о том, о чем, казалось бы, сказано уже все. Мы видим, что встреча со «сваёй баравінай» утоляет духовную жажду лирического героя, который чувствует, что завоевание, покорение человеком природы поднялось на новую, более активную ступень, что он — человек XX века, — будучи существом природным, через эту неосмотрительную активность нарушил связь с природой, сделав попытку подчинить ее себе:

Хмары плаваюць над намі,
Зеляніна ўсё радзей.
Раз'яднанне, раз'яднанне
Дрэў, і птушак, і людзей.

«Хмары плаваюць над намі...»

Победа над природой, по мнению поэта, ведет к отрицанию жизни, поэзии, к их уничтожению. Тему гармонии человека и природы, преодоления отчужденности он развивает на многих страницах своих поэтических книг 70—80-х годов и в дневниковых записях.

Творческая эволюция Панченко — пример того, как вместе со временем развивалась творческая самостоятельность художника, как он все глубже овладевал мыслью о необходимости связи идеала с жизнью прогресса, с гуманизмом. Поэт до конца жизни был уверен, что поэзия — необходимый и незаменимый спутник человека в жизни, она нужна людям для счастья, в ней проявляется духовное богатство людей, она вызывает боль и радость, улыбку и слезы. Эта творческая концепция художника отразилась в книгах «Крык сойкі» (1976), «Вячэрні цягнік» (1977), с изданием которых у поэта были большие проблемы.

Лирика этого времени — свидетельство неустроенного состояния человеческой личности и общества, родного языка и культуры. Автор делает попытку поэтического самоанализа, нащупывания первопричин инфляции, эстетического бездействия слова. Ища спасения от отчаяния, он апеллирует к высокому авторитету Янкі Купалы:

Іду, як заўсёды, ў купалаўскі сад,
Падняўшы каўнер і насунуўшы кепку.
А ў садзе шуміць залаты лістапад,
Шапчу я: Іван Дамінікавіч, кепска...

Працуем, а нас не чытаюць амаль,
Жартуем, а людзям чамусьці не смешна...
Спакойны і мудры, глядзіць ён удаль,
Усё перад ім: гэты сад і бязмежнасць.

«Творчасць»

«Янка Купала — начинатель, основной художник, теоретик, законодатель всей белорусской литературы XX века, — рассуждал П. Панченко в июне 1994 г. во время беседы с одним из авторов этой статьи Н. Микуличем. — Он был великим писателем, пламенным гражданином. Его давние выступления по национальному вопросу, относительно судьбы родного языка и литературы и сегодня являются актуальными. Янка Купала о многом писал правдиво и ярко. Тяжелая доля народа, его непрестанный труд, светлые надежды — все легло в бессмертные строки купаловской поэзии. Творчество Я. Купалы вобрало в себя все лучшее, мудрое из белорусской народной поэзии. Поэзия Купалы — это душа белорусского народа». Интересные и характерные строки находим в одном из стихотворений Панченко 80-х лет:

Ён паэт найлепшы і найпершы,
Разбудзіў і таленты, і вершы.
Ён дзяліцца будзе вечна з намі
Песнямі прарочымі і снамі:

«І ўжо куды ні сабяруся,
Куды дарога ні памкне,
Мне сняцца сны аб Беларусі,
Маёй пакутнай старане».

«Любімыя радкі»

Какие-то «тектонические» сдвиги в обществе поэту открывались, но на Панченко, как уже говорилось, сильно подействовала «оттепель» 50—60-х, и он продолжал оставаться «шестидесятником», который верил в ленинизм и ленинские нормы партийного руководства, верил в прочность самой «системы». В дневниковой записи от 26 февраля 1976 г. П. Панченко отмечает: «Очень плохие стихи к съезду партии написали Бровка, Танк и другие поэты, как наши, так и русские.

А все из боязни потерять карьеру, желания быть на виду. Но так нельзя, это уже проституция политическая.

О коммунистах, о партии нужно писать только отлично, со всей отдачей души, если в дело Ленина ты веришь глубоко…»

Это нужно понимать в том смысле, что поэзия всегда была для Панченко средством духовного преображения человека, приобщения его к нравственности и красоте, к гуманистическому идеалу, что, к сожалению, не всегда по тем или иным причинам удавалось.

Сам поэт страстно борется за человеческую личность, за человеческие качества. В его стихах иногда наблюдаем резкий переход от лирического умиления к антагонизму и непринятию. Характерная для П. Панченко повествовательность переходит в пламенную публицистику — и здесь ему, как говорят, нет равных.

Былы мой друг зрабіўся жмотам,
Прыварак чэрпае густы,
Ірву яго старыя фота,
Палю няшчырыя лісты,

Не гіне род майстроў нажывы…
А я малюся аб адным:
Не дай мне, Божа, стаць ілжывым,
Зайздросным, злосным і старым.

«Даверлівая прастадушнасць...»

Что, однако, не изменяет поэту — это любовь к жизни во всех ее проявлениях, к родной природе и быту. Заметными поэтическими явлениями начала 80-х годов в этом смысле стали сборники «Маўклівая малітва» (1981), «Сіні ранак» (1984), в которых он удваивает и утраивает свои усилия прорваться через наслоения лживости, обмана, казенщины, потребительства, приспособленчества и вновь приобщиться к первичной и устойчивой человеческой природе.

Зрабіўся відушчым ты толькі цяпер:
Нам век не вучыць, а вучыцца;
Рабіць, памыляцца, узнімацца, цярпець,
Вучыцца ў бабра і ваўчыцы;
Нястомнасці вечнай — у мураша,
Зімовай трываласці ў дрэва...
Замоўкні ты ныць, трапяткая душа,
Табе адпачынку не трэба.

Стихи 1980—1990-х годов — это возвращение к тем местам, «дзе начуе жаваранак», к истокам. У автора выразительно стремление к универсальным истинам, которые приобщают человека к житнему полю, звездному небу, бесконечности Вселенной, высоким мыслям:

Дзе начуе жаўранак,
Скажыце,
Ці на лёгкім воблаку,
Ці ў жыце?

Запытаўся некага
Я ўранні...
Гэта пачалося ўжо
Вяртанне.

«Вяртанне»

В связи с такими стихами вспоминается определение сущности поэзии, которое когда-то дал философ Кант: «незаинтересованное созерцание». Такое ощущение поэзии находим во многих произведениях Панченко этой поры.

Внешне его стихотворные формы выглядят традиционно, но это только на первый взгляд. Особенности художественной формы строго подчинены задачам содержания. Лирическое действие подчеркивается и усиливается средствами гибкой, выразительной и чрезвычайно активной поэтики. Необычная языковая экспрессивность вызвана динамикой мысли и эмоций, чуть уловимыми мгновенными переходами одного чувства в другое, глубоким лиризмом. Пейзаж с присущими ему деталями дает ощущение безграничности жизни, что далеко выходит за рамки стихотворного текста.

В поэзии, как и в других жанрах литературы 80-х годов, возник интерес к онтологическим проблемам бытия, к вечным темам художественного познания, и дело не ограничивалось просто дальнейшим развитием традиционного жанра лирической медитации. Разговор шел об интеллектуальном и одновременно моральном уровне поэзии, о новом уровне поэтического мышления. Панченко ощутил вкус к широко развернутой метафоре — образному воплощению какого-то жизненного явления: «раўнапраўе дрэў», «крык сойкі», «рэвалюцыя сэрцаў і душ», «зямля мая — зялёнае гняздо» и др. Значение этих метафорических выражений в его стихах раскрывается подробно и многогранно, обогащая ассоциативность (целые гроздья метафор) стиля, углубляя понимание тех гуманистических ценностей, которые утверждаются в его творчестве, усиливая обаятельность самого лирического характера, поэтичность восприятия мира. Лирико-публицистический стиль становится многогранным: поэту не чужды и повествовательно-разговорная интонация, и возвышенно-романтическое начало, и сатирическая направленность. Богатство образного языка дает возможность гармонически сочетать цепкость социального взгляда с поэтизацией действительности, духовных возможностей человека. Однако теперь поэта беспокоит не столько желание изменить мир, сколько — осмыслить, познать его, насмотреться на его красоту, понять духовные основы мироустройства. Его поэзия в конкретных событиях и судьбах старается выявить присутствие всеобщих (онтологических) законов бытия. Она становится эзотерической, это значит, в чем-то таинственной. В сферу лирического переживания попадает космос с его «зорнай таямніцай», которая насчитывает столетия и тысячелетия:

Жнівеньская ноч як звар'яцела,
Развязала чорныя мяхі.
Сотні тысяч зорак пераспелых
Сыплюцца на мокрыя імхі.

Галаву і сэрца мне працяла
Млечным Шляхам.
Край сасновы мой
Сёння ноччу нейкім стаў працягам
Зорнай таямніцы векавой...

«Жнівеньская ноч як звар'яцела...»

В начале 1980-х у П. Панченко начинается новый творческий этап, связанный с познанием того, что когда-то Б. Пастернак называл «непреложностью общего хода вещей». Он непрерывный — «общий ход вещей». И в этой своей могучей непрерывности обладает лечебными свойствами — углубляет человеческое мировоззрение, одаривает мудростью. Любимую мысль Б. Пастернака — про «врачующую непреложность мира» — вспоминаешь, читая у Панченко «Вецер грукнуў форткай...»:

Лістападу радуйся і снежню,
І вятрам асеннім і снягам.
І малая крыўда здасца смешнай,
І як слаўна жыць — адчуеш сам.

Эмоциональные события в этом стихотворении происходят в сфере непосредственного мировосприятия и одновременно на уровне мировоззрения. Поэт ориентируется, можно сказать, на цикличность, на повторяемость бытия, и это позволяет каждый раз, каждый год начинать все сначала, жить не в истории, а в вечности. Шкала реальных ценностей при этом не только не сужается, а наоборот — как бы расширяется. Он приходит к мысли, что многие противоречия, которые переживает человек, таятся в самой природе бытия, безостановочном развитии мира и стремлениях личности. При этом у Панченко нет умышленного стремления быть «мудрым», нет каких-то обязательных сентенций, хотя сам его стих стал еще более слаженным, отмобилизованным, афористическим. Например, в стихотворении «Схема жыцця» поэт отбрасывает все малозначительное и мелкое и оставляет самую сущность — «схему», как он говорит:

Робім да стомы. Цягнемся. Марым.
Век здаганяем. Героямі ходзім.
Ззяем, як сонца. Чарнеем, як хмары.
Нешта губляем. Амаль не знаходзім.
Моцна кахаем. Ад шчасця заходзімся.
Рады, як чэрці. Як людзі, сумуем.
Сварымся. Мірымся. І разыходзімся.
Дзён не хапае. Тыдні марнуем.

Несколькими годами ранее такие строки, такой тон были для Панченко совершенно не характерными. Вместо тревожного «крыку сойкі» теперь наблюдаем как бы примирение с эмпирической пестротой бытия, констатацией его привычной повторяемости, признание и утверждение этой повторяемости как его, если хотите, сущности.

Планы складаем. Махаем рукою.
Зрэдку бушуем. Ціха згараем.
Прагнем спакою. Не бачым спакою.
Моўчкі хварэем. І паміраем.

Кто-то, возможно, вместо поэзии увидит в тексте всего только стихотворную информацию о каких-то событиях и случаях, но это будет ошибкой. Явление рассматривается здесь в его сущности, целостности становления и завершенности. Перед нами законченное поэтическое произведение. Белорусский автор включается в обсуждение общечеловеческой проблематики и фактически приходит к мысли, которую находим у философов-экзистенциалистов и которая заключается в том, что бытие повторяется, но человеческая сущность (доброта, ум, чувство ответственности) не прогрессирует. Человек — одинокий и достаточно беззащитный — такой вывод также можно сделать на основе этого стихотворения.

Творчество П. Панченко — злободневное, неотделимое от своего времени. При этом он никогда не поступался ни художественностью, ни талантом. Наоборот, связь со временем усиливала его талант и эстетические находки поэзии. Моральное восприятие действительности, острота социального взгляда ведут к тому, что он решительно преодолевает фактографичность, эмпиричность, а также поверхностную эмоциональность. Факт становится причиной для размышления, взаимодействует с другими жизненными фактами и явлениями. Поэт по-прежнему стремится говорить о том, что его беспокоит, и в этом смысле он нисколько не поступается индивидуальностью. Наоборот, будто бы еще более остро ощущает свое «я». Вокруг его личности создается как бы духовная «аура» — идейно-эстетическое поле поэтического творчества с характерным для него моральным напряжением. Его тревожило все — уничтожение лесов, непродуманное строительство крупных промышленных (и не только промышленных) объектов, загряз-

нение окружающей среды, радионуклиды, которые все шире распространяются по земле.

Характерная для поэта внутренняя полемичность в это время чем-то отдаленно напоминает Достоевского. Исследователь творчества Достоевского М. Бахтин в своих работах пришел к выводу, что основное значение в идейно-художественной системе этого писателя имеет диалог. Достоевский, как известно, выделялся темпераментом полемиста, которому свойственно было утверждать свою мысль в остром споре с оппонентами. В стихотворениях П. Панченко часто также заметна фигура решительно настроенного оппонента. Сравнение особенностей художественной системы Достоевского и современного поэта П. Панченко более чем неожиданное, тем не менее, думается, какая-то схожесть между их поэтиками есть. Присутствие незримого оппонента у Панченко помогает ему полнее раскрыть свои переживания и высказать мысли, полнее реализовать свой стиль. В качестве оппонента (особенно в последних книгах) выступало и само время с его нелегкими вопросами: «Калі з нас кожны мірна у пасцелі мяккай спаў, хлапчук, а не граміла, ларок абрабаваў».

Поэт жил с мыслью о человеке, о его воспитании и духовном обеспечении. Именно такое стихотворение «Хто вінаваты?», в котором что-то есть от газетного фельетона, с характерным, почти что обязательным для него «антигероем»:

Спачатку пазбавіцца рад
Ад бацькоўскае хаты,
А маці — у горад,
Даюць на яе
Трэці светлы пакой.
На хатчыны грошы,
На матчыны грошы
Абставіць кватэру багата,
А потым і маці цішком —
У Дом састарэлых
На вечны спакой!

Долгое время мы делали вид и говорили, что у нас построено общество развитого социализма, что в результате упразднения частной собственности родился новый человек, которому свойственна «полная эмансипация человеческих чувств и качеств», «преодоление отчуждения», возвращение к «настоящей человеческой сущности». Однако, как выяснилось, этого, к сожалению, не произошло. Более того, произошел регресс — отход, отступление от высоких норм человеческой нравственности. Этот регресс и беспокоит автора стихотворения «Хто вінаваты?». Открытая журналистская — фельетонная форма не только не мешает — углубляет его философско-этический смысл. Сохранить человеческое в себе — значит для поэта сохранить духовные, моральные ценности, без которых невозможна жизнь на земле. Это и есть, на наш взгляд, главная идея стихотворения «Хто вінаваты?» — идея, которая придает целостный характер всей книге «Лясныя воблакі», проникнутой жаждой духовности, стремлением познать непознанное. У него никогда не было склонности к душевному уюту. Взгляд на мир отмечен бескомпромиссной аналитичностью. Не только юмор, ирония, но и язвительный сарказм (как это мы видели в стихотворении «Хто вінаваты?»), который иной раз приближается к гротескным формам, — важнейшие стороны творческой индивидуальности поэта, его стиля, другой своей стороной связанного с глубинным лиризмом, поэтизацией действительности, стремлением к масштабности, реалистической простоте, объемной детали и образу.

С середины 1980-х начался период перестройки. Книги Панченко 80—90-х годов наполняются голосами самой жизни, до бесконечности, как оказывается, разнообразной, сложной и изменчивой. К перестройке поэт отнесся, как нам кажется, искренне, но, как это бывало с ним иногда и раньше, очень поспешно:

Гэта новая рэвалюцыя,
Гэта новы Кастрычнік ідзе,
Мы — байцы.
Прэч хлусню рэзалюцый!
Толькі праўду штодня,
Для людзей...

Во второй половине 1980-х книги, как и ранее, выходили довольно часто: «І вера, і вернасць, і вечнасць» (1986), «Горкі жолуд» (1988), «Неспакой» (1988). Автор напряженно обсуждает проблему человека, его моральных, духовных качеств. Лирика П. Панченко богата мыслью, философским, духовным содержанием. Со временем ему все больше открывалась многогранность бытия, его глубинные пласты и причинно-следственные связи.

По существу, автор борется за ту же самую идею, за ее очищение и дисциплированность, не подозревая, что она утопическая, что расстояние от утопии до реальности еще никому не удалось преодолеть.

В названии сборника «І вера, і вернасць, і вечнасць» есть, видно, перекличка с книгой М. Танка «Прайсці праз вернасць» (1979), в которой прозвучала тема верности поэта идеалам своего поколения и своей эпохи. В принципе, П. Панченко также, несмотря ни на что, всегда принимал свое время и его идеалы и, соответственно, разговаривал с читателем, если так можно сказать, на языке поэзии и языке идеологии.

Продолжается и собственно поэтическая тенденция в его творчестве, о чем свидетельствуют стихи «Кажуць, трэба стварыць чалавека...», «Ціхія», «Кабінеты», «Запасныя гнёзды», в которых симпатии и антипатии автора, как это всегда было ему присуще, разделяются, а общее настроение резко ухудшается.

Абрыдла пустаслоўя недарэчнасць,
Не цешаць ні сябры, ні кнігі, ні радня.
Наіўна я пісаў пра чалавечнасць:
Замест працы — ўсюды балбатня.

Не сніся мне, жытнёвае маленства,
Развеяўся начлежны цёплы дым…
А навакол — адны мерапрыемствы,
На мове канцылярскай мы гудзім.

«Паядынак»

Время перестройки выявляется у Панченко не опосредованно, не путем каких-то аналитических выкладок, а через искренность самого поэта, для которого поэзия была и оставалась не только способом высказывания, но и, без преувеличения можно сказать, способом жизни. «Писать — как жить», — таким было alter ego, и он, всматриваясь в жизнь, многое начинает понимать по-другому. «Нас долго кормили, — отмечает он в статье «У бурны час», — сладкими сказками про «светлое будущее». Даже конфеты такие выпускались «Счастливое детство». Представляете: «Дайте мне четыреста граммов «Счастливого детства». Или: «Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет».

Теперь вся надежда на молодых».

Стихи и дневники этого времени переполнены размышлениями, жалобами, переоценкой старого, покаянием.

Я рос бяздумным дурнем, як і ўсе,
І славіў росквіт,
Светлы век машынны.
Глядзеў з пагардай на каня ў аўсе,
На воз бацькоўскі свежай канюшыны.

Так начинается написанная в середине 1980-х «Паэма сораму і гневу» — произведение, если можно так сказать, «панченковское», своеобразная «исповедь сына века».

Я цэрквы закрываў,
Я абразы паліў.
Сялянскую маёмасць перапісваў.
І нюхалі нішчымныя палі
Кароў галодных
Родныя мне пысы…

. . . .

Я ссек сады,
Прынёс бяду лясам,
Я сеяў кукурузу на балотах,
Абкрадзены народ
Пачаў цягнуць і сам,
І п'яніцы валяліся пад плотам.

В этой исповеди есть все: и стыд, и гнев, и возмущение. И все это было бы похоже на плод бурной фантазии автора, если бы не правдивые, неоспоримые факты.

То я ўзрасціў няўмек і гультаёў.
Застой. Крадзёж.
На складах — горы дрэні.
Зямлі і праўды, мовы і гаёў
Ірвалі мы спрадвечныя карэнні.

Наконец герой поэмы понял то, о чем догадывался давно: революция его предала, а человек как был, так и остался в стороне, за бортом, хотя говорить о нем и восславлять его стали больше, чем когда-нибудь. Теперь он как бы догадывается: то, что выдавалось за коммунистическую идею, в действительности является отчуждением человека от собственности и власти, от права распоряжаться продуктами своего труда, что вело к насилию и беззаконию.

Заканчивается «Паэма сораму і гневу» следующим образом:

Дык хто мы?
Песняры ці хлусняры?
Я добра жыў:
Пакутваў і спагадваў,
Я верыў Леніну
З дзіцячае пары…
Няхай агнём бязлітасным гарыць
Свет бюракратаў, махляроў і гадаў.

В поэте словно проснулся пророк — своеобразный библейский Иеремия, который проникновенным своим умом, обладая даром воображения и предвидения, пристально всматривается в извивы и повороты национальной судьбы, стремится увидеть скрытые ее черты.

В начале 1990-х П. Панченко писал о своем собрате по поэзии Р. Бородулине: «В последние годы поэт написал много стихов и поэм, в которых он избавился от политизации и публицистичности (и которыми много грешили некоторые поэты, в том числе и я). Бородулин приник к самым первородным основам народной жизни, труда, обычаев, обрядов, мировоззрения». Нечто похожее можно было сказать и о самом Панченко, который в это время также начал приникать к первородно-онтологическим пластам человеческого бытия, снова писать о «нетленном», о вечном.

Калі я ўспомню
Аб пражытым,
Жыццё гартаю
Спісаны сшытак.
Пачуць хачу я
Дыханне жыта.
Не скіба хлеба —
Душы патрэба.

Мир представлен в этом стихотворении в своей бытийной оголенности, слышится голос самой природы, жизненной конкретики и логики. Подтверждается замеченное когда-то Р. Березкиным умение поэта проникать в сущность жизненных явлений.

Стаю ля жыта,
Малюся жыту,
Пішу пра жыта,
Ізноў пра жыта:
Умее жыта
Душу лячыць.
Пакінь, зязюля.
Гады лічыць!
«Калі я ўспомню...»

Разговор идет о ржи, хлебе, однако произведение впечатляет своей неутилитарностью, ощущением онтологичности бытия, верой в его бесконечность. И еще. Поэзия здесь очень плотно соприкасается с языком: живое дыхание стихотворения — через звукопись, оркестровку — связано с глубинами языка, что помогает проявляться эстетическим качествам произведения.

Из последних книг П. Панченко нужно отметить «Высокі бераг» (1993) и «Зямля ў мяне адна» (1996). В них также бурлит дух эпохи. На страницах этих книг созданы типические образы настроений, переживаний, какие в итоге и выявляют мировосприятие и мирочувствование современника.

Што мне ваш плюралізм!
Бо праўда ў нас адна,
Нібы далоні матчыны
шурпатыя.
Зямля ў мяне адна,
Любоў і смерць адна,
Адна ў мяне і франтавая
партыя.
«Зямля ў мяне адна»

В этот, последний, период поэт как бы распряг слова и выпустил их на волю, с ужасом поняв, что мир запутался, что все идеи переживают девальвацию. Но одна идея не отпускала его до конца жизни. Это — идея национального возрождения, которая стучалась в поэзию Панченко многими темами и мотивами его творчества, в том числе и темой духовной экологии, защиты и сохранения родного языка и культуры. Он восстает против великодержавного шовинизма. В разговоре о наболевшем широко обращается к разговорной интонации и синтаксису, режет, что называется, правду-матку в глаза.

Значительный резонанс в обществе получило стихотворение «Развітанне», впервые напечатанное в газете «Літаратура і мастацтва» 26 февраля 1988 г. В нем выявился талант поэта, способного на необычайно эмоциональное и глубоко личное высказывание, которое вновь передается через обращение к Янке Купале:

Родны Янка Купала,
Вы пісалі:
«Я веру — настане».
Дарагі мой Іван Дамінікавіч,
Не, не настане!
Гэта ўжо не світанне,
Гэта наша настала змярканне,
Гэта з мовай маёй,
Гэта з песняй маёй
Развітанне.

Это стихотворение о перепутье с несбывшимися надеждами, сжатое до душевной боли за политику «могучих бюрократов», за их фальшивые «сверх-интернационалистические» проповеди.

«Абрыдла мне дзяржауная палітыка», — говорит Панченко в одном из стихотворений, но и многие веяния и явления в жизни послеперестроечной эпохи его тоже не радовали. Он видит, что духовная обездоленность национальной интеллигенции и народа приводит к тупиковой ситуации. В книге «Горкі жолуд» были такие строки:

Не сярдуйце, не крыўдуйце,
Гаснуць сонца колеры.
І на беларускай дудцы
Не іграць ніколі мне.

Проникновенные строки! Внешне спокойная, уравновешенная интонация подчеркивает глубокий трагизм того, что происходит и что составляет содержание этой строфы. В настроении, в восприятии мира, в размышлениях преобладает печаль.

Стаміўся я, стаміўся
Няпраўды перабор.
Ізноўку стыне ў місе
Мой беларускі боршч.

Ізноў расчараванне
Не цешыць ззянне рос,
Не захапляе ранне:
Не той цяпер узрост.

. . . .

Душы няўтульны голад
Надзеяй закілзай.
Жыцця свой горкі жолуд
Журботна дагрызай.

Понятно, надвигалась старость, жизнь неумолимо приближалась к своей «апошняй вярсце», и такая перспектива оптимизма не добавляла.

Што расце на апошняй вярсце?
Сіні мох, і палын, і быльнёг скрозь счарнелы,
І пасечаны голлем,
Дуб забыты расце...
Безнадзейныя людзі
Тут крочаць нясмела...

. . . .

А з пачатку жыцця
Столькі светлых ідэй!
А цяпер не прысняцца
Старыя ўспаміны.

Ні жыцця, ні любові,
Ні добрых надзей.
Толькі Бог нам прашэпча:
«Спіце ціха і мірна...»

«На апошняй вярсце»

Однако печаль исходила не только из предчувствия «апошняй вярсты» — была еще и другая причина для минорного настроения. В облике свободы он увидел не только жизнеутверждающие, многообещающие черты, но и жестокость, вседозволенность. Свобода, направленная, казалось бы, на добродетель, у людей, лишенных жизненной мудрости и терпения, перерастала во что-то противоположное. Здесь было нужно мужество, и поэт мобилизовал весь свой гуманистический опыт. Эти строки звучат как завещание:

Новае творыцца цяжка і доўга
З выпрабаванняў, з адвагі, з пакут.
Ні пастановы, ні планы, ні догмы
Нам уладальнікаў дум не спякуць.

Самаахвярнасць і міласэрнасць,
Праца да стомы,
З няпраўдаю бой
І справядлівасць паселяцца ў сэрцы
І павядуць па жыцці за сабой.

Наследие, которое оставил П. Панченко, неравноценное в идейно-художественном отношении. Что-то уже сегодня воспринимается как документ своего времени, однако большинство произведений, будем надеяться, останется ценным духовно-эстетическим приобретением для будущих поколений — людей XXI века. Потому что его поэзия наделена несомненным свойством возвышать человека, стремлением помочь ему думать, созидать, жить. Она приобщает к красоте и одновременно проникнута тревогой за судьбу мира, она утверждает ценности и идеалы народной жизни.

Поэтическое наследие П. Панченко — правдивая энциклопедия нашей духовной жизни, зеркало, в котором мы видим и узнаем себя.

Перевод с белорусского Н. КАЗАПОЛЯНСКОЙ.

С точки зрения рецензента

Здесь полоцкий дух

Любое начало, пожалуй, всегда имеет продолжение. Особенно это применительно к делам добрым и важным. Подтверждение тому то, что делает Анатолий Стецкевич-Чебоганов. Первая его книга «Я — сын Ваш» из серии «Летапіс беларускай шляхты» (выходит в двух вариантах — на белорусском и русском языках), изданная в 2011 году, сразу получила широкий научный и общественный резонанс. Привлекла внимание как своей проблематикой — исследование белорусских шляхетских родов, так и, в той или иной степени привязкой автора ее к собственному роду, имеющему глубокие и давние корни. Никакого сомнения не вызывало то, что обязательно последует продолжение. Впрочем, и сам Анатолий Васильевич этого не скрывал. Следом за первым томом последовал второй, за ним — третий. Так постепенно вышло пять томов. Получилась своего рода историко-исследовательская библиотечка. Подарил А. Стецкевич-Чебоганов свое «собрание сочинений» Национальной библиотеке Беларуси. Нашлось ему место и в других библиотеках. Не говоря о том, что эти книги востребованы и за рубежом. Не только в странах ближнего, но и дальнего зарубежья.

И вот — седьмой том, выпущенный редакцией журнала «Роднае слова». Почему сразу седьмой, если еще не вышел и шестой? Да потому, что шестой может немножко и «подождать». На это есть веская причина. Седьмой том посвящен Корсакам гербов «Корсак» и «Лис», Гетолтам, Тышкевичам, Гарабурдам и Горностаям из рода Колениковичей-Мишковичей и Реутам герба «Газдава». Жизнь же некоторых представителей этих родов тесно связана и с Полоцком, а если шире, то с Полотчиной в ее историческом понимании. В этом же году Полоцк — столица Дня белорусской письменности. Так почему бы своевременно не повести разговор о том, как с самым старым белорусским городом, размещенным по обоим берегам Западной Двины при впадении в нее реки Полоты, связаны судьбы представителей нескольких древних родов белорусской шляхты. И конечно же, не обойти вниманием, как судьбы их «преломились» в судьбе самого А. Стецкевича-Чебоганова.

Анатолий Васильевич, осмысливая концепцию, структуру новой книги, нашел оригинальный подход. В качестве исходящего момента он взял известный памятник древней белорусской письменности XVI — начала XVII столетия — Баркулабовскую летопись. Отталкиваясь от нее, и начал «даследванне абагульненых біяграфічных звестак і роднасных сувязей асноўных асоб», которые встречаются в этом произведении. Картина получилась впечатляющая. Дотошность автора, основанная как на внимательном прочтении самой летописи, так и на старательной работе в архивах, привела к интересным, а порой и неожиданным результатам, в итоге чего видно, насколько взаимосвязаны судьбы тех, кто жил раньше, и живущих ныне.

Начиная с Баркулаба Корсака, являвшегося инициатором создания летописи, в названии которой звучат его имя и его имение Баркулабово. Однако, если придерживаться содержания летописи, баркулабовцы — это и мать основателя Баркулабовки городничая полоцкая Мария Гетолт, дочь Ева Соломерецкая, внучка Гелена Соломерецкая, родственники Баркулаба Ивановича — Роман Реут и Михаил Гарабурда. Кстати, внучка, выйдя замуж, стала Стецкевич. Ни о чем это не говорит? Да и в дальнейшем неоднажды всплывет «след» самого А. Стецкевича-Чебоганова. Хотя бы этот пример: «Маці Міхаіла Гарабурды, Міласлава, паходзіла з роду Сачкевічаў на Ліпах, да якой належыць таксама і галіна майго роду Сацкевічаў-Статкевічаў. Міласлава была замужам за Фёдарам Грыгор'евічам Гарабурдам, пісарам каралевы Боны».

Не мог обойти своим вниманием А. Стецкевич-Чебоганов и род Реутов. И потому, что он — очень древний. Хотя есть и еще одна, не менее веская причина, о чем и говорит он: «Вядома, што ў XVIII ст. вылучылася мінская галіна роду, прадстаўнікі якой жылі каля Слуцка. Гэта мае прамыя продкі». Анатолию Васильевичу повезло. В метрических книгах Погостской Иоанно-Предтеченской церкви он отыскал важную для себя запись. Она свидетельствует о том, что 7 октября 1817 года женились Самуил Карафа-Корбут и Ирина Реут. Самуил Яковлевич — это прадед его бабушки Марии Александровны. Судьба Ирины Реут сама по себе интересная. Она прожила всего 34 года, умерла от лихорадки. Но родила восемь детей. Последний из них — прапрадед А. Стецкевича-Чебоганова. А такой факт разве не интересен? Среди предков Ирины Реут — Соломонида Гетолт. Она же, как и графы Тышкевичи, происходит от известного киевского боярского рода Колениковичей-Мишковичей.

Тесно на земле. Ей-богу тесно. Особенно если за дело берется Анатолий Васильевич. Куда ни бросит свой взор, обязательно отыщет своих родственников. Применительно же к тематике седьмого тома можно сказать еще и такое: что ни род — есть и «полоцкая прописка»: «У XVI і XVII стст. Рэуты займалі значныя пасады і карысталіся вялікім уплывам на Полаччыне». Конечно же, А. Стецкевич-Чебоганов не ограничивается только такой констатацией. И конкретно говорит о том, в чем это проявлялось. Точно так же, при любой возможности, уточняет степень родства.

Приоткрываются, говоря его словами, «жыццёвыя лёсы толькі некаторых прадстаўнікоў слаўнага роду Рэутаў. Няпростыя былі дарогі, якія прывялі іх з берагоў Дзвіны і віцебскага Паазер'я на Случчыну». А Слутчина в ее историческом понимании — это и родная Анатолию Васильевичу любанская земля. Песняром Любанщины он и является, отслеживая через судьбы тех, кого с полным на то правом можно назвать людьми со своей непохожей на других биографией. Каждый том в эту связь судеб вносит нечто новое. Отрадно и то, что А. Стецкевич-Чебоганов эту связь отслеживает на большом временном отрезке, который измеряется иногда не десятками лет, а столетиями. Эти столетия, состоящие из разнообразных событий, благодаря тому, что как бы подсвечиваются людскими судьбами, обретают еще большую неповторимость.

Седьмой том от предыдущих отличается, однако, не только своим содержанием. Да и не только тем, что в качестве исходящего момента взята Баркулабовская летопись. Есть еще и иное отличие, причем очень существенное. Анатолий Васильевич предстал в новой для себя ипостаси. Впрочем, такое определение все же несколько неточное. Ибо имеется в виду то, что в томе присутствует исследовательское начало. Однако элементы его были и в предыдущих томах. Но обобщающие материалы на этот раз полностью несут в себе научно-исследовательское начало. Конечно, А. Стецкевич-Чебоганов и до этого был очень внимателен к фактическому материалу. Свои рассуждения строил на использовании многих первоисточников. При этом не пересказывал их, а цитировал, чтобы читатель — в том числе и ученые — мог лучше понять авторскую мысль, убедиться, насколько точка зрения автора аргументированна. Этому способствовало и то, что в отдельных случаях полемизировал, если на то или иное событие имел собственную точку зрения. Однако исследовательские моменты все же не доминировали. Такой подход использовался только тогда, когда нужно было лучше аргументировать, обосновать свою мысль.

На этот раз исследовательское начало пронизывает весь том от начала до конца. Чтобы убедится в этом, достаточно только взглянуть на ссылки на использованные материалы — их более двух тысяч. Сведения из архивов, исследования ведущих историков и их молодых коллег, многочисленные публикации — этот или иной материал А. Стецкевич-Чебоганов не просто цитирует. Он пропускает его через себя. На чем-то сосредотачивается больше, на чем-то — меньше. Однако обязательно происходит своего рода работа души — до предела напряженная, такая, что просто удивляешься, насколько автор умеет углубиться в суть проблемы, а через судьбу отдельного человека увидеть само время.

Однако время в его книге предстает не как нечто застывшее, остановившееся, а в его историческом развитии. Опять-таки — через события большие и малые. Через судьбы… Автоматически судьбам людским также едва не дал такое определение. К счастью, вовремя спохватился. Да, каждая человеческая судьба, если внимательно присмотреться к ней, сама по себе большая. Она — тот же Космос. Понять его сущность, глубину и помогает А. Стецкевич-Чебоганов. Даже тогда, когда приводит только небольшие биографические сведения. Но они подаются так, что главное о человеке все же прочитывается.

Такому пониманию еще очень помогают снимки. И успевшие уже покрыться пылью времени, и сделанные сравнительно недавно. Что прежде всего привлекает внимание, так это лица тех, кто на них запечатлен. Эти лица настолько одухотворенные, что невольно ловишь себя на мысли: все эти люди — очень добрые. Жившие некогда на земле, да и ныне живущие. Дело не в том, что, возможно, это сказывается умение — фотографируя их, найти нужный ракурс. Причина иная, притом очень существенная. Не будем забывать, что все они — представители древних шляхетских родов. В этих же родах, как правило, плохих людей не было. Положительные качества передавались от поколения к поколению. Глаза же, не случайно говорят так, зеркало души.

Седьмой том — не только удачное продолжение исследовательского труда А. Стецкевича-Чебоганова. Это еще и хороший подарок ко Дню белорусской письменности. Читаешь его — со вкусом подготовленный, красочно оформленный, чудесно изданный — и невольно хочется перефразировать хрестоматийные строки великого русского поэта Александра Пушкина: «Здесь полоцкий дух, здесь Полоцком пахнет». Да и еще ближе воспринимаешь слова Анатолия Васильевича, которые помещаются в каждом томе с авторской подписью-факсимиле: «Святую веру продкаў, свой род, культуру і Айчыну шануй і беражы».

Тарас ЧЕРНИК

Личность

В пути

I

Мир многогранен, потому что развивается. Так и человек — гармоничен, пока идет к своей цели. Это говорит о том, что в жизни все взаимосвязано. А значит, не навреди. Ни себе, ни другим. Данный вывод, естественно, не новый. Но вот вопрос: как на самом деле не навредить?

— Надо четко понимать свое предназначение, — говорит генеральный директор футбольного клуба «Белшина» Александр Георгиевич Агранович, когда разговор заходит о взаимосвязи всего сущего в нашем мире и его целостности. — Я, например, человек технического склада ума, а кто-то другой преподает в университете иностранный язык. Каждому свое.

Без сомнения, это так. Именно поэтому работа А. Г. Аграновича долгое время была связана с машинами и механизмами. То есть в нем проявлялись те качества, которые он вырабатывал во время своей учебы, трудовой деятельности, творческих поисков по решению тех или иных технических и организационных задач, а также своего увлечения спортом. Эти качества, конечно же, индивидуальны.

Впрочем, каждый человек — индивидуальность, личность. Правда, при одном условии: если его внутренний мир содержит в себе необходимые составляющие — ум, знания, ответственность, терпение, целеустремленность. А в целом — желание жить, а не существовать.

Казалось бы, это так просто. Но в этой кажущейся простоте и заключается вся сложность.

Спрашиваю у Александра Георгиевича:

— В каком возрасте человек начинает понимать, что время его жизни

быстротечно, а потому надо ценить каждый день?

— Вы спрашиваете о том, когда человек начинает умнеть?.. — А. Г. Агранович грустно улыбается. — Я вам скажу вот что: человек, взрослея, мало-помалу набирается жизненного опыта. Этот опыт может быть богатым, а может быть бедным. Тем не менее, он вмещает в себя и достижения, и ошибки. Казалось бы, можно учиться. Но учатся единицы, потому что этот опыт не дает ответа на самый главный вопрос: «Как жить?..» Тут бы я посоветовал очень внимательно присмотреться к ребенку лет этак до пяти-шести. Примерно до этого возраста у него самые искренние, правдивые и уверенные суждения обо всех и обо всем. Почему? А потому, что такой ребенок живет без суеты, зависти и корысти. Ребенок таких лет простодушен и добр. У него практически нет пороков, которые, возможно, появятся и разовьются потом, с годами. Но самое главное — ребенок до пяти-шести лет свято верит своим родителям, подражая

им и выполняя их наставления и советы. Если бы такая вера была у человека всю его жизнь, если бы он мог соединить детскую непосредственность с взрослой опытностью, то не задавал бы этот извечный, набивший оскомину вопрос: «Как жить?» Ведь жить надо честно и просто, согласно известным заповедям и так называемым общечеловеческим ценностям. Все остальное — возраст, работа, должности, прогресс, общественное развитие — всего лишь прилагаемые к сохранению жизни. Сегодня, завтра и послезавтра. Отсюда и понимание ценности каждого нового дня.

II

Можно не задумываться о великом, вечном и непостижимом, а заниматься насущными вопросами и проблемами. Но это неинтересно и нерационально. Ведь мозг человека способен вместить в себя огромное количество информации, переработать ее и выдать неожиданное решение, в котором теория будет соединена с практикой. А это уже нечто новое, что искали ученые, специалисты и к чему осознанно или неосознанно стремились все. Например, к какому-нибудь более совершенному техническому устройству.

— В человеческой жизни нет ничего случайного, — уверенно подчеркивает Александр Георгиевич. — Все предопределено нашими помыслами, планами, стремлениями и даже незначительными желаниями.

Это высказывание, как и предыдущие размышления А. Г. Аграновича, характеризуют его как человека думающего, глубокого, разностороннего, постоянно копающегося в себе. Казалось бы, зачем это? Ответ очевиден: мы — люди, а значит, не просто живем, а анализируем свой путь, пытаемся ответить на многие вопросы и вызовы современности.

— Главное — быть самим собой, — доводит до логического конца свою мысль Александр Георгиевич. — Тогда, поверьте, все будет хорошо. Изначально будет хорошо.

На ум мне приходит известная фраза: «Все мы родом из детства». Именно этот факт нас объединяет и не дает забыть свои корни. Они — основа наших успехов и неудач.

Малая родина А. Г. Аграновича — город Бобруйск. Здесь Александр Георгиевич родился, рос, окончил среднюю школу, увлекся футболом. Это город его действительности и мечты. В целом Бобруйск и его знаковые места не просто знакомы А. Г. Аграновичу, а любимы им. Они — его биография, в которой, если покопаться, можно найти не только серьезные намерения и планы, но и сентиментальные моменты, которые были, скажем, в школьные годы.

— Сколько себя помню, интересовался историей родного города, — рассказывает Александр Георгиевич. — Невольно сравнивал себя с известными людьми. Теми, кто жил до меня, и со своими современниками. Спрашивал себя: «А что сделаю для Бобруйска и своих земляков я?..»

Этот вопрос не покидает его до сих пор.

— Это естественное состояние любого нормального человека, а тем более мужчины, который стремится быть востребованным, нужным, приносящим пользу себе, своей семье, людям, а также тому делу, которому служит, — замечает Александр Георгиевич. — По-другому нельзя.

Уже в старших классах он начал задумываться, куда поступать. Вопрос вроде бы несложный, но достаточно жесткий. Но не зря говорят: «Всему свое время». И в 1972 году Агранович подал документы в Могилевский машиностроительный институт. Благополучно сдал вступительные экзамены и поступил на факультет «Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты».

— Это был ответственный и важный выбор, — вспоминает Александр Георгиевич. — Дался он мне, конечно, не без труда. Принять правильное решение помогли увлечение техникой и, опять же, спорт. Мне хотелось не только осваивать что-то новое, управлять им, но и производить. Если не непосредственно стоять, скажем, у станка, то все равно обязательно участвовать в этом важном и увлекательном процессе. Как в футболе: пусть и не забивать, но быть в команде, работать на общий результат.

Увы, поступление в институт не значило, что сбылась мечта в общепринятом смысле этого слова. Но начало было

положено. А хорошее начало — половина дела, что общеизвестно.

Студенческая жизнь — особая тема. В ней есть все — и надоедающие лекции, и трудные экзамены, и познавательные житейские истории, и молодежные свадьбы, и воздушные мечтания, и участие в увлекательных мероприятиях, включая спортивные…

— Мне совсем не хотелось, как многим молодым людям сегодня, всего и сразу, — признается А. Г. Агранович. — Но стремление окунуться в большую жизнь, стать уважаемым человеком в своей среде, нашем обществе было.

Пожалуй, это и есть то основное желание, без которого невозможно осуществить намеченное.

III

Большая жизнь для Александра Георгиевича началась на Могилевском автомобильном заводе, который стал для него на время вторым домом. Это было в 1977 году. Внушительные производственные площади предприятия, объемы выпускаемой продукции, общественные начинания впечатляли новичков. Некоторые сразу же начинали рисовать перед собой захватывающие перспективы.

— Что касается меня, то я не обольщался, — говорит о том времени А. Г. Агранович, — так как хорошо понимал, что мой профессиональный путь только начинается, а поэтому надо трудиться, зарабатывать деньги, не забывать личные увлечения и стремиться идти вперед. Тем более что приняли меня в коллективе дружелюбно и доброжелательно. Все показали, рассказали, посоветовали быть всегда внимательным и собранным. Несколько раз повторили, что производство, за редким исключением, ошибок не прощает, а личная жизнь не должна мешать общественной. Эти первые уроки я, к счастью, усвоил.

Первая должность Александра Георгиевича на заводе — инженер-технолог, вторая — старший мастер производственного участка. Прежде всего, это работа с людьми, а потом уже применение своих профессиональных знаний, доведение производственных заданий и планов, спрос с подчиненных, развитие внутренних способностей. В целом все у А. Г. Аграновича получалось, но какие-то негативные моменты случались. Из-за них потом приходилось наверстывать упущенное, анализировать причины недоработок.

— Напряжение, естественно, было, но оно особо не чувствовалось, — замечает Александр Георгиевич. — А все потому, что рядом трудились профессионалы, люди с опытом. Все они, как правило, с пониманием относились к молодым работникам, поддерживали их словом и делом. Вообще в те годы отношения в коллективах между рабочими, инженерно-техническими работниками, руководством и простыми исполнителями были теплее и добрее, чем сегодня.

— Есть этому объяснение? — задаю вопрос.

— Есть. — А. Г. Агранович на минуту задумывается, после чего повторяет: — Есть… Тогда в большинстве своем все довольствовались тем, что имеют. Почти никто никому не завидовал. При этом чуть ли не каждый старался работать на совесть, от души, а если, скажем, в свободное время выходил на стадион, то и там вел себя по-человечески: с огоньком и старанием выиграть честно. Само собой разумеется, что и в то время были порочные люди. Но не они создавали общее настроение в обществе, не они задавали тон на производстве, отдыхе, в местах народных гуляний и спортивных игр. В чем-то люди семидесятых — начала восьмидесятых годов прошлого столетия были идеалистами, и поэтому подлости в них практически не было. Говоря это, я не стараюсь обелить прошлое, в котором осталось немало грязи, а выделяю то хорошее, которое, по возможности, необходимо взять в настоящее. Оно у нас бурное, напористое, зачастую бескомпромиссное, а так нельзя. В основе всего должно быть понимание и терпение. Ведь человек не робот с заданной программой, он нередко ошибается, ведет себя не лучшим образом, допускает брак в работе. Чтобы он изменился к лучшему, с ним надо работать.

Понятно, что теперь это уже выводы генерального директора футбольного клуба «Белшина», а не того инженера-технолога или старшего мастера производственного участка Могилевского автомобильного завода.

IV

В 1979 году А. Г. Агранович из Могилева переехал в Бобруйск — так сложились семейные обстоятельства. Подал заявление о приеме на работу на Бобруйский завод машин для внесения удобрений — предприятие в городе известное, серьезное, требующее от каждого члена коллектива соответственного отношения к своим обязанностям, а еще — дающее развитие не только техническим способностям, но и развивающее личные увлечения. Например, спортивные.

— Здесь я прошел все ступеньки, — делится своими воспоминаниями Александр Георгиевич. — От мастера до начальника цеха, от человека, любящего спорт, до генерального директора футбольного клуба.

Излишне говорить, что работа требовала полной отдачи. По-другому и быть не могло — производство, общественная жизнь. Да и людей в подчинении у А. Г. Аграновича было много. Например, механосборочный цех, которым руководил Александр Георгиевич, насчитывал 700 человек. По сути, это средних размеров предприятие. Чтобы управлять таким большим производственным подразделением, требовалась, что само собой разумеется, особая ответственность, самодисциплина, умение работать с людьми в любых ситуациях, что далеко не просто. «Ничего, справлялись, — коротко и скромно роняет А. Г. Агранович. — И в цеху, и на спортивной площадке, когда проводили личное время. Зато потом мне было легче».

Потом — это когда он в 1989 году перешел на Бобруйский завод «Сельхозагрегат», переименованный потом в АО «ТАиМ». И опять на должность начальника цеха. Только в этот раз Александра Георгиевича поставили руководить прессовым цехом. В нем свои особенности, но вот требования те же — план, качество продукции, экономия материалов, электроэнергии, воспитание молодежи и так далее. Обязанностей хоть отбавляй. Их еще прибавилось, когда А. Г. Аграновича назначили начальником коммерческого управления.

— Это было новое направление деятельности предприятия, — повествует о том периоде времени Александр Георгиевич. — Денег тогда, в девяностые годы, почти не было, был бартер, а все равно требования оставались прежними — продавать свою продукцию, расширять рынки сбыта и при этом не забывать общественные обязанности. Поначалу не совсем получалось. Ведь до этого у нас была плановая экономика, жесткая дисциплина. Учились, что называется, на ходу. Благо, на хороших во всех отношениях людей мне везло.

Тяга ко всему новому привела А. Г. Аграновича в солидную коммерческую фирму «Импульс», в которой он пять лет, с 1995-го по 2000 год, трудился заместителем директора по производству.

Интересуюсь у Александра Георгиевича:

— Что вы взяли из этой работы?

— Не взял, а укрепил некоторые свои личные качества, — поправляет меня он. — Это ответственность, порядочность, обязательность, увлеченность спортом.

Было бы со стороны А. Г. Аграновича лукавством, не скажи он этих слов. Ведь поднимался он по служебной лестнице вверх не по знакомству, а потому, что всегда болел за дело, справлялся с ним, совершенствовал его, выводил на новый уровень, расширял и укреплял свои организаторские способности.

V

В 2000 году А. Г. Аграновичу предложили две новые должности — одну из ключевых должностей на Агроммаше и заместителем директора Бобруйского завода тракторных деталей и агрегатов по коммерческим вопросам. Александр Георгиевич выбрал БЗТДиА.

— Во-первых, я имел опыт не только производственной работы, но и коммерческой, общественной, — объясняет свой выбор А. Г. Агранович. — Во-вторых, меня интересовала работа с большим коллективом, который ставит перед собой серьезные задачи. В-третьих, у меня уже было видение тех задач и планов, которые передо мной стояли.

Завод тракторных деталей и агрегатов работал по двум устоявшимся направлениям: кооперированные поставки на головной конвейер — 90—95 процентов, и продажа запасных частей — около 5—10 процентов. Лишь эти незначительные проценты давали предприятию

«живые» деньги, так как за остальную продукцию коллектив завода тогда не получал ни долларов, ни марок, ни другой валюты. Если сравнивать то время с сегодняшним, то открывается совершенно другая картина.

— В настоящее время большую нишу занимают кооперированные поставки,— раскрывает Александр Георгиевич финансовую составляющую Бобруйского завода тракторных деталей и агрегатов. — Это важно.

Тракторы — особый разговор. Их на Бобруйском заводе начали выпускать тогда, когда его возглавил А. Г. Агранович. Точнее, спустя два года с начала его директорства — в 2007 году. Этим нововведением Александр Георгиевич частично ответил на свой давний вопрос: «А что сделаю для Бобруйска и своих земляков я?..» А. Г. Агранович начал делать малогабаритные тракторы. Не один, естественно, а со своим коллективом. Но первым инициатором и организатором их выпуска все же был и остается он.

— Я понял выгоду от производства конечной продукции давно, — делится своими секретами Александр Георгиевич. — Это новые разработки и технологии, передовой опыт, международные торговые связи, гарантированное поступление финансовых средств, наконец, имидж предприятия, которое становится в один ряд с самыми известными производителями, включая головное — Минский тракторный завод.

А. Г. Агранович еще и еще раз доказывал правильность своего пути. И ему нельзя было не верить. Он такой, какой есть. А значит, не впускает в себя злое, дурное, грязное, ненужное. Живет в ладу с совестью, без суеты. Умеет слушать и говорить правду. Причем как о своих достоинствах, так и о своих недостатках.

Возможно ли это в наше время? Да, если у человека есть внутри твердый, несгибаемый стержень, который держит своего хозяина в физической и духовной форме, дисциплинирует его.

У Александра Георгиевича такой стержень имеется. Как, впрочем, и у подавляющего большинства его бывших подчиненных — рабочих, бригадиров, мастеров, начальников участков и цехов, других работников ОАО «Бобруйский завод тракторных деталей и агрегатов», а теперь уже КУП БФК «Белшина», который давно уже завоевал популярность в нашей республике и за ее пределами. Завоевал своей игрой и жаждой победы.

Футбольный клуб А. Г. Агранович возглавил в январе нынешнего года. Это не просто команда, а целая спортивная организация со своей инфраструктурой, в которую входит многофункциональный стадион имени Александра Прокопенко на 1500 посадочных мест. Стадион оборудован тремя раздевалками, конференц-залом, душевыми, тренерскими, беговыми дорожками. Есть гостиница «Юбилейная», где имеются ресторан, бар, буфет, тренажерный зал, бильярд, настольный теннис, парикмахерская, косметический кабинет, банкомат, камера хранения, комната переговоров на 30 человек. И так далее.

Не забывает Александр Георгиевич о производстве. Так, КУП БФК «Белшина» приняло участие в международном инвестиционном форуме «Мельница успеха», который проходил с 30 июня по 1 июля в Могилевском областном театре драмы и комедии имени Дунина-Марцинкевича. Коллектив клуба выставил стенд, подготовил мультимедийные и печатные материалы для участия в секции выставки: «Развитие сферы туризма и культуры».

Предложением КУП БФК «Белшина» для потенциальных инвесторов было и есть проведение спортивных учебно-тренировочных сборов в Бобруйске с питанием и проживанием. В инвестфоруме приняли участие более 500 представителей и руководителей мировых компаний из более чем 40 стран.

Немало внимания А. Г. Агранович уделяет подрастающему поколению. Не случайно команда ДЮСШ «Белшина» заняла первое место на областной спартакиаде ДЮСШ, СДЮШОР по футболу среди юношей 2004—2005 годов рождения.

— Все, что мы делаем в жизни, — искренне говорит Александр Георгиевич, — есть наш путь. И жизненный, и трудовой. Мне повезло на умных, добрых, порядочных людей, с которыми иду в одной команде. А еще мне помогает быть оптимистом моя семья, особенно дети, которых у меня четверо.

Что ж, счастливого пути!

Анатолий РЕЗАНОВИЧ

Авторы номера

ТЕЛЕВНОЙ Сергей Владимирович. Родился в 1959 г. на хуторе Графском Ставропольского края. Окончил Российскую академию народного хозяйства и гражданской службы при Президенте РФ и филологический факультет Северо-Осетинского государственного университета. Печатался в газетах «Литературная Россия», «День литературы», журналах «Сибирские огни», «Южная Звезда», «Дарьял», «Бийский вестник»,«Нижний Новгород», «Книголюб», «Венский литератор», «Белый ворон» и др. Лауреат всероссийских и региональных журналистских конкурсов, дипломант Международного литературного конкурса им. П. П Ершова. Живет в г. Моздок (Северная Осетия — Алания).

ЛИПСКИЙ Владимир Степанович. Родился в 1940 г. в д. Шелковичи Речицкого района Гомельской области. Окончил Минский техникум пищевой промышленности, факультет журналистики Белорусского государственного университета. Поэт, прозаик, главный редактор журнала «Вясёлка», инициатор и организатор Всебелорусских фестивалей народного юмора в д. Автюки Калинковичского района. Автор многих книг, лауреат Государственной премии Беларуси, литературных премий им. Я. Мавра и В. Витки, председатель правления Белорусского детского фонда. Живет в Минске.

ПОЗДЕЕВА Валерия Геннадьевна. Родилась в 1995 г. в г. Борисов Минской области. Студентка Белорусского государственного экономического университета. Печаталась в альманахе «Снежный ком». В «Нёмане» публикуется впервые. Живет в Борисове.

КОТЛЯРОВ Изяслав Григорьевич. Родился в 1938 г. в г. Чаусы Могилевской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик. Автор многих книг поэзии, многочисленных публикаций в изданиях Беларуси и России. Живет в Светлогорске.

МАРЧУК Георгий Васильевич. Родился в 1947 г. в Давид-Городке Столинского района Брестской области. Окончил Белорусский театрально-художественный институт и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве. Прозаик, драматург. Автор многих книг. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Живет в Минске.

СЕМЕНЯКА Валентин Михайлович. Родился в 1963 г. в д. Лысково Пружанского района Брестской области. Окончил Гродненский государственный университет, Академию управления при Президенте Республики Беларусь. Автор сборников стихотворений «На скрыжаванні», «Зорка залатая», коллективного сборника поэтов Зельвенщины «Зоры над Зяльвянкай». Живет в деревне Князево Зельвенского района Гродненской области.

ТРЕСТМАН Григорий Яковлевич. Родился в 1947 г. в Минске. Окончил Белорусский политехнический институт, редакторский курс Московского полиграфического института. Автор книг «Перешедший реку», «Голем, или Проклятие Фауста», «Свиток Эстер», «Земля оливковых стражей», «Иов», «...Где нет координат. Стихотворения и поэмы» и др. Живет в г. Иерусалим (Израиль).

ДЖО АЛЕКС (Сломчинский Мацей). Родился в 1920 г. в Варшаве (Польша). Польский писатель, переводчик и драматург. Автор псевдоанглосаксонских детективов и милицейских повестей, среди которых «Я третий нанесла удар», «Лабиринты смерти», «Пусть найдут своих врагов», «Черные корабли», «Серая тень» и др. Кавалер Ордена Возрождения Польши. Умер в 1998 году в Кракове (Польша).